

Министерство культуры и национальной
политики Республики Коми
Национальный музей Республики Коми

**XX век:
Человек в Эпохе.
Эпоха в Человеке**

материалы всероссийской
научно-практической конференции
14–15 ноября 2005 года

Сыктывкар
2006

**Министерство культуры и национальной
политики Республики Коми
Национальный музей Республики Коми**

**XX век:
Человек в Эпохе.
Эпоха в Человеке**

**материалы всероссийской
научно-практической конференции
14-15 ноября 2005 года**

**Сыктывкар
2006**

УДК 947"19"-058(063)

ББК 63.3(2)6-7

XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке : материалы всероссийской научно-практической конференции 14-15 ноября 2005 г. / Под ред. И.Ю.Моисеевой. — Сыктывкар, 2006. — 244 с.

ISBN 5-7009-0284-2

В сборник включены научные статьи и сообщения, подготовленные на основе докладов, прозвучавших на всероссийской научно-практической конференции «XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке», состоявшейся в Национальном музее Республики Коми (г. Сыктывкар) 14-15 ноября 2005 г. Конференция подтвердила научный и творческий интерес к антропологическому направлению в исторических и культурологических исследованиях.

Сборник адресован историкам, культурологам, этнографам, литературоведам, музейным работникам, краеведам.

Печатается по решению научно-методического совета Национального музея Республики Коми.

ISBN 5-7009-0284-2

© Национальный музей Республики Коми

© Авторы статей

**Понять Человека XX века
(о всероссийской научно-практической конференции
«XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке») ¹**

14-15 ноября 2005 г. в Национальном музее Республики Коми в рамках проекта «Между строк... Тысяча писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах» состоялась всероссийская научно-практическая конференция «XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке»².

Выбор темы конференции был обусловлен тем, что, несмотря на произошедшие изменения в последние десятилетия в российской культуре традиция понимания концепта «человек» как составной части понятия «масса» продолжает существовать в нашем менталитете, понятие «личность» еще не обрело должного осознания. Обсуждение данной проблемы было немаловажно с точки зрения предоставления исследователям новой возможности демонстрации научному сообществу и широкой публике уникальных эго-документов рядовых участников исторического процесса, а также презентации личностного осмысления и исследовательского анализа новых источников. Значимость обсуждения заявленной темы конференции рассматривалась ее организаторами как еще одна попытка понять Человека XX века, как возможность увидеть самих себя.

Тема конференции объединила сорок восемь специалистов из Санкт-Петербурга, Тамбова, Нижнего Новгорода, Майкопа, Краснодара, Казани, Ижевска, Петрозаводска, Сосногорска, Сыктывкара. Большинство иногородних участников участвовали в конференции заочно, они представили стендовые доклады, где поделились своими научными изысканиями. Столица Республики Коми – Сыктывкар – была представлена на конференции несколькими научными и учебными учреждениями (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкарский государственный университет, Агентство региональных социологических исследований, Сыктывкарский лесной институт, Сыктывкарский филиал Кировской государственной медицинской академии, Сыктывкарский филиал Нижегородского коммерческого института, Сыктывкарский педагогический колледж № 1, Сыктывкарский торгово-экономический колледж), а также учреждениями культуры (Национальный музей Республики Коми, Национальная галерея Республики Коми, Музей истории просвещения Коми края).

Всего же в работе данного научного форума участвовали очно семьдесят человек. За два дня работы конференции был заслушан тридцать один доклад, в качестве стендовых представлены двенадцать.

Первый блок докладов, представленных участниками конференции, охватывал ряд теоретических, историографических, источниковедческих аспектов историко-антропологических исследований.

Н.М.Игнатова в своем докладе продемонстрировала возможности интерпретации исторических источников по проблеме «Человек и власть» в сфере конкретно-исторического знания и различных направлений исторической науки – новой социальной истории, истории повседневности, исторической антропологии. М.А.Краева проследила основные вехи развития историко-антропологических исследований в XX веке. И.Ю.Моисеева представила историографический обзор зарубежных и отечественных (в том числе региональных) военно-антропологических исследований в контексте изучения мировых войн. Методологическим аспектам в современной историографии Великой Отечественной войны был посвящен стендовый доклад профессора Е.Ф.Кринко. Е.Н.Боле, проанализировав ряд архивных источников, затронула проблему социально-психологической реадaptации инвалидов Великой Отечественной войны.

Целый ряд стендовых докладов и выступлений участников конференции касался проблем военно-исторической антропологии: источниковедческих аспектов изучения повседневной жизни детей в период войн начала XX в. (профессор П.П.Щербинин), проблемы информационного вакуума в массовом сознании военнослужащих на примере начального периода Великой Отечественной войны (Ф.Б.Дроздов), репрезентации мира «человека воюющего» в воспоминаниях о Великой Отечественной войне на материалах Краснодарского края (И.В.Реброва), изучения конкретных судеб участников Великой Отечественной войны (Т.И.Ганова, Д.Г.Холопова, В.Н.Осипов, Ф.Н.Шарикова, В.Н.Каракчиев).

Интерес у присутствующих вызвали доклады и сообщения, в которых предметом рассмотрения стали такие редкие источники как дневники (О.Е.Бондаренко, С.С.Ходячих, Е.И.Морозова, Т.В.Голованова, К.А.Казакова) и материалы переписки (Н.Е.Плаксина, А.А.Юрпалова, Л.А.Митрошина). Некоторые аспекты изучения жизни городского сообщества «изнутри» на материалах устной истории были представлены в докладах О.А.Несиновой и С.Н.Филимончик. В докладе Е.В.Диановой в качестве одного из информативных источников истории и культуры представлялся девичий песенник.

Проблемы повседневности (революционной, советской и постсоветской) были затронуты в докладах Т.В.Тереховой, Т.П.Хлыниной, А.В.Коробейникова, Н.А.Юшковой.

Историко-антропологическое направление как одна из ведущих и перспективных тенденций в деятельности российских музеев было определено в докладах В.А.Сова, И.В.Мамонтовой, О.В.Орловой, Т.А.Солдатовой, С.М.Пешкиной. Анализу музейных собраний и экспозиций с позиций культурно-антропологического подхода были посвящены доклады А.Б.Островского, О.Н.Смирновой, Т.Ю.Туркиной. Проблема Человека в коми литературе XX века была отражена в выступлениях О.С.Зиявадиновой, Г.К.Лисовской, Р.И.Куклиной. Н.А.Михейченко высказала свое понимание Человека в пространстве и времени традиционной культуры начала XX в. (на основе магических действий Великого четверга). Д.М.Сахарных и А.В.Коробейников представили свои размышления о мире Человека в праздничной культуре на примере удмуртского праздника «гербер». В сообщении А.Ю.Елькина речь шла об участниках предприятий путей сообщения (на материалах Коми края начала XX в.). Профессор М.И.Бурлыкина поделилась своими взглядами относительно наследия В.И.Лыткина и А.С.Сидорова, обозначив их созидающие творческим конгломератом.

Специалисты разных отраслей научного знания (историки, культурологи, литературоведы, социологи, философы) продемонстрировали продуктивность и перспективность междисциплинарного подхода в данном направлении.

Следует констатировать, что конференция подтвердила научный и творческий интерес к антропологическому направлению в исторических и культурологических исследованиях, засвидетельствовала желание общества постичь самый близкий и одновременно наименее изученный в силу известных обстоятельств (догматизированных подходов, закрытости архивов и др.), наполненный испытаниями и гигантскими успехами, лишениями и мужеством, драматизмом и героизмом – XX век, и, что особенно важно, доказала стремление как известных ученых, так и начинающих исследователей познать Человека, его мироощущение, в этот самый сложный период российской истории.

---

¹ Материалы данной статьи опубликованы: КЛИО : журнал для ученых. – 2006. – № 1(32). – СПб.: изд-во "Нестор", 2006. – С. 277-278; Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 209-210.

² Конференция организована при поддержке гранта Президента РФ № 12-05/4-3995 и при поддержке Министерства культуры и национальной политики Республики Коми.

Игнатова Надежда Максимовна
к.и.н., старший научный сотрудник
отдела отечественной истории
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)

Особенности интерпретации источников по проблеме «человек и власть»

Интерпретация, то есть объяснение, наряду с описанием, является основной задачей исторического исследования. Под объяснением понимается способ раскрытия причинной обусловленности изучаемого явления, события или процесса, способ сделать прошлое понимаемым. Исторические источники включают в себя данные о человеке, обществе, государстве, о событиях, происходивших в разное время и в различных частях мира. Чтобы получить ценную информацию, необходимо понять особенности возникновения исторических источников, критически их оценить и правильно интерпретировать. Круг проблем, интересующих сегодня историков, существенно расширился. Поэтому историки активно взаимодействуют в изучении различных явлений с представителями других гуманитарных и естественных наук – социологами, антропологами, этнологами, психологами, историками науки и искусства, исследователями языка и литературных текстов.

В современной исторической науке происходит в определенном смысле смена парадигм, которая влияет на изменение и расширение подходов и методов в изучении исторических процессов, появление новых теорий и концепций. Отказ от марксистского доминирующего подхода в отечественной исторической науке привел к необходимости либо определить свои оригинальные принципы изучения истории, учитывая весь накопленный опыт, либо заимствовать сложившуюся на западе традицию изучения истории.

В западной историографии работа с историческими источниками растворилась в общих проблемах методологии истории, и в целом произошел отказ от общих моделей объяснения. В исследованиях преобладает культурологическая компонента и переход от макроисторических исследований к микроистории. В отечественной историографии остается приверженность к построению общих схем и объяснительных конструкций, сохранению в целом источниковедения, как отдельной исторической и научной дисциплины.

В марксистской парадигме исторический источник рассматривался лишь как хранилище фактов, нужных историку для выстраивания (ре-

конструкции) прошлого. При этом метод собственно источниковедческого исследования утрачивался. На современном этапе развития исторической науки с новой силой возобновляются споры вокруг исторического объяснения.

Из корпуса источников особо выделяются источники советского времени, противоречивой и интересной для исследователей эпохи. Особенности источников советского периода обусловлены, в первую очередь, сильным идеологическим воздействием на все сферы общественной жизни. Определенные группы источников советского периода не представляют трудностей для интерпретации. К таковым относятся организационная, распорядительная, отчетная, плановая и контрольная документация партийных и государственных учреждений. Их анализ позволяет определить реальные цели, задачи и способы реализации политики государства. Материалы делопроизводства партийных органов носили, как правило, строго конфиденциальный или секретный характер, предназначались для внутреннего пользования, и поэтому представляются достаточно репрезентативными, отражающими действительные замыслы и действия властных структур. Однако данные документы не позволяют представить полноценно реальную картину разворачивающихся исторических событий.

Изучение советской истории напрямую связано с архивоведением. В советское время в архивах откладывалась только государственная информация, при этом большая часть информации была засекречена и во многом до сих пор остается недоступной для исследователей. Источниковедение могло развиваться преимущественно во взаимосвязи с архивным делом, в связи с этим огромный пласт источников не рассматривался исследователями и не изучался.

Рассекречивание в конце XX в. большого количества документов по советской истории не позволило исследователям своевременно отработать методы источниковедческого анализа, необходимые при исследовании такой специфической темы, как репрессии и решить многие организационные, правовые и научно-методические вопросы. В целом проблема источниковой обеспеченности исследований по политической истории остается достаточно сложной. Кроме того, что многие документы до сих пор остаются засекреченными и недоступными для исследователей, большая часть информации раздроблена и разнесена по документам разных фондов. Некоторые рассекреченные материалы недоступны для исследования из-за плохой сохранности документов. Частично документы опубликованы, однако основная исследовательская работа по истории советского периода ведется на базе архивных материалов, не вводимых

ранее в научный оборот, либо с новых позиций исследуются источники, известные ранее.

Традиционно в рамках марксистского подхода история делилась на политическую, экономическую и социальную. Сфера политической истории, то, что сейчас определяется как проблема «человек и власть», излагалась через модель: ухудшение экономического положения – рост напряженности, социальный протест, классовая борьба. Между тем объяснение социальных конфликтов требует мотивации поведения их участников, изучения структуры повода, наряду с анализом глубинных объективных причин конфликтов, коренящихся, в том числе в экономическом положении социальных групп. Отсутствие в объяснительных моделях мотивационной компоненты создает лауну в изучении политического поведения, социальных, возрастных, этнических групп, элиты, политических партий и лидеров. Рассмотрение таких феноменов, как, например, массовые политические репрессии, возможно только при внимательном изучении широкого социального контекста. Такой подход не означает разрыва с традиционной историографией, а продолжает наметившуюся тенденцию усиления внимания к частной жизни, к простому человеку, его интересам.

На сегодняшнем этапе развития исторических исследований проблема «человек и власть» широко рассматривается в рамках социальной истории, которая включает в себя такие направления как история повседневности, история ментальностей, историческая психология и устная история. Для социальной истории то, что происходит непосредственно от человека, его действий, поступков, мыслей и чувств, обладает непосредственным преимуществом, например, перед законами, нормативно-распорядительными документами, перед официальной трактовкой тех или иных событий в печати.

Если в центр внимания историка поставлен человек со всеми его нуждами, интересами, надеждами и чаяниями, очевидно, что надо поиному взглянуть на многие приемы и методы источниковедческой работы, поиск и выявление источников, их классификацию, оценку фактической ценности, отношение к официозу и т.д. По большей части новые подходы в социальной истории упираются в проблемы использования источников в исторических исследованиях, чем и призвана заниматься такая научно-историческая дисциплина, как источниковедение.

Исторический источник рассматривается как произведение, созданное человеком. Акцент делается на понимании психологической и социальной природы исторического источника, которая и обуславливает его пригодность «для изучения фактов с историческим значением». Ста-

вится задача путем интерпретации исторического источника понять его автора – человека прошлого.

Социальная история заставила обратиться к источникам, отличным от тех, которые служили основой традиционной описательной истории. Существенным является принципиально новый подход к источникам личного происхождения. Они выступают, как массовые источники, реально обозначавшие стоявшие перед человеком проблемы. Широкое значение имеют группы источников, которые отражают непосредственные взаимоотношения людей с государственными и общественными институтами. Среди них письма, обращения, заявления, жалобы, личные и персональные дела, судебные-следственные материалы и прочие документы. Особое значение приобретают сводки и донесения о настроениях в обществе, систематически составлявшиеся различными политическими органами, материалы проверок, чисток, комиссий и т.д., которые давали представление о действительном, а не мнимом состоянии общества, каким его видела и хотела бы видеть власть.

Так как на первый план выдвигается изучение непосредственной жизнедеятельности людей и ее духовных составляющих, то определенными преимуществами при изучении источников, несущих в себе информацию о политических настроениях населения, реакции граждан на действия властных структур и в целом ментальных установок человека в отношении к власти, обладает герменевтика и построенная на ее принципах гуманитарная модель источниковедения. Герменевтический подход в источниковедении предполагает переориентацию с изучения источника как социального феномена на его интерпретацию как текста личного (индивидуального) происхождения, включая этап объяснения и этап понимания.

Понимание текста предполагает три составляющие. Логическое понимание осуществляется путем семантического изучения текста, предполагающего получение ответа на вопрос: что означает данное высказывание, суждение, понятие, как его можно интерпретировать. При этом необходимо соотносить понимание определенных терминов в современности и в рамках изучаемого исторического периода. Важным является психологическое понимание, предпосылкой которого является изучение психологии автора текста. Понимание культурологическое предполагает изучение культурного контекста эпохи создания источника и культурного архетипа его автора.

Например, при изучении сводок НКВД-МВД «о настроениях спецпереселенцев»*, составлявшихся по доносам агентурной сети, именно герменевтический анализ помогает добиться достоверности отражения источником прошедшей объективной реальности. Основным является

разграничение двух понятий, истолкование текста источника и истолкование его информации. В 1930-1940-е гг. отказы от работ, стихийные собрания в совокупности с другими действиями (побеги, жалобы, «антисоветские высказывания» и др.) стали основанием для выявления «контрреволюционных организаций» среди спецпереселенцев. Если судить по спецсводкам ОГПУ, то есть истолковывать только текст источника, в частности, в 1934 г. по Северному краю «контрреволюционная группировка» была выявлена почти в каждом колхозе и спецпоселке. Все, кто мог вызывать малейшие подозрения в нелояльности к властям, бывшие зажиточные крестьяне, бывшие служители культа, «деклассированные элементы», кустари-одиночки и другие, были обвинены в хищениях, вредительстве, преследовании колхозного актива, срыве работ, распространении провокационных слухов и антисоветской пропаганде¹.

При этом анализ информации источников с позиции понимания позволяет сделать вывод о том, что основная масса дел о контрреволюционных организациях была сфальсифицирована, и мы не можем говорить достоверно о существовании такой формы протеста, как создание организованных групп, деятельность которых была направлена против советской власти². Аналогично следует рассматривать такую форму протеста, как «распространение листовок». Можно лишь констатировать, что в документах имеются сведения об арестах спецпереселенцев, которых обвиняли в распространении и изготовлении листовок.

Обращение к герменевтическому прочтению источников желательно, но не следует исключать традиционные методы, статистический, сравнительный, количественный и другие, которые необходимы для понимания истории и человека как субъекта и объекта исторического процесса. Важным остается системный анализ, в чем источниковедению принадлежит решающая роль и, прежде всего, через более широкое введение в научный оборот массовых источников, в которых находят отражение рядовые жизненные случаи и обстоятельства. В настоящее время наблюдается тенденция перехода к синтезу сведений, содержащихся в массовых источниках, формирования на их основе баз и банков данных, комплексного применения различных методов их разработки, включая математические, спектр которых значительно расширился за счет возможностей компьютерной технологии. При этом нарабатанный опыт не только не отрицается, но и получает новый импульс к дальнейшему развитию. Это касается самых разных аспектов источниковедения: методов сбора сведений, их экспертизы, установления происхождения, авторства, подлинности, представительности источников и т.д.

В современных условиях, когда растет интерес к сравнительно-историческим исследованиям, перспективным является изучение пись-

менных источников во взаимосвязи с другими типами исторических источников (вещественные, изобразительные, устные, технотронные и др.), что позволяет преодолевать выработанное ранее ограничение кругом источников, возникших в системе социально-экономических и политических отношений. В целом на сегодняшний день на основании современных представлений об источниках сформировался метод источникововедческого анализа и синтеза, как общегуманитарный метод источникововедения. Этот метод позволяет изучать исторические источники как целостную совокупность (системно), как совокупность произведений, созданных в ходе исторического процесса, деятельности людей. Исторический источник выступает как единый объект различных гуманитарных наук. При этом создается единая основа для сравнительно-исторического анализа и междисциплинарных исследований.

В рамках изучения темы «человек и власть» системный подход открывает широкие перспективы для изучения происходивших исторических событий, позволяет включить в рамки исследований не рассматривавшиеся ранее исторические источники, а также взглянуть по-новому на известные источники, которые изучались только под одним углом зрения. При всей широте известных на сегодняшний день методологических подходов стержневой задачей является вопрос о достоверности источника, учитывая, что многие документы особенно в советское время имели сильнейший идеологический отпечаток. Однако даже при всей сложности интерпретации источников, изучив широкий круг документов, а так же другие виды источников, например, воспоминания, исследователю под силу осмысление поставленной перед ним проблемы, если не останавливаться на этапе описания факта, а подняться до уровня понимания ситуации в рамках исторической реальности.

---

* Спецпереселенцы – насильственно высланные в массовом порядке с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, а так же определенные к режиму спецпоселения по другим основаниям в рамках репрессивной политики государства в 1930-50-е гг.

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 621. Оп. 3. Д. 198. Л. 229-345.

² Подробнее см.: Игнатова Н.М. «Контрреволюционные организации» спецпереселенцев в 1930-е годы в Республике Коми // STUDIA JUVENALIA (SJ): Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – С. 59-71.

**Изучение повседневной жизни детей в период войн
начала XX в.: источниковедческие аспекты историко-
антропологических исследований***

Изучение повседневной жизни детей в период войн начала XX в. сопряжено с немалыми трудностями. Они связаны, прежде всего, с источниковой базой и интерпретацией полученных результатов. Долгое время для советской исторической науки были малоинтересны проблемы быта, настроений, повседневной жизни и социокультурного окружения детей в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. и Первой мировой войны 1914-1918 гг. Уже само название этих войн и их непопулярность отталкивали исследователей от изучения повседневной жизни различных слоев российского общества, так как первая война была проигранной и малопривлекательной, а Первая мировая война носила на себе клеймо «империалистической» и тоже идеологически далекой от потребностей развития советской исторической науки.

Впрочем, не только историки, но и этнографы и антропологи не ощущали необходимости «заглянуть» в мир военного детства этих военных кампаний. К их услугам всегда были востребованные исследования по широкому спектру проблем Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Не умаляя достоинств и перспектив героической составляющей этой войны, большого патриотического звучания и интереса научной общественности и населения России к Победе над фашизмом, надо признать необходимость изучения опыта прошлых войн России начала XX в. Историческая память и исследовательский прогресс не могут существовать как островки военно-исторической антропологии по отдельным событиям или важнейшим датам отечественной истории. Изучение жизни обычного, рядового, «маленького» человека сквозь призму военной действительности, на основе истории быта и истории частной жизни, в том числе и гендерных аспектов истории и этнологии, является важнейшей задачей историко-антропологических исследований на современном этапе развития российской науки.

Какие же источники могут быть привлечены для реконструкции детской повседневности войн начала XX в.? Прежде всего, необходимо обратить внимание на семейные архивы и другие источники, способные восстановить историю семей, а вместе с ней и историю детства начала XX в. В некоторых семьях велась родословная, и она может способство-

вать восстановлению семейных традиций и демографической истории семьи. Начало работы над семейной родословной невозможно без привлечения фотодокументов (фотографий, семейных портретов, фотографий с документов и т.п.). Привлечение фотодокументов способно помочь при реконструкции домашнего обихода, одежды, настроений, в том числе детских, периода войн начала XX в.

Другим источником информации о повседневной жизни в годы войн начала XX в. может быть семейная переписка (письма с фронта и на фронт), а также дневники и семейные воспоминания о событиях прошлого¹. Причем, в некоторых случаях представляют интерес и опосредованные, вторичные воспоминания, когда уже пожилые родственники могут вспомнить о том, что им рассказывали о своем детстве их родители или их дедушки и бабушки. Запись таких воспоминаний представляет немалую ценность и в плане пополнения сведения для устной истории России. Многие из таких свидетельств могли бы пополнить фонды музеев и архивов.

Важнейшим источником о жизни детей в годы войны является периодическая печать. Здесь уместно использование как светских изданий (губернских ведомостей, провинциальных газет и журналов), так и церковных газет и журналов (епархиальных ведомостей). Периодические издания военной поры активно освещали особенности детского восприятия военной действительности, реагировали на импульсивную реакцию подростков на военные события. В местной хронике региональных изданий часто публиковались статьи и заметки с названиями: «Пожертвования учащихся», «Юные добровольцы», «Лента учащихся» и другие, в которых рассказывалось о помощи учащихся фронту в виде сбора пожертвований, заготовки вещей для нужд армии и т. д. Например, в иллюстрированном художественно-литературном журнале «Искры» была опубликована заметка о сборе в г. Рязани пожертвований на нужды раненых детьми и фотография семилетнего мальчика и четырехлетней девочки, которые были одеты солдатскую одежду и форму сестры милосердия².

В журналах военных лет также велась оживленная дискуссия о детском восприятии военных событий, о воздействии войны на детские настроения, также изучалось отношение детей к войне³. Данные материалы представляют особую ценность в виду того, что детская повседневность изучалась по горячим следам, и в работах современников сохранились яркие наблюдения над внутренним миром ребенка и его социокультурным обликом.

Наконец, большой объем информации о детской повседневности содержится и в архивных коллекциях региональных архивов. В фонде

канцелярии губернатора сохранились документы и отчеты о проведенных патриотических мероприятиях учащихся (манifestациях, участии в сборе пожертвований, бегстве детей на фронт, помощи семьям, призванных на войну нижних чинов). В фондах учебных заведений (гимназий, реальных и духовных училищ и др.) находятся материалы об учебе детей, а также оказании ими помощи семьям призванных на войну и раненым. Кроме этого, весьма полезными являются и материалы обследований семей учащихся, а также отчеты об их деятельности в составе сельскохозяйственных дружин.

Незаслуженно забытыми оказались и фонды бывших партийных архивов, а ныне Центров новейшей истории в регионах России. Так, фонд Истпарта, в котором сосредоточены воспоминания участников революционного движения, содержит немало интересной информации о детских впечатлениях будущих революционеров. Например, в фонде Центра документации новейшей истории Тамбовской области мною были обнаружены воспоминания о местном участнике революционного движения Г.Усиевиче, которые оставила его сестра. Она описывает то, как ее четырнадцатилетний брат «на печке рассказывал ребятам, что слышно нового о войне. Он хорошо знал имена всех вождей и генералов, названия городов, места боев... В нашем доме постоянно бывала молодежь, гимназисты старших классов, которые обсуждали прочитанное, старались разобраться в происходящих событиях. Молодежь искала виновников бессмысленной бойни, гибели людей»⁴.

Следует заметить, что изучение детской повседневности периода войн начала XX в. требует привлечения внимания не только историков и этнографов, но и антропологов и лингвистов, психологов и искусствоведов. Вне всякого сомнения, дальнейшая разработка этой актуальной научной проблемы принесет с собой новые открытия повседневного мира ребенка в экстремальных условиях войны и позволит лучше узнать прошлое нашего Отечества.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 05-01-01039а.

¹ О важности этих источников см.: Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в эпоху катастроф // Вск памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. – Челябинск, 2004. – С. 421.

² Искры. – 1914. – № 34. – С. 271.

³ Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. – 1915. – № 2; Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. – 1915. – № 4; Чуковский К. Дети и война // Нива. – 1915. – № 51; Горный В. Война и дети // Народный учитель. – 1916. – № 14; Ярошевич Ю. Сельская школа о войне // Вестник воспитания. – 1916. – № 2 и др.

⁴ Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.

**Антропологическое измерение войны 1941-1945 гг.
в исторических исследованиях. Историографический обзор.**

За весь период существования человечества на планете лишь двести девяносто четыре года не было войн¹. В связи с этим военно-исторические исследования – обширная сфера как зарубежной, так и отечественной историографии. Обращаясь к военно-исторической проблематике, имеет смысл привести высказывание известного английского военного психолога Нормана Коупленда, который полагал, что «войны выигрываются людьми, а не кораблями, танками, орудиями, снарядами, самолетами и бомбами»². Великая Отечественная война 1941-1945 гг., до сих пор являющаяся одним из самых значимых военных событий отечественной истории, наиболее очевидно доказала, что исход любой войны в конечном итоге определяется людьми.

Антропологические исследования в военно-исторической науке являются как частью общей военной проблематики, многие годы продуктивно разрабатываемой области исторических исследований, имеющей огромное научно-практическое значение, так и достаточно самостоятельной отраслью исторического знания, способной привести к качественным сдвигам в конкретно-исторических исследованиях³.

Западная историография, в которой отражена человеческая составляющая войн и вооруженных конфликтов, представляет здесь немалый интерес. В большей мере нас привлекает внимание опыт Германии, противоборствующей стороны СССР в период войны, где в последние годы разработано большое количество научно-исследовательских проектов, направленных на примирение двух стран и преодоление последствий нацизма и, что особенно важно, на индивидуализацию коллективных судеб участников Второй мировой войны, как немецких, так и советских военнослужащих. По утверждению Норберта Хаазе, заведующего Объединением Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора, одного из активных участников проекта по выяснению судеб советских военнопленных офицеров, коллективная фотографическая память в Германии, которая до сих пор характеризовалась фотографиями безымянных, изнуренных тел за колючей проволокой, изменяется в том плане, что отдельный человек получает имя и лицо⁴. Тенденция антропологизации истории Второй мировой войны в исследованиях немецких историков вы-

ражается также в активной публикации источников личного происхождения, главным образом, писем. Так, например, опубликованы такие достаточно редкие источники, как детские письма на фронт⁵.

Проблема человека на войне в советской историографии рассматривалась в связи с деятельностью КПСС и Советского правительства по мобилизации всех сил и средств на борьбу с фашистским агрессором. Идеологическая заданность способствовала созданию весьма однотипной картины человеческой составляющей Великой Отечественной войны: солдат на фронте, направляемый вперед партийным аппаратом, представлялся во многом лишенным индивидуальности, свято верившим в правоту своего дела, готовым в любой момент пожертвовать жизнью, а абстрактный образ фронтового поколения прочно связывался с Советскими Вооруженными Силами – «основным средством достижения Победы». Именно таким, при всем обилии фактического материала, представляется фронтовое поколение в разделе «Духовный облик советского народа – народа-победителя» в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны»⁶. Советская историография войны преимущественно была представлена личностями героев в силу приоритетного использования источников официального характера, невнимания к устным и письменным свидетельствам рядовых участников событий, из которых и складывается психологический фактор войны. Несмотря на отмеченные недостатки, советская историография содержит ряд неоспоримых положительных моментов, главными из которых являются накопление исторических данных и формирование корпуса документов по основным проблемам военного периода.

Ситуация стала меняться в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда обозначился исследовательский интерес к сюжетам, которые в современной историографии принято относить к социальной истории, истории повседневности, микроистории, исторической антропологии. Обращение к исторической антропологии в российской исторической науке оказалось тесно связано с освоением творческого наследия школы «Анналов» (Л.Февр, М.Блок), в чем немаловажную роль сыграла деятельность А.Я.Гуревича⁷. Данное направление активно укрепляется сегодня, о чем свидетельствует целый ряд научных конференций регионального, всероссийского и международного уровней⁸, исследовательских монографий и статей⁹, издаваемый Ежегодник историко-антропологических исследований¹⁰, создание в конце 1990-х гг. в Санкт-Петербурге Международной ассоциации исторической психологии под руководством С.Н.Полторака¹¹.

Однако в области военной истории изменения происходили значительно медленнее, чем в гражданской: слишком велика здесь была привя-

занность к типичной событийной истории, в рамках которой освещались ход боевых действий, крупные сражения, участие в них различных видов вооруженных сил. Лишь в середине 1990-х гг. произошел колоссальный рост интереса к «человеческому измерению войны», особенно среди молодого поколения российских историков. Появились статьи, посвященные антропологическим аспектам Великой Отечественной войны, в которых впервые в отечественной исторической науке были поставлены вопросы влияния на человека экстремальных условий военного времени, самоощущения в боевой обстановке, затронуты проблемы фронтового быта, восприятия войны и противника в армейской среде¹². С середины 1990-х гг. в отечественной историографии появились монографические исследования по данной проблематике, в которых проблема человека рассматривалась в контексте военных потрясений. В их числе следует назвать монографии Н.И.Кондаковой, Н.Д.Козлова, О.В.Дружба, В.Ф.Зима¹³. Особое место в данной области занимают работы Е.С.Сенявской, разработавшей теоретические и методологические основы военно-исторической антропологии – междисциплинарного направления отечественной исторической науки. В ее книге «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (1999)¹⁴, ставшей значительно расширенным и дополненным переизданием двух вышедших ранее монографий автора¹⁵, «человек воюющий» рассматривается как особое явление – не только социальное, но и психологическое. Е.С.Сенявская впервые затронула такие вопросы, как психология боя и солдатский фатализм, героический порыв и паника, особенности фронтового быта, роль идеологии и пропаганды, феномен участия женщин в боевых действиях.

Среди социологических исследований по изучению воздействия войны на человека следует назвать монографию В.В.Серебрянникова «Социология войны» (1997)¹⁶. В главе «Человек и война» указанной монографии выявляются порожденные войной изменения в социальных качествах человека. Изучению менталитета фронтовиков посвящен ряд работ доктора исторических наук, фольклориста-фронтовика Л.Н.Пушкарева¹⁷. В его трудах рассматриваются источниковедческие аспекты проблемы, исследуются формы бытования фольклора на фронте, вопросы верований и суеверий в солдатской среде. Немалый интерес с точки зрения исторической науки представляют работы доктора психологических наук А.Г.Караяни. Исследование А.Г.Караяни «Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки» представляет первую в истории современной отечественной психологии попытку осмысления войны с психологических позиций. В предлагаемом подходе центральным пунктом построения научного образа войны является признание ее социально-психологического характера¹⁸.

Новым и чрезвычайно важным этапом в развитии военно-антропологических исследований в отечественной историографии явился выход в свет в 2002 г. Ежегодника «Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития», где большой интерес представляют статьи М.И.Мельтюхова о настроениях военнослужащих РККА в 1939-1941 гг., Ю.Н.Ивановой о женщинах в боевых условиях войны, А.В.Голубева о восприятии советским обществом антигитлеровской коалиции в 1941-1945 гг.¹⁹ Образу союзника в советской пропаганде в годы Второй мировой войны посвящены работы В.В.Познякова²⁰. Ежегодник 2003/2004 «Военно-историческая антропология. Новые научные направления» также включает ряд работ исследователей антропологической проблематики Великой Отечественной войны, в том числе статью Ф.Б.Дроздова, связанную с анализом образа врага в сознании рядового красноармейца²¹.

Вопросы политической цензуры в СССР, оказавшей значительное влияние на советского человека в предвоенные годы и усилившейся в годы войны, рассмотрены в монографиях Т.М.Горяевой и А.В.Блюма²². Изучению слухов 1941-1945 гг. как свидетельств, отражающих события и представляющих своеобразную неофициальную версию истории войны, посвящены работы Е.Ф.Кринко²³. В работах С.В.Кожина рассматриваются вопросы солдатского быта на примере войск вермахта²⁴.

Среди важных научных мероприятий последних лет, в рамках которых обсуждалась тема «человеческого измерения» войны 1941-1945 гг., наряду с состоявшимися тремя заседаниями «круглого стола» по проблемам военной антропологии в Институте российской истории РАН (Москва, 2000-2002 гг.) следует обозначить Международную конференцию «Человек и война. (Война как явление культуры)», проходившую в Челябинске в 2000 г. Здесь заявленная тема получила развитие в докладах Н.Н.Попова, показавшего проблему человека в российских войнах XX в., О.Ю.Никоновой, исследовавшей вопросы милитаризации общественного сознания накануне войны, В.А.Токарева, рассмотревшего проблему восприятия советским человеком польской компании 1939 г.²⁵

Межрегиональная конференция «"Homo belli" – "человек войны" в микроистории и истории повседневности», состоявшаяся в Нижнем Новгороде, продемонстрировала продуктивность совместной работы историков, философов, политологов, юристов, филологов и представителей других наук в изучении «человеческого измерения» войн при сохранении приоритета собственно исторического подхода²⁶. В 2002 г. в Омске была организована Всероссийская конференция «Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории», на которой в качестве центральной проблематики были обозначены антро-

пологические аспекты Великой Отечественной войны, рассмотренные в докладах Л.Г.Ермолиной и Л.А.Паутовой, проанализировавших письма и воспоминания о войне, А.Н.Лымарева, обратившегося к вопросу о задачах средств массовой информации в годы войны²⁷. В 2004 г. в Челябинске была проведена научная конференция «XX век и культурная память», посвященная изучению процессов формирования, поддержания и обновления коллективной памяти в XX в. В рамках конференции обсуждались теоретические, источниковедческие и методологические проблемы, связанные с категорией «память», в работах О.Ю.Никоновой и Г.Г.Гринченко эти вопросы рассматривались на материалах Великой Отечественной войны²⁸.

Следует констатировать, что опыт фронтового поколения Великой Отечественной остается поныне актуальным, активно обсуждается и исследуется российскими учеными. Новые научные результаты военно-антропологических исследований, являющихся неотъемлемой и значимой частью исторической реальности, были активно представлены в содержании научных форумов, посвященных 60-летию Победы в Великой Отечественной войне²⁹.

В Республике Коми разработка военной тематики имеет давние традиции: в научных публикациях, сборниках документов, воспоминаниях ветеранов войны содержится общее представление об истории республики в годы Великой Отечественной войны. Целый ряд работ, имеющих отношение к теме фронтового поколения, написан ведущим региональным исследователем истории республики периода Великой Отечественной войны А.Н.Александровым. В своих трудах³⁰ он раскрыл комплекс проблем по изучению войны, в том числе сделал первый историографический анализ разработки военной тематики в региональной научной литературе³¹, выявил имена двадцати трех Героев Советского Союза и десяти кавалеров Ордена Славы трех степеней, призванных военкоматами Коми АССР. А.Н.Александровым были также подготовлены разделы в обобщающих трудах по истории республики³². В 2004 г. на основе предыдущих и новейших регионаловедческих разработок вышла книга «История Коми с древнейших времен до конца XX века» в двух частях³³, в которой Великая Отечественная война представлена лишь в общем контексте истории республики. В главе второй «Подвиги трудящихся Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны» кандидатской диссертации А.Н.Александрова «Вклад трудящихся Коми АССР в победу советского народа в Великой Отечественной войне»³⁴ (1967) автор приводит цитату из сочинений В.И.Ленина: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»³⁵. Формула В.И.Ленина, приведенная

А.Н.Александровым, понимается как предмет научных размышлений ученого, которого, бесспорно, интересовала военно-антропологическая проблематика. Следует добавить и то, что в личном фонде А.Н.Александрова, хранящемся в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН, имеются выписки из архивов на тему: «Письма трудящихся Коми АССР на фронт»³⁶ (именно этот источник личного происхождения является одним из наиболее значимых в русле антропологически ориентированной истории). Кроме того, исследователем А.Н.Александровым описан целый ряд фронтовых судеб и ратных подвигов призванных военкоматами республики участников войны. Научная деятельность А.Н.Александрова развивалась в основном в середине 1950-х–середине 1980-х гг., когда многие вопросы, связанные с личностным отношением человека к событиям Великой Отечественной войны, его мироощущением (чувство страха на войне, вера и атеизм в армейской среде, отношение к центральной и местной власти на фронте и в тылу и др.) просто не могли быть поставлены в научной литературе. Лишь в последние годы, благодаря активной публикации в Республике Коми источников личного происхождения – писем, дневников и воспоминаний участников войны³⁷, появились исследования О.Е.Бондаренко, Т.М.Хорунжей и др., основанные на региональных материалах, в которых анализируются некоторые психологические и поведенческие аспекты человека на фронте³⁸. Однако таких исследований пока чрезвычайно мало.

К числу важнейших региональных изданий, посвященных Великой Отечественной войне, следует отнести Книгу Памяти Республики Коми, членами редколлегии которой была проведена огромная работа, направленная на выявление имен, индивидуализацию судеб участников войны. Рабочей группой общественной редколлегии (В.М.Котельников, А.М.Калимова, Н.К.Коновалова и др.) была организована поисковая деятельность военкоматов республики, продумана концепция и методология поиска и подачи материала. К настоящему времени создано десять печатных томов и два электронных тома Книги Памяти Республики Коми – издания, увековечившего имена участников войны, уроженцев земли Коми и других регионов, призванных военкоматами республики. Необходимо отметить, что в воинские части из республики ушло более 170000 человек, тридцать восемь из них удостоены звания Героя Советского Союза, пятнадцать стали кавалерами ордена Славы трех степеней. Около ста тысяч человек были призваны на фронт из лагерей ГУЛАГа, функционировавших на территории Коми АССР. Книга Памяти Республики Коми — не только перечень фамилий. Она представляет интерес в силу своего богатого источникового и исследовательского потенциала, в ряде

статей, включенных в издание, отражены некоторые аспекты повседневности войны 1941-1945 гг.³⁹

Процесс исследования отдельных фрагментов военно-антропологической проблематики на региональном уровне продолжается. Способствуют этому исследования Е.Н.Боле и А.Ф.Сметанина, посвященные изучению мобилизационных процессов в Коми АССР. Данной проблеме посвящена научная монография авторов⁴⁰. В указанной книге⁴¹ и других работах Е.Н.Боле уделяется большое внимание исследованию мотивационных факторов движения добровольцев на примере населения Коми АССР, организации системы Всеобуча в республике⁴². В 2004-2005 гг. вышли в свет четыре сборника трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук, в которых целый ряд публикаций непосредственно затрагивает военно-антропологическую проблематику⁴³. Анализ историографии Великой Отечественной войны в Республике Коми показывает, что на региональном уровне в настоящее время накоплен и введен в научный оборот большой фактический материал по многим проблемам периода 1941-1945 гг., таким как демографическое развитие Коми АССР в годы войны, участие на фронтах спецпереселенцев и заключенных ГУЛАГа НКВД СССР, деятельность Советов депутатов трудящихся, военных комиссариатов, учреждений науки, образования и культуры Коми АССР, социальная защита населения в годы войны и др. Однако этот обширный материал являет собой сюжетно-фрагментарный характер относительно исследования человеческой составляющей Великой Отечественной войны в контексте региональной истории, а целостной картины «антропологического измерения войны» участниками, призванными военкоматами Коми АССР, пока не существует.

¹ Данная статистика приведена: Рассолова И.Ю. Основные критерии глобальности проблемы войны и мира // Мировые войны и развитие человечества (к 90-летию Первой мировой войны). Российская научно-практическая конференция, 11, 17 ноября 2004 г.: материалы – Уфа, 2004. – С. 21.

² Коупленд Н. Психология и солдат. – 2-е изд. – М.: Восницздат, 1991. – С. 7.

³ Фрагментарные персональные научные изыскания оформились в новую отрасль исторической науки – военно-историческую антропологию на рубеже XX-XXI вв. См.: Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 135-145.

⁴ Haase N. Vom Massenschicksal zum individuellen Gedenken // Für die Lebenden Der Toten gedenken. – Dresden. 2003. – S. 11.

⁵ См.: Lange H. Abends wenn wir essen fehlt uns immer einer. Kinder schreiben an die Väter 1939-1945 – Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2000. – 272 s.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 : в 6 т. Т. 6. – М., 1965.

⁷ Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. – 1988. – № 1; Он же. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993. и др. С мая 1987 г. при Научном совете по истории мировой культуры Президиума АН СССР начал работать межинститутский семинар по исторической психологии (рук. – А.Я.Гуревич), в котором участвовали историки, этнографы, искусствоведы, психологи.

⁸ Так, в феврале 1998 г. в Российском государственном гуманитарном университете прошла конференция на тему «Историческая антропология: место в системе наук, источники и методы интерпретации», где прозвучало немало интересных теоретических докладов. С 2000 г. в Российском университете дружбы народов работает Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований, который в феврале-маре 2001 г. организовал проведение международной интернет-конференции «История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества».

⁹ См.: Шкуратов В.А. Историческая психология. – Ростов н/Д, 1994; Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158-166; Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 66-89; Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. – СПб., 1997; Кром М.М. Историческая антропология. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. и др.

¹⁰ См.: Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002 : сб. ст. – М., 2002.

¹¹ Ассоциация проводит ежегодные международные конференции. Антропологический аспект истории Великой Отечественной войны занимает существенное место в ее деятельности. См., напр.: Куликова О.Ю. Воспитательно-значимые боевые традиции в годы Великой Отечественной войны // Военные традиции России: история, психология, культура. Международная научная конференция : материалы. – СПб., 2000. – С. 45-47; Сенявская Е.С. Проблема «своей» – «чужой» в условиях войны и типология образа врага // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Международная научная конференция : материалы – СПб., 2001. – С. 52-54; Сомов В.А. Личное и общественное в годы Великой Отечественной войны: проблемы организации управления // Я и Мы: история, психология, перспективы. Международная научная конференция : материалы – СПб., 2002. – С. 197-199; Коровин В.В. Морально-психологические качества командного состава партизанских отрядов как фактор обеспечения эффективности вооруженной борьбы в тылу противника // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. XVIII Международная научная конференция, 12-13 декабря 2005 г. : материалы: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: Нестор, 2005. – С. 247-251; Манжонов А.Н., Немцев А.Д. Негативное влияние на морально-психологическое состояние воинов Юго-Западного фронта в первый период Великой Отечественной войны // Там же. Ч. 2. – С. 5-9; Реброва И.В. Мемуаристы о формировании личности «человка воюющего» в Великой Отечественной войне // Там же. – С. 124-129; Сенявская Е.С. Солдатские страхи на войне: историко-психологический очерк // Там же. – С. 152-156.

¹² См., напр.: Смыкалин А.С. Политические настроения жителей Свердловской области в годы Великой Отечественной войны (по материалам военной цензуры) // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2005. – С. 177-184; Лончинская Н.Я. Образ врага в массовом сознании населения тыла в годы Великой Отечественной войны // Там же. – С. 198-201; Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2003/2004 : Новые научные направления. – М., 2005. – С. 329-344. Работы других авторов будут упомянуты ниже.

¹³ Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. – М., 1995; Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. – СПб., 1995; Дружба О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. – Ростов н/Д, 2000; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. – М.: ИРИ РАН, 2000.

¹⁴ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999.

¹⁵ Сенявская Е.С. Фронтное поколение: историко-психологическое исследование. – М., 1995; Она же. Человек на войне: историко-психологические очерки. – М., 1997.

¹⁶ Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1997.

¹⁷ Пушкарев Л.Н. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. – М., 1995; Он же. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3. – С. 109-121; Он же. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002. – С. 319-333. и др. работы автора.

- ¹⁸ Караян А.Г. Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2002... – С. 38-49.
- ¹⁹ Мельтохов М.И. Материалы особых отделов НКВД о настроениях военнослужащих РККА в 1939-1941 гг. // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2002... – С. 306-318; Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941-1945 гг.) // Там же. – С. 334-345; Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Там же. – С. 346-356.
- ²⁰ Позняков В.В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны. 1939-1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. – М., 1992. – С. 170-177.
- ²¹ Дроздов Ф.Б. "Образ врага" в сознании рядового красноармейца в годы Великой Отечественной войны // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2003/2004... – М., 2005. – С. 302-315.
- ²² Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. – М.: РОССПЭН, 2002; Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. – СПб.: Академический проспект, 2000.
- ²³ Кринко Е.Ф. Слухи военных лет (1941-1945 гг.) как исторический источник // Человек в экстремальных условиях... Ч. 1. – С. 273-277.
- ²⁴ Кожин С.В. Изучение войск противника органами спецпропаганды Красной Армии в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. – 2002. – № 2 (26). – С. 94-113; Он же. «Россия, безграничная страна! Когда же ты нас отпустишь?» // Военно-исторический архив. – 2002. – № 10 (34). – С. 134-141.
- ²⁵ Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война (Война как явление культуры) : сб. ст. / под ред. И.В.Нарского, О.Ю.Никоновой. – М.: ЛИРО-XX, 2001. – С. 376-398; Токарев В.А. Советское общество и польская компания 1939 г.: «фромантическое ощущение войны» // Там же. – С. 399-418; Попов Н.Н. Человек в российских войнах XX века // Там же. – С. 28-37.
- ²⁶ См.: «*Nomo belli*» – "человек войны" в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX веков». Российская научная конференция, 19-20 апреля 2000 г. : материалы. – Н. Новгород, 2000.
- ²⁷ Ермолина Л.Г. Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Всероссийская научно-практическая конференция, 14-15 мая 2002 г. : материалы. – Омск, 2002. – С. 33-36; Паутова Л.А. Повседневный образ войны – типичное и уникальное (case-study, «наивное письмо» 1946/2002 гг.) // Там же. – С. 46-49; Лымарев А.Н. К вопросу о задачах средств массовой информации в годы Великой Отечественной войны // Там же. – С. 146-148.
- ²⁸ Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С. 489-506; Гринченко Г.Г. «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области) // Там же. – С. 215-227.
- ²⁹ См.: Мировые войны и развитие человечества : сб. науч. ст. Российская научно-практическая конференция, посвященная 90-летию Первой мировой войны и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, Москва-Уфа, 11, 17 ноября 2004 г. : материалы. – Уфа: Восточный ун-т, 2005; Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2005; Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Научная конференция, 27 апреля 2005 г. : докл. и сообщ. – Сыктывкар, 2005. и др.
- ³⁰ Александров А.Н. Во имя жизни. О подвигах трудящихся Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг. – Сыктывкар, 1966; Он же. Звезды отважных. Наши земляки – Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы : сб. очерков – Сыктывкар, 1991; Он же. Коми воины в боях за Родину. – Сыктывкар, 1959; Он же. Семнадцать золотых звезд. – Сыктывкар, 1984.
- ³¹ Александров А.Н. В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.
- ³² Очерки по истории Коми АССР : в 2 т. Т. 2. 1917-1961. – Сыктывкар, 1962; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 1978. – С. 359-389; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – 2-с изд. – Сыктывкар, 1981. – С. 292-316.
- ³³ История Коми с древнейших времен до конца XX века : в 2 т. Т. 2. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во,

2004.

³⁴ Александров А.Н. Вклад трудящихся Коми АССР в победу советского народа в Великой Отечественной войне : дис. ... канд. ист. наук / Александров Алексей Николаевич. – Сыктывкар, 1967.

³⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — 5-ое изд. Т. 41. — С. 121; Александров А.Н. Вклад трудящихся Коми АССР... — С. 72.

³⁶ Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 53.

³⁷ См.: «Небо одно, шинель одна, земля одна...»: воспоминания солдата Александра Юркина // Республика. — 7 мая 2002 г.; Иловайский И.Б. В сонках Заполярья. Из воспоминаний участника войны. — Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2005; Земное величие солдата. Книга-фотоальбом воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., работников ООО «Севергазпром». — Ухта, 2000; Никулин Л.Ф. Соль земли старины глубокой (легенда исторической правды) : [воспоминания Л.Ф.Никулина] — Сыктывкар, 2000; Фронтовые вести родным : [фронтовые письма И.Н.Коткова] // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 4. — Сыктывкар, 1996. — С. 410-414; Ларев П.С. Крепость на Волге : [воспоминания П.С.Ларева] // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 8. — Сыктывкар, 1999. — С. 959-965; Раппопорт Ю.М. Оглядываясь на пройденные годы : [воспоминания Ю.М.Раппопорта] // Там же. — С. 1036-1040; Сражались насмерть : [воспоминания И.В.Козлова] // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 9. — Сыктывкар, 2002. — С. 732-742; Торопов В.Г. В штабе Рокоссовского : [воспоминания В.Г.Торопова] // Там же. — С. 748-755; Попов А. Суровая школа жизни : [воспоминания В.Г.Попова] // Там же. — С. 755-761; Петрунев А.С. Мой старший брат : [фронтовые письма В.Петрунева] // Там же. — С. 813-816; Боле Е.Н. Ефрейтор Елизавета Можегова : [о медицинской сестре Е.И.Можеговой] // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 10. — Сыктывкар, 2004. — С. 668-671; Сивкова А.Н. Возила снаряды и дрова : [о зенитчике П.Поповой] // Там же. — С. 677-681; Бондаренко О.Е., Рошчевская Л.П., Хорунжая Т.М. Молодежное научное творчество по истории Великой Отечественной войны на кафедре Отечественной истории Сыктывкарского университета : [фронтовые письма К.И.Хозяинова (с. Петрунь)] // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Научно-практическая конференция, 21 июня 2001 г. : материалы. — Сыктывкар: КРАГСнУ, 2001. — С. 40-47.

³⁸ Бондаренко О.Е., Хорунжая Т.М. Патриотизм в письмах фронтовиков Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР) // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941-1945) : Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. — Вып. 4. — Сыктывкар, 2005. — С. 17-26; Котельников В.М., Курочкин М.И. Тот легендарный Плотников // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 8. — Сыктывкар, 1999. — С. 945-954; Захаров В.Д., Курочкин М.И. Мужество, отвага, самопожертвование : [о Н.С.Нестерове] // Там же. — С. 975-979; Кочев Ю.А. Каких дорог он не извдал : [о В.П.Заварине] // Там же. — С. 986-993; Курочкин М.И. Всегда шел вперед : [о Л.Н.Исакове] // Там же. — С. 994-1005; Худяев С.И. На защиту Родины — пятеро братьев // Книга Памяти Республики Коми : в 10 т. Т. 10. — Сыктывкар, 2004. — С. 642-649.

³⁹ См. сноску выше.

⁴⁰ Боле Е.Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Коми АССР). — Сыктывкар, 2005.

⁴¹ Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Коми АССР) : дис. ... канд. ист. наук / Боле Елена Николаевна. — Сыктывкар, 2004. — С. 141-165.

⁴² Боле Е.Н. Мотивационные факторы при вступлении в армию добровольцев Коми АССР. 1941-1945 гг. // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». — Сыктывкар, 2004. — С. 22-35; Она же. Кадровое и материально-техническое обеспечение системы Всесоюзного военного обучения населения в Коми АССР // Там же. — С. 166-174; Она же. Заявления добровольцев как проявление патриотизма населения Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях... — С. 31-39; Она же. Документы военных комиссариатов о Великой Отечественной войне: специфика, информативность и целесообразность использования в исследованиях военной проблематики // Архивы в XXI век: проблемы и перспективы. Научно-практическая конференция, 23-24 октября 2002 г. : тез. докл. — Сыктывкар, 2002. — С. 82-85.

⁴³ Родев М.В. Воспоминания о войне // Страницы истории Великой Отечественной войны... — С. 208-213; Жербецова С.В. Своими глазами (зарисовки из жизни сыктывкарцев в военные годы) // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX века: Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. — Вып. 2. — Сыктывкар, 2004. — С. 171-179; Из жизни Сыктывкара в военные годы (материалы газеты «За Новый Север», 1941-1945) / сост. Б.Р.Колегов // Там же. — С. 180-200; Поисквики не играют в войну : [воспоминания-интервью участников Великой Отечественной войны] // Великая Отечественная война в судьбах жителей Коми республики : Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. — Вып. 3. — Сыктывкар, 2005. — С. 59-116.

**Проблема информационного вакуума в массовом
сознании военнослужащих (на примере начального
периода Великой Отечественной войны)**

Войны арміої являются неотъемлемым атрибутом развития человечества. «Война является специфическим общественным явлением, характеризующим экстремальное состояние общества, в противостоянии другим социумам, что, безусловно, требует и специфических подходов и методов его изучения»¹. Именно поэтому войны были, есть и будут одним из ведущих направлений исследований ученых-историков, одним из наиболее актуальных аспектов истории цивилизации. Между тем в большинстве исторических исследований практически без внимания оставались до недавнего времени качественно-психологические аспекты военной истории, общественные настроения, боевой дух военнослужащих. Однако именно психологический настрой бойцов противоборствующих сторон зачастую является решающим фактором, от которого зависит исход сражения. Современные исследования показывают, что на 65% боеспособность частей зависит от психофизического состояния солдат, и только 35% приходится на технику и все прочее². «Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение – это заключение ума, а не физическое состояние»³.

В свою очередь, одним из главных факторов, формирующих общественные настроения в среде военнослужащих, является поступающая информация. Сторона, получившая необходимую информацию быстрее и в большем объеме, имеет возможность более оперативно принять правильное решение и переиграть своего противника – нанести удар там, где не ждут, усилиться на решающем направлении или, наоборот, вывести войска из-под удара. Недостаток или даже полное отсутствие информации, в свою очередь, приводят к тому, что решение для организации необходимых в данный конкретный момент действий принимается либо с опозданием, либо неверное, либо не принимается вовсе. Подобным образом наличие или отсутствие необходимой информации действует на уровне командиров и штабов разных уровней, что в конечном итоге посредством принятия/непринятия решений оказывает влияние на развитие событий и уже через него воздействует на массовое сознание войск. На уровне же основной массы военнослужащих, то есть рядовых, сержантов,

офицеров младшего звена, отсутствие каких-либо сведений способно породить многочисленные необоснованные слухи. Стремясь восполнить недостаток информации, человек старается добыть ее любыми способами и откуда угодно, для того, чтобы восполнить образовавшийся информационный вакуум, таким путем и формируются слухи. Для их возникновения необходимы два условия: а) информации недостаточно; б) она важна для индивида или социальной группы⁴. Результатом появления слухов, носящих негативную окраску, как правило, становятся паника, потеря управления и дезорганизация войск. Подобные ситуации встречаются в условиях войны чрезвычайно часто. Может произойти замещение достоверной информации устаревшими или неправдоподобными сведениями, на основе которых соответственно принимаются неверные решения. Таких случаев было особенно много в самом начале Великой Отечественной, когда целые части и соединения, не располагая данными о том, что творится у них в тылу и на флангах, принимали на веру любую поступившую информацию и действовали соответственно. Так, случайно принесенная отступающими разрозненными группами красноармейцев информация о прорыве немцев на флангах и окружении могла заставить вполне боеспособную дивизию сняться с позиций и отступить, хотя на самом деле ни о каком окружении речь не шла. Подобными ситуациями, разумеется, пользовались немцы, которые специально засылали в наш тыл лазутчиков для распространения недостоверной, выгодной для вермахта информации. Порой для возникновения той или иной недостоверной информации не требовалось даже поступавших откуда-либо со стороны слухов, – само воображение человека рисовало ему картину происходящего: «Под влиянием неизвестности, перед лицом неизвестной еще воину опасности воображение рисует, как правило, преувеличенно страшные картины. На его психику действует не столько реальная, сколько мнимые опасность и раздражители, которые иногда могут действовать намного сильнее реальных. Чувство тревоги, неуверенности, неизвестности может вызвать нежелательные психические реакции, неуверенность в себе, панику. Потеря эмоционально-волевой устойчивости перед мнимой опасностью вполне может привести к реальному поражению»⁵. К тому же отсутствие лично значимой для человека информации, – к примеру, о близких людях, о ситуации в стране – способно довести индивида даже до невротического состояния; подобное положение может быть исправлено только путем поступления данных сведений – пусть даже носящих негативную окраску⁶.

Стоит заметить, что слухи, заполняющие информационный вакуум, не всегда носят отрицательный характер. Они могут быть и положитель-

ными: к примеру, содержать сведения о подходе свежих частей, которые нанесут врагу решительный контрудар и тем самым дадут возможность отдохнуть измотанным отступлением бойцам. Для периода лета-осени 1941 года подобные слухи также весьма характерны – уставшие, не имеющие достоверной информации солдаты легко воспринимали на веру сведения о больших резервах или мощных оборонительных рубежах, что сулило надежду на отдых, удержание рвущегося вперед противника и выход из состояния тяжелого психологического кризиса, в котором значительная часть военнослужащих оказалась после 22 июня 1941 г. Ярким примером подобной ситуации является феномен стремления наших частей в первые недели войны к линии старой границы, к пресловутой «линии Сталина», как она именуется в зарубежной историографии, на которой ожидали остановить врага, получить подкрепления и погнать его обратно на запад. Насколько эфемерны были подобные надежды, продемонстрировала объективная реальность, - практически нигде линия укреплений старой границы не сумела сдержать вермахт дольше, чем на несколько дней. Когда же надежда на старую границу рухнула, Красная Армия оказалась в состоянии еще более тяжелого психологического кризиса. Потеряв последнюю, в какой-то степени, надежду, многие бойцы перестали верить в способность дальнейшего сопротивления и сдались в плен, несмотря на то, что возможности для активного противодействия врагу еще были – примером тому служат те части и соединения, которые в критический момент не складывали оружия, но продолжали сражаться, прорывались к своим, превращались в партизанские формирования и т.д. Таким образом, можно придти к следующему выводу: положительные слухи в период своего бытования порождают надежду и тем самым несколько поднимают боевой дух и усиливают сопротивляемость войск. Однако, когда становится понятно, что они суть всего лишь слухи, это обстоятельство способно повергнуть армию в состояние еще более тяжелого психологического кризиса, нежели чем до этого момента.

Заметим, что во второй половине Великой Отечественной упоминаний о шпионах и диверсантах, распространяющих ложные сведения, столь характерных для 1941 года, практически нет. Исчезли в значительной степени и мифологические резервы или оборонительные рубежи. Наоборот, от распространения разного рода необоснованных слухов как положительного, так и отрицательного характера, начала страдать уже германская армия. Красноармейцы же имели свои вполне достоверные каналы информации, и заместить в их сознании достоверные сведения намеренно ложными было уже крайне сложно. Из этого можно сделать следующие выводы:

1. Информационный вакуум вызывает страх перед неизвестностью, особенно когда человек пребывает в столь опасной ситуации, каковой является нахождение на войне.

2. Наихудший вариант такого вакуума – когда информация из сторонних источников не поступает вовсе или поступает в незначительных количествах. Подобная информация не вызывает доверия, а непосредственное восприятие индивида или социальной группы не дает необходимых сведений.

3. Недостаток информации на войне (то есть тоже своеобразное проявление информационного вакуума) – не исключение, а правило. Рядовой состав не в состоянии вовремя узнавать ее так как она либо отсутствует (связь нарушена противником), либо не поступает по соображениям секретности. Также на войне возможны случаи намеренного замещения достоверной информации собственным командованием. Это делается с целью недопущения утечки жизненно важной информации (о предстоящем наступлении, к примеру). Войскам дается приказ на оборону, на передовую завозятся материалы для строительства оборонительных сооружений, в то время как в тылу для удара скрытно готовятся свежие подразделения – все это вводит в заблуждение противника, но заодно и собственные части – своего рода необходимая жертва.

4. Состояние информационного вакуума, формирующего слухи, наиболее характерно для стороны отступающей, терпящей поражения.

В целом наше небольшое исследование демонстрирует тот факт, что в ходе боевых действий именно человеческое измерение играет доминирующую роль. Поступающая информация и формируемые ей общественные настроения оказывают на ход боевых действий куда как более существенное влияние, нежели чем количество войск и вооружений. На конкретном примере начального периода Великой Отечественной войны мы видим, что причины катастрофических поражений Красной Армии в тот период необходимо искать в значительной степени именно в массовом сознании, а не только в количестве и качестве танков и самолетов и численности дивизий.

---

¹ Снявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 13.

² Ибатуллин Т.Г. Война и плсн. – СПб.: ООО ПК Гаванский, 1999. – С. 46.

³ Коупленд Н. Психология и солдат. – М.: Воснздат, 1991. – С. 12.

⁴ См.: Тощенко Ж.Р., Харченко С.В. Социальное настроение. С.В. – М.: Academia, 1996. – С. 147.

⁵ Воснная психология и педагогика. Учебное пособие. Под общей редакцией начальника Главного управления воспитательной работы ВС РФ генерал-полковника, кандидата военных наук Кулакова В.Ф. – М.: Совершенство, 1998. – С. 304.

⁶ Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. – М.: Политиздат, 1989. – С. 25.

Изучение Великой Отечественной войны в современной историографии: методологические аспекты

Современную постсоветскую историографию отличает плюрализм мнений и подходов. Не все из них широко представлены в изучении истории Великой Отечественной войны, в разработке которой сказывается значительное влияние научных традиций. Это объясняется многими причинами, среди которых немаловажную роль играет сакральный характер коллективной памяти о войне, связанный с ценой Победы. Тем не менее, и в историографии Великой Отечественной войны постепенно появляются направления, новизна которых выражается не в конъюнктурных изменениях прежних оценок на прямо противоположные, а в использовании иных принципов и приемов исследований.

В условиях отказа от единой марксистской парадигмы исторических исследований многие историки обратились к позитивистскому (точнее, неопозитивистскому) методу исследования, считая своей задачей воссоздать историю «как это в действительности было», опираясь непосредственно на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций. Немало авторов, особенно представителей старшего поколения, призывают отделять правду от вымысла, «писать правду, на основе добротных источников интерпретировать факты, объективно исследовать прошлое и рассказывать читателям, что и как было, исправлять допущенные ранее в освещении истории Великой Отечественной войны ошибки и просчеты»¹.

Этот метод нередко используется в краеведческих работах и позволяет реконструировать ход событий в локальных географических и хронологических рамках, на материалах определенного населенного пункта, в течение небольшого временного промежутка, нескольких месяцев или даже одного дня. Однако обращение к позитивизму в целом рассматривается в историографии как «шаг назад даже по сравнению с марксизмом». Чрезмерное доверие документам привело к тому, что все реже стали задаваться вопросы «о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает». По словам А.И.Филюшкина: «Многие сторонники позитивизма стали просто прятаться за текстами, превращать свои работы в аннотированные хрестоматии источников, полагая, что публикуемые документы смогут говорить сами за себя»².

Постепенно в историографии формируется убеждение в том, что добиться серьезных сдвигов в изучении военной темы возможно лишь при обращении к более совершенным, современным исследовательским методикам. При этом главным направлением методологических инноваций становится повышение интереса к человеку в истории, что выразилось в обращении к исторической антропологии. Сущностными чертами данного направления считаются: фокусированное внимание историка на конкретных антропологических объектах изучения, которыми, как правило, выступают небольшие социумы, позволяющие всесторонне показать роль человека; описание социальных взаимодействий в терминах и категориях самих этих социумов; большое внимание символизму повседневной жизни: обыденным ритуалам, манере одеваться, есть, общаться друг с другом и т.д.³ Обращение к исторической антропологии в российской исторической науке оказалось тесно связано с освоением творческого наследия школы «Анналов», представителей социальной истории, в чем немаловажную роль сыграла деятельность отечественных медиевистов, особенно А.Я.Гуревича.

В последние годы в российской историографии значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» Великой Отечественной и других войн и вооруженных конфликтов. Это позволяет говорить о формировании нового исследовательского направления – военно-исторической антропологии как комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и некоторых других дисциплин. Ее становление происходит во многом благодаря усилиям нового поколения российских историков, прежде всего Е.С.Сенявской. Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считается: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем⁴. Указанные задачи находят решение в ряде конкретно-исторических исследований по военной тематике, авторы которых обращаются к вопросам формирования образа врага, повседневной жизни советских граждан на фронте, в тылу и на оккупированной территории.

При этом наибольшее внимание отечественные историки в 1990-е гг. уделяли изучению менталитета советского общества. Однако разра-

ботка данной проблемы породила ряд вопросов, в частности, о том, кого следует считать носителем определенного типа ментальности: индивида, социальную группу или народ в целом, как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного, «другими словами, что в человеческом сознании и поведении соответствует термину «менталитет», а для чего требуются какие-то иные термины?»⁵. К сожалению, ответы, предложенные отечественными исследователями военной темы, не всегда можно признать удовлетворительными.

Так, В.Ф.Зима определяет менталитет как «высшую субстанцию человеческого интеллекта, которая содержит необходимую информацию на все чрезвычайные ситуации жизни. Менталитет выражает национальный характер. Основа менталитета – подсознание»⁶. В то же время в дальнейшем автор разбирает «влияние войны на демографическую ментальность народа», под которой понимает отражение жертв войны в памяти людей, характеризует «солдатскую ментальность», «партизанскую ментальность» и даже «ментальность советского генерала». Подобное понимание ментальности характеризует региональную, в том числе и северокавказскую историографию. Г.Х.Азашиков назвал одну из глав своей монографии «Советский человек на фронте и в тылу: повседневный быт и ментальности (на примере Северного Кавказа)»⁷. Однако предметом его изучения выступают общественные настроения и их эволюция, формирование образа «врага» в представлениях советских граждан. Еще один исследователь отмечает, что «одним из важнейших источников массового героизма на фронте и в рядах партизанского движения на Северном Кавказе стали особенности менталитета советского человека, оформившиеся в довоенные годы. А в ряде случаев срабатывали более глубинные причины – особенности национального сознания и религиозного чувства горских народов»⁸.

Между тем, понятие «менталитет», впервые введенное представителями школы «Анналов», как раз и отражает наиболее глубинные пласты народного сознания, сформировавшиеся в ходе длительного развития определенной социальной общности. Во всех приведенных работах речь, скорее, должна идти об особенностях общественного (массового) сознания и (или) социальной психологии советского человека как совокупности его представлений и чувств. В современной историографии отмечается неправомерность употребления данных понятий в качестве синонимов, что ведет к превращению понятия «ментальность» в некое модное увлечение⁹. В результате подмены первоначального содержания утрачивается сама целесообразность употребления данного термина, обоснованная как раз отсутствием в русском языке аналога, адекватно передающего вкладываемый в него смысл.

С исторической антропологией тесно смыкается другое направление – микроистория, сторонники которого исследуют прошлое через всестороннее воссоздание жизни одного из рядовых представителей того или иного социального слоя, который считается «типичным» представителем эпохи, социума, исторического процесса. Уже первые работы представителей данного подхода обнажили два его существенных недостатка: уход в описательность и проблему репрезентативности изучаемого объекта, т.е. насколько жизнь данного индивидуума отразила важнейшие процессы эпохи. Тем не менее, он имеет достаточное количество приверженцев в западной науке¹⁰. В российской историографии микроистория, отличающаяся от широко распространенного жанра исторической биографии, лишь формируется в качестве самостоятельного исследовательского подхода и пока остается одним из возможных, но почти нереализованных на практике направлений в разработке истории Великой Отечественной войны.

Проблема интерпретации источников, необходимость выявления скрытого смысла, который вкладывался людьми изучаемых эпох в свои слова и тексты, получили дальнейшее развитие в исторической науке благодаря работам представителей отечественной семиотики – Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского и других авторов. Семиотическое изучение истории основано на представлении о том, что историк всегда имеет дело с текстами и выступает в роли их дешифровщика, приводя символы и коды прошлого в соответствии с современной знаковой системой. Необходимо также отметить развитие исторической герменевтики как определенного способа интерпретации источника, основанного на расшифровке заложенного в них смысла.

В последние годы предметом специального изучения стала и проблема интерпретации советских документов. Современные исследователи отмечают необходимость их критического анализа: «это источники не просто глубоко идеологизированные, но изначально искажавшие смысл событий», поскольку идеократии задают «посредством табуированного языка особое видение событий, соответствующее искаженному сознанию тех, кому эти законы адресованы». В результате в историографии постепенно вырабатывается понимание того, что даже открытие самых секретных документов не может все прояснить. И.В.Павлова отмечает «парадоксальный факт, что наиболее фальсифицированными документами сталинского времени оказались самые недоступные из них – материалы архивно-следственных дел, сосредоточенных в архивах КГБ»¹¹. Указанные положения имеют существенное значение для разработки различных проблем истории советского общества в годы Великой Отечественной войны.

В 1980-е гг. в рамках «истории женщин» возникло новое исследовательское направление, приобретшее самостоятельность благодаря использованию категории «гендер», которая подчеркивает социальный, а не биологический характер неравенства между полами. Основные теоретико-методологические положения данного подхода сформулировала Д. Скотт, считавшая, что гендер составляют «четыре неразрывных взаимосвязанных компонента: культурные символы, вызывающие множественные и зачастую противоречивые образы; нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций смысловых значений этих символов и находят свое выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации (не только система родства, семья и домохозяйство, но и такие сексуально-дифференцированные институты, как рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство); а также самоидентификация личности»¹². Таким образом, предметом гендерных исследований оказываются не столько сами женщины, сколько отношения между ними и мужчинами.

В настоящее время появились гендерные исследования, выполненные на материалах Второй мировой войны, в частности, посвященные положению женщин в немецких концлагерях. Однако использование этого подхода в отечественной историографии пока не реализовано в полной мере, большинство российских исследований на данную тему выполнено, скорее, в духе традиционной «истории женщин», даже если и называются «гендерными». Это характеризует и работы о роли и положении советских женщин в годы Великой Отечественной войны. Авторы большинства из них раскрывают уже устоявшиеся в историографии сюжеты, высчитывая общее количество женщин, работавших в тылу и воевавших на фронте, приводя отдельные примеры их героизма.

Определенные перспективы для исследователей истории Великой Отечественной войны представляет и такое направление, как демографическая («демосоциальная») история, прежде всего, история семьи. Динамика брачности, прокреации, сексуальности, взаимосвязь общественного и личного статуса членов семьи, изменения в распределении семейных ролей, материальных, эмоциональных, сексуальных, матримониальных отношений и представлений в регионе во время войны по-прежнему остаются неизученными вопросами в отечественной историографии.

Разумеется, к указанным направлениям не сводятся методологические новации в современной историографии. Например, достаточно плодотворно в последние годы стали обсуждаться проблемы альтернативности, сослагательности и случайности в истории, что, в частности, связано с появлением синергетики, в рамках которой развитие рассматривается

как становление качественно нового состояния системы, определяемого событием в точке бифуркации¹³. Использование принципа альтернативности позволяет раскрыть потенциальные возможности развития советского общества в годы Великой Отечественной войны, определить «поле вероятностей», диалектику взаимосвязи объективных и субъективных факторов в его истории, противоречивость самого хода событий. В западной историографии давно разрабатывался вопрос о возможностях развития иного варианта событий в оккупированных областях СССР. Подобные попытки предприняты и рядом современных российских авторов, но они нуждаются в более серьезном обосновании¹⁴. В данной связи необходимо отметить разрабатываемые отечественными исследователями методы применения математического моделирования в изучении исторического процесса.

Достаточно актуален для современной российской историографии и «постмодернистский вызов» как отражение общего эпистемологического кризиса исторической науки. Постмодернизм ставит задачу «освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами». Представители данного направления ставят под сомнение привычное понимание исторической истины, считая, что историк «столь же суверенно творит исторический текст, как создают его поэт или писатель». Любая версия истории в равной степени признается имеющей право на существование и одинаково безразличной к истине: «она способна выразить, собственно, лишь взгляды и оценки автора исторического сочинения, взгляды которого, по сути своей субъективны». В результате, по словам А.Я.Гуревича, доведенные до предела постмодернистские критические построения «грозят разрушить основы исторической науки»¹⁵. В историографии Великой Отечественной войны влияние постмодернизма пока мало заметно, но постепенное осознание несовершенства традиционных методов прочтения источников придает ему дополнительную популярность.

Обновление методологии и методики исследований приводит к появлению иной, чем раньше, научной терминологии, прежде всего, за счет использования понятий, имеющих иностранное происхождение, а также употребляемых в смежных гуманитарных и социальных дисциплинах. Потребность в новой терминологии объясняется, прежде всего, открытием новых областей изучения, новыми исследовательскими задачами, стоящими перед историками. В частности, Е.С.Сенявская в своих исследованиях, посвященных поведению человека на войне, ввела понятие «комбатант» (происходит от французского слова, означающего «воин», «боец»), до этого использовавшееся в международном праве, в значении «непосредственный участник боевых действий в составе вооруженных

сил или иррегулярных вооруженных формирований, партизанских отрядов». Его использование позволило исследователю охарактеризовать особый психологический тип личности, присущий «человеку воюющему»¹⁶.

Свою роль в отказе от прежних терминов или их замене на новые понятия играет эволюция взглядов историков. Так, вместо прежних понятий «предатели» и «изменники» в современной историографии все чаще используются выражение «лица, сотрудничавшие с противником» и французский термин «коллаборационист». Следует отметить, что во французском языке термин «коллаборационизм» имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придает ему в русском языке нейтральный характер, по сравнению с прежними оценочными категориями. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Свою роль играли идеологические предубеждения: в отношении советских коллаборационистов отечественные историки применяли указанные выше негативные понятия, зарубежные – терминологию немецких документов, именуя их «освободителями» или «добровольцами». Правда, не все российские исследователи и сейчас готовы отказаться от прежних категорий, считая их наиболее уместными потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма¹⁷. Заслуживает внимания и предложенное М.И.Семирягой разграничение понятий: «коллаборационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» – «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами»¹⁸.

Теоретические дискуссии о природе советского государства и общества 1990-х гг. привели к появлению новых дефиниций для их обозначения. Некоторое время продолжал использоваться термин «социализм» с различными эпитетами («государственный», «казарменный», «феодальный»), позже его заменили новые понятия – «мобилизационное общество», «командно-административная система». Затем наибольшее распространение получил термин «тоталитаризм», впервые использованный для характеристики советского строя в западной науке времен «холодной войны». Однако новая терминология также оказалась в немалой степени идеологически и политически «нагруженной», вследствие чего не может в полной мере удовлетворять исследователей. Так, понятие «тоталитаризм», по мнению современных авторов, может использоваться, прежде всего, в качестве типологического понятия, для сравнительной характе-

ристики определенного типа политических режимов, но его применение в качестве некоего универсального способа объяснения событий мировой и российской истории вызывает сомнения, что подтвердило исследование сотрудников института всеобщей истории РАН¹⁹.

В целом, нынешняя методологическая ситуация предоставляет современным исследователям гораздо больше возможностей для изучения истории Великой Отечественной войны. В науке сложилась более свободная атмосфера, позволяющая сосуществовать различным взглядам и дающая исследователю возможность чувствовать себя более самостоятельным в выборе авторской позиции. В то же время увеличение общего количества работ не всегда сопровождается повышением их качества. Это проявляется как в глубине осмысления авторами ряда работ событий военных лет, так и в избранных ими способах, формах и манерах изложения, а также в терминологической путанице, соединении в рамках одной работы разных и порой взаимоисключающих понятий. Исследователи справедливо отмечают, что «в освещении истории Великой Отечественной войны еще множество старых представлений»²⁰. Постепенное преодоление данных представлений, освоение новых подходов и дальнейшее совершенствование исследовательской технологии являются главными направлениями в разработке проблем истории Великой Отечественной войны.

---

¹ Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 2000. – № 2. – С. 5.

² Филюшкин А.И. Методологические инновации в современной российской исторической науке (вместо предисловия) // АСТЮ NOVA 2000: сб. науч. ст. – М., 2000. – С. 7-8.

³ Там же. – С. 10-11.

⁴ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002. – С. 13-14.

⁵ Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 181.

⁶ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов. – М., 2000. – С. 16.

⁷ Азашиков Г.Х. Адыгее в годы Великой Отечественной войны. – Майкоп, 1998. – С. 75.

⁸ Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). – М., 1998. – С. 207.

⁹ Кром М. Указ. соч. – С. 185, 197.

¹⁰ Филюшкин А.И. Указ. соч. – С. 17-18.

¹¹ Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 6, 8.

¹² Цит. по: Репина Л.П. История женщин и гендерная история на рубеже веков: итоги и перспективы развития. (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания : сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. Ч. 2. – М., 2001. – С. 107.

¹³ Боролкин Л.И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 23.

¹⁴ См., напр.: Кудряшев С., Олейников Д. Оккупированная Москва // Родина. – 1995. – № 5. – С. 11-19; Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. – М., 2002.

¹⁵ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996. – С. 6-7.

¹⁶ Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М., 1997 и др.

¹⁷ См.: Вишлвс О.В. Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Вишлвс О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. – М., 2001. – С. 142 и др.

¹⁸ Семиргя М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 5.

¹⁹ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преемства. – М., 1996. – С. 8-9, 499.

²⁰ Золотарев В.А. Указ. соч. – С. 5.

Социально-психологическая реадаптация инвалидов Великой Отечественной войны

Введенный в научный оборот термин «социально-психологическая реадаптация» означает организованное, постепенное, психологическое возвращение воинов-участников боевых действий с войны и нетравмирующее «встраивание», включение их в систему связей и отношений мирного общества. О механизмах реадаптации, психологической картине социального «вращения» ветеранов в систему социальных отношений на примере участников боевых действий XX в., как крупных, так и локальных военных конфликтов, весьма подробно изложено доктором психологических наук А.Г.Караяни в статье «Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий»¹. Составной частью этой большой темы является проблема социально-психологической реадаптации фронтовиков Великой Отечественной войны, в изучении которой имеется разнообразный исторический, источниковедческий материал.

Формирование «фронтового поколения» происходило уже после войны. В публицистике данный термин бытует достаточно широко, однако в научный оборот он вводится медленно. Проблема научного изучения «фронтового поколения» как социально-демографического явления и как духовного феномена поставлена в работах Е.С.Сенявской². По ее мнению, в широком смысле «фронтовое поколение» обозначает несколько реальных поколений, ядром которых являются определенные демографические когорты сверстников, наиболее активно вовлеченных в войну. Другими словами критерием определения принадлежности к «фронтовому поколению» обозначается массовое участие в боевых действиях военнообязанных определенных возрастных категорий³. Отмечается, что не всякая война формирует феномен «фронтового поколения». Великая Отечественная война в силу своей, не только масштабности, но справедливости, сформировала это явление, ибо участие в войне явилось фактором морально-психологического объединения значительного числа людей на основе определенных позитивных ценностей, а сами фронтовики оказывали активное социально-психологическое влияние на целое поколение современников и массовое сознание общества в целом. Е.С.Сенявская отмечает, что термин «фронтовое поколение» синоними-

чен термину «поколение победителей»: солдаты-победители, возвращаясь с войны, в полном смысле слова спасшие Отечество, несли в себе гордое чувство причастности к Победе⁴.

В ходе войны у фронтовиков, видевших разрушенные и разоренные города и села, сложились свои представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. После войны у них было много сил и надежд, огромная потребность чувствовать себя необходимыми. Однако начавшаяся после четырех лет военной жизни адаптация к мирным условиям оказалась совсем непростой, и не только в бытовом, но и в психологическом плане. Появляется явление другого порядка – социально-психологического – феномен под названием «потерянное поколение». По определению Е.С.Сенявской, он обозначает болезненную реакцию человеческой психики на травмирующие явления войны, как правило, проявляющуюся отсроченно, уже в мирной обстановке и имеющую пролонгированный долговременный характер⁵. К «потерянному поколению», прежде всего, относятся инвалиды войны. В сравнении с остальными ветеранами-фронтовиками, адаптация к условиям «новой мирной жизни» у инвалидов проходила труднее всего.

Попытка показать, каким образом в конкретных исторических условиях проходила социально-психологическая реадaptация инвалидов войны, как части «фронтового поколения», является целью настоящей статьи. В изучении обозначенной проблемы использованы источники личного происхождения – выписки из писем инвалидов войны, прочитанных и отмеченных цензурой Управления НКГБ Архангельской области. «Задержанные» письма были написаны инвалидами в первой половине 1945 г. Невзирая на эпоху всеобщей подозрительности и цензуры, бумага оставалась едва ли не единственной возможностью выговориться. Как известно, это является эффективным психотерапевтическим средством постепенного снятия высокого психического напряжения, стимулированного боевым стрессом. Именно в этой связи данные записи (выписки из писем) используются как источник в изучении психологии инвалидов войны. Во-вторых, письма давали инвалидам возможность не только выговориться, но и надежду на эмоциональную поддержку родных, что также является немаловажным фактором сохранения или восстановления психического здоровья. Обращение к данному типу источников и их введение в научный оборот позволит расширить информационное поле в изучении поставленной проблемы.

Испытывать душевные страдания в течение своей жизни приходится каждому человеку. Такие страдания, как отмечают психологи, особенно отягощаются и становятся невыносимыми в случаях, когда человек

утрачивает в своей жизни цель. В ситуации с «фронтовым поколением» такая цель была достигнута к маю 1945 г. Этой целью для большинства людей в военные годы было изгнание врага с отчей земли. Фронтовики, достигнув цели, тем самым выполнили жизненную миссию. А уже после Победы в Великой Отечественной войне для «поколения победителей» наступает переходный этап жизни, возврат к мирной жизни, в которой следовало решать проблемы продолжения жизни, повседневности.

В отношении инвалидов, вернувшихся в тыл еще в ходе войны, то есть до Победы, на наш взгляд, следует отметить еще один фактор – фактор времени, который не усугубил, а, напротив, щадящим образом повлиял на психику этой части инвалидов-фронтовиков. Все они, в силу сложившихся обстоятельств, не освобождали страны Европы, не видели заграницы и, соответственно, не получили возможности сравнения «достижений первого в мире государства рабочих и крестьян» с западной культурой. Они не видели уклада жизни побежденного врага, роскоши капитализма, и, следовательно, не могли сравнить ее с собственной жизнью фронтовика-победителя в собственной стране. И в этом смысле, фактор времени «обезопасил» инвалидов войны от получения еще одной психологической травмы.

«Поколение победителей», ветеранов войны, условно разделяют на две группы. Первая – участники войны, в основном вернувшихся после мая 1945 г. Вторая – по численности большая группа, инвалиды войны, получившие ранения и увечья. Часть представителей этой группы была комиссована из армии еще в ходе войны, большинство же возвращались из госпиталей после ее окончания. Инвалиды войны, в противоположность «удачникам», вернувшимся без увечий, ощущали большую степень одиночества, испытывали чувство заброшенности и собственной ненужности обществу, отсутствие чувства безопасности. Следует также отметить, что деление фронтовиков на две группы обусловлено не только разницей их психологического состояния, но и дифференцированным подходом со стороны государства к их социальному обеспечению.

Из социально-психологических качеств в отношении к тяготам войны советские воины проявили такие как мужество, стойкость, выдержка, твердость характера, в отношении опасности – смелость, отвагу, готовность к самопожертвованию. Такие качества определяли борьбу с врагом, с конкретным противником. Но война закончилась. Проявленные качества в экстремальных условиях остались с человеком, они, конечно же, никуда не исчезли. Однако с прежними качествами в новой ситуации, с появлением теперь уже условного врага, именуемого «тяжелым положением», как физическим, так и материальным, представшим перед быв-

шими воинами и защитниками, возвратившимися в тыл, бороться не получалось. К списку социально-психологических характеристик фронтовиков-инвалидов прибавляется ощущение беспомощности и безысходности. У инвалидов войны происходит перестройка сознания, в котором идет борьба выработанного за годы войны волевого и сильного характера с осознанием собственного физического бессилия. Перед этими людьми стояла задача заново конструировать свою идентичность.

В данном смысле инвалидам предстояло пройти несколько этапов психической реорганизации. Первый – преодоление так называемых посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) или отсроченные последствия боевой психической травмы. По данным ряда исследований ПТСР составляют от 10 до 50% всех медицинских последствий боевых событий. Ими на сегодняшний день страдают 29-45% ветеранов Второй мировой войны⁶. Исследования военных психологов показывают, что не стресс-факторы войны, а психологически неподготовленная встреча участников боевых действий с жестокими реалиями «мирного» мира являются наиболее существенной причиной дисгармоний ветеранов войны. Кроме того, у участников боевых действий, возвращающихся с войны, формируется и остро проявляется ряд потребностей, требующих удовлетворения обществом. Важнейшей из них является потребность быть понятым обществом и принятым в систему социальных связей и отношений с возвысившимся статусом, статусом защитника Родины⁷. В письмах инвалидов войны довольно часто встречаются такие мысли как: «...Но нам Миша, обидно, мы тоже воевали, и нас не встречали, и мы инвалиды этой войны и нас обошли. Разве мы не переносили тяжесть войны?»⁸, или «но здесь этого не понимают, а относятся к инвалидам Отечественной войны издевательски»⁹, «за то я и проливал кровь, а теперь никому не нужен»¹⁰ и др. фразы. Распространенность таких высказываний свидетельствует о том, что после окончания войны обществом в отношении инвалидов не были созданы условия для преодоления ими посттравматического синдрома.

Вспоминая первые послевоенные годы, фронтовик, писатель Вячеслав Кондратьев, взглянув на проблему с высоты прожитых лет, в 1990-м году точно определил все признаки посттравматического синдрома: «Мы тогда не говорили о «потерянном поколении», полагая, что у нас его и быть не может, но оно, увы, было и будет всегда после всех войн, даже «малых». Мы почувствовали себя ненужными, ущербными, особенно инвалиды, получившие нищенские пенсии, на которые невозможно было прожить... Послевоенное время принесло в нашу жизнь не только сложности, но и разочарования... Все на что-то надеялись, но этим надеждам не суждено было сбыться. Мне не нужно напрягать память, чтобы вспомнить, сколько из моих товарищей и просто знакомых спились после войны и сколько покончили жизнь самоубийством... А у

скольких не удалась, не сложилась жизнь. Поистине – «потерянное поколение»¹¹.

Вторая, не менее важная задача, которая стояла перед инвалидами – преодоление чувства «чужого», «лишнего» для общества путем приобретения нового жизненного опыта. Особые трудности здесь испытывали люди молодого возраста, которые до войны не имели никакой военной специальности. Имея боевые заслуги, они в мирной жизни вдруг оказались ни на что не годными, им приходилось учиться с теми, кто значительно младше по возрасту. Строки из писем: «...Я тебе, брат, опишу про свою жизнь. Я не живу, а существую. Я очень слаб и сейчас не работаю. Я ездил в военкомат и мне сказали, – давай вызов и справку, что вы берете меня на иждивение. Помогите мне, брат, а то жизнь у меня стала очень плохая. За то я и пролил кровь, а теперь никому не нужен. Я пишу плохо, но ты разбирай получше, а то у меня испорченная рука дрожит и не могу писать. Сейчас я руками и ногами никуда не гош. Дешевле убить, чем прокормить»¹².

Одним из условий создания активной реадаптирующей социальной среды, на которые указывает в своей работе А.Г.Караяни, является трудоустройство ветеранов, особенно имеющих ранения, травмы и инвалидность. В годы войны создавались специальные органы, занимавшиеся трудоустройством инвалидов. Так, в Коми АССР работала специальная комиссия по трудоустройству инвалидов войны. Она занималась вопросами организации обучения инвалидов новым специальностям, их трудоустройством и контролем социально-бытового обслуживания.

Новые специальности инвалиды войны получали на различных предприятиях. Как правило, это были не физические, а «сидячие» профессии. Например, в шести артелях г.Сыктывкара, входивших в состав «Промсоюза», инвалиды войны обучались швейному, сапожному, кукольному, пуговичному, слесарному производствам. При Ижемском зооветтехникуме, Объячевской межрайонной РКШ, при Ульяновском сельхозтехникуме организовывались курсы по обучению счетоводов, а при Учкомбинате – бухгалтеров и т.д. Вне всякого сомнения, трудоустройство инвалидов следует рассматривать как одно, а, пожалуй, единственное из реабилитационных мероприятий, проводимых государством в те годы.

Инвалиды войны выдерживали каждодневную психологическую «атаку», борясь с крайне низким уровнем материального положения. В реальности они понимали, что принадлежат к самой низшей по степени защиты интересов социальной категории населения. Письма с откровениями о своей нелегкой жизни инвалиды войны писали своим друзьям, близким родственникам и адресовали их, исходя из изученных источников, только мужчинам. Это были мужские откровения. Мужская психология победителя не позволяла рассказать о своих переживаниях женщи-

не, будь то матери или дочери, и уж тем более они не могли пожаловаться на трудности любимой девушке.

Вот что пишет о своей нелегкой доле инвалид войны, по-видимому, родному младшему брату, возможно студенту и также участнику войны: «...Хочу идти на рынок и продать последние свои брюки и что-нибудь тебе купить. А то, Петя, у меня денег нет. Мне пенсию дают в месяц 130 руб., так вот оденься, покушай и выкроить тебе нужно. А когда лежал, Петя, в больнице, так доктора говорили, что нужно хорошее питание и жиры, а я не в состоянии, даже находясь дома, ни разу не кушал досыта. Калека калекой: нет четырех ребер, почки и легкого. И никуда не принимают на работу. Свое здоровье отдал за честь Родины на 100%, а сейчас хоть лезь в петлю, иначе жизнь моя грошова. Не обижайтесь. Пишу тебе, как брату, не скрывая то, что есть в самом деле. Видимо, Петя, наша участь такая и мы с тобой родились в невзгоды»¹³.

Особенно много жалоб встречается от инвалидов третьей группы, которая по медицинским показателям считалась годной к работам, и пенсии у них были самыми маленькими. «...Жизнь началась, можно сказать, совсем плохая. Жрать не хватает, так что жить-живем /далее следует нецензурное выражение – примеч. авт./ А как инвалида ничем не снабжают, потому что у меня третья группа»¹⁴, – пишет инвалид войны в феврале 1945 г. Еще шла война. Но и после нее суть писем и жалоб не меняется. В июле 1945 г. другой инвалид войны напишет: «...Вот сегодня, например, поел свой паек, а завтра буду сидеть... голодный. Со службы сократили, продать нечего, а пенсию буду получать еще меньше, дали третью группу. Каждый день все недоедаешь и мучаешься голодный, а тут, на грех, появился аппетит, съел бы целую корову. Нога все болит и не дает покоя. А теперь надо работать, а то не дадут пенсию. Я, конечно, от работы не отказываюсь, но что могу с больной ногой, куда годен. Вот это меня гнетет и навертывается мысль, не лучше ли покончить с собой, чем мучаться...»¹⁵.

Действительно, со стороны государства внимания решению вопросов социальной защиты инвалидов войны, повышению их пенсионного обеспечения уделялось мало. Достаточно сказать, что пенсии выплачивались на основе еще довоенных постановлений, а именно Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядовому и младшему начсоставу срочной службы и их семьям». Усложнились правила получения пенсий. Если до середины 1944 г. в органы соцобеспечения инвалидам следовало представить копии свидетельства о болезни, заверенные военкоматом, то со второй половины 1944 г., при обращении за назначением пенсии инвалиды должны были ежегодно проходить ВТЭК и предъявлять справки с заключением о признании их годными к нестроевой службе и предъявить военный билет. Таким образом, ежегодно подтверждать, что ранение или заболевание получено во время пребывания на военной службе.

«...Мне пенсию дают в месяц 130 руб., так вот оденься, покушай... Доктора говорили, что нужно хорошее питание и жиры...» – строки из письма. Для того чтобы понять, насколько мизерными были пенсии, приведем «базарные цены» первой половины 1941 г., введенные в научный оборот Т.И.Лахтионовой. Так, 1 кг сливочного масла стоил 60 руб., свинины - 40 руб., говядины - 24 руб., картофеля - от 1,8 до 3 руб.¹⁶ Если учесть уровень инфляции за последующие военные годы, нетрудно представить рацион питания инвалидов.

Однако нельзя сказать, что общество и государство полностью игнорировали или отказывались от решения проблем инвалидов. Предпринимались попытки облегчить жизнь инвалидам опекой и призрением, пусть даже не было возможности охватить всех нуждающихся. Следует упомянуть о том, что инвалиды первой и второй групп по закону и согласно их желанию могли определяться в инвалидные дома. Однако такая практика не была распространенной. По данным Н.И.Суркова, в Коми АССР для инвалидов предполагалось освободить по 50 мест в Донском (Усть-Куломский р-н) и Ибском (Сыктывдинский р-н) индомах. Для этого содержащиеся там ранее инвалиды по рождению должны были быть выведены к родственникам или в порядке патронирования переданы в семьи колхозников. Однако, по мнению Н.И.Суркова, «на бумаге было все гладко и беспроблемно. Но далеко не так было в жизни»¹⁷.

Нельзя не отметить и то, что обществом и государством в годы войны практиковалось проведение месячников и декадников – специальных мероприятий, в ходе которых оказывалась помощь особо нуждающимся инвалидам и членам семей военнослужащих. Помощь оказывалась в самых разнообразных формах. Это были единовременные выдачи денег, продуктов питания или одежды из специально создаваемых материально-вещевых, продовольственных и денежных фондов, трудоустройство или устройство детей в школы и детские учреждения, заготовки и подвозки дров, ремонт квартир, улучшение общественного питания и т.д. С другой стороны, данная помощь была разовая и избирательная. По воспоминаниям старожилов, оказывалась она, как правило, многодетным семьям, в которых росли от пяти-шести и более детей.

Отстаивание национально-государственной независимости в Великой Отечественной войне заставило каждого человека подняться выше классовых и личных обид. Известно, что в войне приняли участие представители различных социальных категорий общества. На фронт, в массу случаев на добровольных началах, шли репрессированные граждане, заключенные, и на всем протяжении военных действий солдаты сохраняли сознательную активность. Перед людьми – и фронтовиками, и тыловика-

ми – стоял серьезный побудительный мотив, он был выше личных интересов. С окончанием войны, с ликвидацией глобальной угрозы общественные интересы ушли на второй план, а в мире повседневности у «поколения победителей» постепенно стали возникать личные обиды. Особенно острые проблемы и связанные с ними обиды испытали инвалиды. Как и все фронтовики, главным делом своей жизни они также считали то, что воевали за Родину, проливали кровь, рисковали жизнью. Получив ранения и увечья, они, в отличие от остальных участников войны, чувствовали себя более ущемленными и причины своего бедственного положения видели, прежде всего, в равнодушии властимущих: «...Жить очень тяжело. Каждый шаг становится очень тяжелым, никакой устойчивости нет, как ветром шатает. Разве это жизнь? Ничего не мило. Обидно, что на инвалидов не обращают никакого внимания. Ведь здесь есть такие /далее следует нецензурное выражение – прим. авт./, ни одна не верит и не сочувствует. Здесь все начальство не было на фронте, они ничего не сочувствуют. В тылу никакого горя не видели. Вобщем, дома мне жизни нет никакой, хоть в петлю лезь. Не жизнь это, а существование...», – пишет женщина-инвалид немногим спустя два месяца после окончания войны. Приведем другое высказывание того же периода, также инвалида, но уже мужчины: «...Я, как участник Сталинградской битвы, но здесь этого не понимают, а относятся к инвалидам Отечественной войны издевательски. Одежда и продукты питания идут по красивым глазкам, а мы – инвалиды, – шеголяем в тряпках»¹⁸.

Об усилении недовольства и обидах в обществе говорит возрастающее к концу войны число писем, по оценкам цензуры – «отрицательного содержания». Если в феврале 1945 г. через цензуру Управления НКГБ Архангельской области «прошло» 124 письма, то в мае были зафиксированы уже 338 писем от инвалидов войны и семей военнослужащих. В письмах к родным и знакомым они описывали свою жизнь, давали оценки действительности, жаловались на материальные затруднения, на свою нетрудоспособность, необеспеченность продуктами питания и недостаточную помощь, оказываемую им со стороны отдельных председателей колхозов и сельских советов¹⁹.

Проблемы социальной помощи военным и бывшим военным-инвалидам, но более раннего периода, исследуются П.П.Щербининым. В своей работе «Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII-начале XX вв.»²⁰ автор приходит к выводу, что механизм и система государственной социальной политики в тот период по отношению к увечным защитникам отечества были далеки от совершенства, отставали от требований времени, не создавали достойных условий жизни для военных инвалидов. Несмотря на то, что советский период и проблема отношения советской власти к инвалидам войны выходит за рамки работы

П.П.Щербинина, его вывод также уместен и здесь. Следует согласиться и признать, что социальная политика в отношении инвалидов как в период, так и после Великой Отечественной войны, по-прежнему, оставляла желать лучшего. Прежде всего, потому, что нерешенность многих проблем инвалидов войны, особенно социально-бытового характера, в повседневной жизни препятствовала их социально-психологической реадaptации. К этому выводу добавим и тот факт, что в данный период еще не были отработаны мероприятия по выявлению и лечению лиц, страдающих посттравматическим синдромом. На эту проблему в нашей стране обратили внимание со времен Афганской войны, а конкретные действия и налаживание системы в этой области стали проводиться только в связи с событиями в Чеченской Республике с середины 1990-х гг. Термин «реабилитационный центр» также возникает спустя долгие десятилетия после окончания Второй мировой войны. В середине XX в. почти никто не задумывался о вопросах реадaptации инвалидов, так как главной задачей, стоящей перед государством и обществом, «фронтовым поколением», «поколением победителей», было восстановление разрушенной страны²¹.

¹ Караяни А.Г. Социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // Военно-историческая антропология : Ежегодник, 2003/2004 : Новые научные направления. – М., 2005. – С. 431-440.

² Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. – М., 1999. и др.

³ Сенявская Е.С. «Потерянное поколение»: литературное клише и социально-психологические реалии // Военно-историческая антропология : Ежегодник 2003/2004. – С. 375.

⁴ Там же. – С. 377.

⁵ Подробное определение о «потерянном поколении» см. Сенявская Е.С. «Потерянное поколение»... – С. 377.

⁶ Караяни А.Г. Указ.соч. – С. 433.

⁷ Там же.

⁸ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 346.

⁹ ГААО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 357.

¹⁰ ГААО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 349.

¹¹ Сенявская Е.С. «Потерянное поколение»... – С. 370.

¹² ГААО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 349.

¹³ Там же. Л. 348.

¹⁴ Там же. Л. 63.

¹⁵ Там же. Л. 346.

¹⁶ Лахтионова Т.И. Условия жизни населения города Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Коми) // Защита Отечества: история и современность. Научно-практическая конференция, посвященная 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. : материалы. – Сыктывкар, 2001. – С. 36-44.

¹⁷ Сурков Н.И. Социальная работа в Коми АССР в 1941 г. // Защита Отечества... – С. 45.

¹⁸ ГААО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 357.

¹⁹ Там же. Л. 105, 261.

²⁰ Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII-начале XX вв. // Военно-историческая антропология : Ежегодник 2003/2004. – С. 381-398.

**Мир «человека воюющего» в воспоминаниях
о Великой Отечественной войне
(на материалах Краснодарского края)**

Долгое время человек не являлся объектом специального изучения в исторических исследованиях. Внимание к проблеме человека на фронте и в тылу в годы войны прослеживается в новейших работах историков. Е.С.Сенявская первой среди отечественных исследователей стала развивать новое и перспективное направление исторической науки – «Психология войн XX века». В ряде монографий и статей Е.С.Сенявская проанализировала такие составляющие указанной проблемы, как духовный облик фронтового поколения, формирование и эволюция образа врага у солдат, проблемы религиозных верований и убеждений¹. Отдельные аспекты проблемы существования человека на войне рассматривают Н.И.Кондакова, Е.М.Малышева, М.М.Ибрагимов, В.В.Серебрянников, Г.Х.Азашихов и др.²

Е.С.Сенявская считает, что «человек воюющий» – это особое явление, не только социальное, но и психологическое³. Все непосредственные участники и очевидцы военных событий внесли свой посильный вклад в дело борьбы с врагом и победы над ним. Следовательно, в понятие «человек воюющий» рационально включить все группы и категории людей, участвовавших в войне – командный состав армии и рядовых солдат, организаторов партизанского движения и партизан и подпольщиков, жителей оккупированной территории.

Для раскрытия темы «человек на войне» исследователи используют различные виды источников, ядро которых составляют источники личного происхождения. Нашей задачей является воссоздать мир «человека воюющего» на основе воспоминаний людей фронтового поколения о Великой Отечественной войне на Кубани.

Субъективная природа мемуаров связана с отражением в них самосознания мемуариста. Воспоминания, по словам С.С.Минц, – это «результат становления самосознания личности и одновременно один из способов осознания ее взаимоотношений с социальными группами различных масштабов»⁴. Используя эту характерную социальную функцию источников мемуарного характера, постараемся выделить социально-психологические качества личности «человека воюющего».

При воссоздании психологического портрета человека на войне необходимо учитывать влияние трех взаимосвязанных факторов. Во-первых, как существо биологическое, в любых ситуациях, и особенно в экстремальных условиях, человек неосознанно проявляет свои врожденные психологические и эмоциональные качества и чувства: инстинкт выживания, страх, трусость перед лицом опасности, радость своей победы. Во-вторых, как существо социальное, человек в процессе своей жизни ощущает на себе влияние массового сознания, господствующей общественной идеологии. В-третьих, сама война, являясь экстремальным условием существования человека, вносит свои коррективы в его сознание.

Итак, начнем с проявления характеристик личности «человека воюющего», заложенных в каждого человека природой: инстинкт самосохранения и чувство страха. В минуты смертельной опасности (а боевая обстановка или период оккупации для мирных жителей и есть такая опасность) в человеке пробуждается инстинкт самосохранения, вызывая естественное чувство страха. Анализируя состояние человека, В.В.Серебрянников отмечает, что на фронте внутри него идет постоянная напряженная борьба между страхом погибнуть, остаться изуродованным, смертельно раненным и стремлением не уронить себя в глазах других, не показать своего истинного состояния, преодолеть страх, сохранить способность сражаться и побеждать врага⁵. Именно такого человека рисуют в воспоминаниях фронтовики. «Жизнью доказано, что нет людей без страха. А есть люди, вырабатывающие в себе бесстрашие. Это люди организованные, обладающие силой воли, идеологически подготовленные, обладающие чувством глубокой любви к своей Родине»⁶, – считает мемуарист М.П.Изюмская. Таким образом, бой предъявляет к человеку требования, противоречащие инстинкту самосохранения, побуждает его совершать действия вопреки естественным чувствам.

В воспоминаниях людей фронтового поколения прослеживается два типа поведения «человека воюющего» в условиях преодоления чувства страха. С одной стороны, под воздействием моральных установок, любви к Родине постепенно человек подавлял в себе страх, становясь настоящим защитником своего Отечества, героем войны. С другой стороны, чувство страха могло перерасти в трусость. Тогда человек совершал самоубийство, либо находил более легкий способ выжить – переходил на сторону врага, становился предателем.

В количественном отношении в военных воспоминаниях больше внимания уделяется описанию подвигов героев прошлой войны, которые смогли преодолеть или подавить чувство страха, морально совершенствуясь. «За годы войны тысячи комсомольцев проявили храбрость, отвагу, незнание страха в борьбе с немецкими захватчиками»⁷, – вспоминал ку-

банский казак П.Г.Галецкий. И далее мемуарист привел клятву одного комсомольца, «которую казаки выполнили с честью»: «Наши сердца не будут знать покоя, пока хоть один немец топчет нашу землю. Наши руки не будут знать отдыха, пока продолжается эта великая борьба. Наш мозг не будет знать усталости, пока интересы Родины требуют от нас неустанного труда. Ни одна дорога не покажется нам слишком трудной, ни одна преграда не покажется нам непреодолимой»⁸. Как видим, преодоление страха, по мнению мемуариста, было обусловлено деятельностью коммунистической партии в воспитании патриотизма, любви к Родине у советского народа.

У жителей оккупированной территории преодоление страха могло выражаться в оказании помощи раненым солдатам и коммунистам, связях с подпольщиками и партизанами в условиях нового порядка, установленного немцами. Мемуаристы высоко оценили подвиг мирных жителей в деле спасения советских людей. «Истинная патриотка Антонина Павловна не побоялась скомпрометировать себя в глазах людоедов XX века, представителей фашистского нового порядка. Она взяла к себе в дом советского воина-комсомольца, чтобы возродить его к жизни»⁹. Мемуарист В.В.Кизигло обоснованно считал, что «в то время это был подвиг, связанный с риском для жизни»¹⁰. Таким образом, в мемуарах людей фронтового поколения показан человек, способный преодолеть свой внутренний страх, ставший при этом героем Великой Отечественной войны.

В становлении личности настоящего бойца главным являлось удачное выполнение первого боевого задания. Неслучайно, мемуаристы уделили должное внимание описанию именно таких сюжетов. Особенно важным при выполнении «боевого крещения» бывший командир партизанского отряда «Вихрь» Г.А.Якубовский считал отсутствие людских потерь. «Небольшие боевые операции отряда, проведенные успешно, еще более укрепляли веру партизан в свои силы. Тогда мы смогли думать о более сложных делах»¹¹. Удачно выполненное боевое задание вселяло уверенность и придавало силы в борьбе с врагом человеку на войне.

Равнение на командиров было обязательным условием преодоления страха в боевых условиях. Мемуаристы описывали подвиги своих предводителей, стремясь быть на них похожими. Эмоционально описывает своего командира казак И.К.Кужаров: «Особенно отличался в бою наш командир. Он с обнаженным клинком вихрем носился по полкам, расставляя лучшие наши силы и сохраняя казаков от губительного танкового огня»¹². По мнению мемуариста Д.П.Хорунженко, славу 4-ого гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса «ковал его командный состав, который в суровой боевой школе совершенствовал свое

мастерство руководить подразделениями, частями, соединениями и в то же время показывал высокий пример личной отваги и мужества. Казаки любили своих командиров и самоотверженно выполняли их боевые приказы»¹³. Ничто так не воодушевляло воинов, как горячее, идущее от сердца слово командира и его личный пример в тяжелых боях, свидетельствуют мемуаристы. Перечисленные обстоятельства позволяли простому человеку, оказавшемуся перед лицом смерти, превозмочь страх и найти в себе силы и мужество бороться с врагом.

Однако мемуаристы пишут и о таких людях, которые не могли преодолеть в себе чувство страха, пытались идти по пути наименьшего сопротивления, становясь «предателями», «мародерами» или «изменниками Родины». Были и такие люди, которые «в бессилии вынуждены были склонить головы перед грозным сильным и неумолимым врагом. Видел я “самострелов”, видел и тех героев, которые не хотели переносить всех тягостей борьбы и пускали пулю себе в лоб или сердце. Такого “геройства” я не признавал и не признаю. Люди, избавившие себя от мучений не крепкие, а, скорее, слабые, нервные»¹⁴. И далее автор этих воспоминаний А.В.Соколов, переживший ужасы немецкой оккупации, рассуждает: «Для меня оставался непонятным лозунг “Смерть – или победа”. Почему так нервно, скоро? И почему не так: “Борьба и победа!”? Выходит, что если победы нет, так и бороться не следует? Борьбой считается то, что человек не сдается, пересиливает в себе врожденный страх. Погибнуть нетрудно. И многие погибали потому, что боялись издевательств и пыток. А ведь очень многие из пленных оставались в живых. Сами уходили и других уводили. А потом снова били врага, остались живы и работают на благо Родины»¹⁵. Мемуаристы, включая в контекст своего повествования сюжеты о слабых духом людей, подчеркивали, что «человек воюющий» не понимал и осуждал их действия.

При выявлении слабых сторон человеческой личности, проявленных во время войны, авторы воспоминаний противопоставляли им описание героических подвигов «человека воюющего», который отважно сражался с врагом. Он оставался верен заветам своей Родины даже перед лицом смерти. «Когда бесстрашную патриотку подвели к виселице, и палач хотел накинуть ей на шею петлю, она ударила его по лицу. Сама надела петлю и громко крикнула: «Не смей прикасаться ко мне, гад проклятый! Я умру за Родину. За меня отомстят партизаны и Красная Армия»¹⁶. Подобное героизированное описание человека на войне – явление далеко не единичное в воспоминаниях людей фронтового поколения. Такие примеры призваны, с одной стороны, прославить верных сынов и дочерей Отчества. С другой стороны, они являются отголоском коммунистического воспитания мемуаристов в духе патриотизма.

Большую роль в становлении психологии человека в условиях войны сыграла общественно-политическая и идеологическая система. В СССР компартия сумела обеспечить наиболее эффективную, всеобъемлющую систему пропаганды¹⁷. Благодаря организованности, сосредоточию в своих руках всех рычагов идеологического воздействия партия мобилизовала на борьбу все возможные резервы. Авторы воспоминаний рисовали образ «человека воюющего» в рамках существующей пропаганды. В мемуарах прослеживается мысль, что «советский человек» был воспитан в духе патриотизма, любви к Родине, а Великая Отечественная война – это испытание его патриотических чувств, которое он с честью преодолел. «Все считали своей священной задачей, поручением партии и Родины беспощадно громить, уничтожать немецко-фашистских захватчиков до полной победы»¹⁸. Исследователи неоднократно подчеркивают, что патриотизм всегда освящен традициями, воплощается в героях, живет в легендах, воспроизводится в повседневном опыте народа. Национальная идея России – патриотическая идея Отечества и братства¹⁹.

С началом войны мужественно преодолевали трудности и мирные жители, работая на благо Родины. «Хоть с первых дней войны там, где работали двое, остался один, хотя мужскую работу стали выполнять женщины, хотя много коней сдали на сборный пункт, и с тяглом стало туго, – колхоз во время убрал поля, во время выполнил свои обязанности перед государством»²⁰. Особенно тяжело пришлось мирным жителям во время оккупации Краснодарского края, равно как и в восстановительный период. «Женщины, старики, а затем вернувшиеся с войны солдаты восстанавливали хозяйство. Трудно описать их героический труд! Сложно представить, что в первую весну под лопату женщины засеяли злаками около 15 тыс. га, одновременно помогая фронту, чем только возможно»²¹. Мемуаристы восторженно описывали ежедневные дела колхозников, приравнивая их ратный труд к подвигам, без которых трудно было бы победить всему народу в войне.

Подобно фактору, который способствовал моральному росту бойца, преодолению чувства страха, благодаря процедуре принятия присяги, мемуаристы выделяли еще одну ее психологическую функцию. «В момент принятия присяги лица бойцов были суровы. В те минуты каждый с особой болью в сердце ощущал ответственность за судьбу любимой Родины. После принятия присяги все как бы качественно изменилось, стали ближе друг к другу»²². Принятие, а затем исполнение присяги говорит о высокой патриотичности «человека воюющего».

Мемуаристы большое внимание уделяли формированию морально-патриотического духа «человека воюющего». По словам исследователя истории Великой Отечественной войны М.П.Скирдо, моральный фактор

– это, прежде всего, «степень политической зрелости народа и армии, степень осознания ими общегосударственных интересов»²³. Мемуаристы наделяли «человека воюющего» такими качествами, как оптимизм, вера в непобедимость Советского государства, уверенность в своей окончательной победе над врагом.

Перечисленные социально-психологические качества личности давали ей возможность совершать героические подвиги, проявлять воинскую доблесть. Этому также способствовали обязательно проводимые и посещаемые всеми бойцами и партизанами политические занятия. «В дивизионе мы организовали учебу, – вспоминал ветеран 108-й стрелковой бобруйской Ордена Ленина и Красного Знамени дивизии П.А.Захаржевский. – Занятия проходили по программе, утвержденной политотделом дивизии. На них прорабатывался материал из газет: о положении на фронтах, жизнь наших людей в тылу и на оккупированных территориях»²⁴. Бывший командир Тульского партизанского отряда № 2 П.Г. Ромахов констатировал, что «партизанская война с особой силой и наглядностью показала, что наша партия вырастила и воспитала достойных советских патриотов, показавших всему миру величие духовных и моральных качеств»²⁵. В этом заслуга регулярно проводимых занятий по воспитанию и укреплению морального духа человека на войне.

Изображая мир «человека воюющего», авторы воспоминаний обращали внимание не его партийную принадлежность или его отчетливое желание вступить в партию. Умереть за Родину, будучи коммунистом – высшая честь для защитника Отечества. «У партизан постоянно поддерживался высокий морально-боевой дух. В этом огромная заслуга коммунистов и комсомольцев, которые являли собой образец стойкости, храбрости, непоколебимой уверенности в правоте нашего великого дела»²⁶. Личный пример комсомольцев и коммунистов, воспитание которых отвечало потребностям социалистического государства, по словам мемуаристов, формировал и закалял личность человека на фронте и в тылу.

Еще одним фактором, способствовавшим росту морально-боевого духа «человека воюющего» мемуаристы считали «силу печатного слова». «Путем проведения бесед и распространением листовок, подпольщики вселяли уверенность советским гражданам, что скоро Советская армия освободит их из фашистского ада»²⁷. «Мы распространяли среди населения листовки и сводки о положении на фронтах, собирали данные о противнике, всячески поддерживали у краснодарцев уверенность в победе»²⁸. Авторы воспоминаний свидетельствуют о важной роли листовок, плакатов и других видов печатной продукции в формировании стойкости, мужества у мирного населения во время оккупации края.

Ненависть к врагу была главным чувством защитника Родины, которое усиливало его сопротивляемость в условиях первоначального отступления войск, оккупации Краснодарского края, а затем разгрома врага. «Многие бойцы и командиры проезжали свои родные места, оскверненные гитлеровскими извергами. Все это наполняло сердца воинов лютой ненавистью к врагу, они рвались в бой»²⁹. Политическую работу по воспитанию ненависти к фашистским «извергам» и «насилникам» в сознании «человека воюющего» вели политработники, коммунисты. «Гнев наших сельчан против гитлеровских мародеров накалился до предела. Наши отцы, если по состоянию здоровья не могли сами, посылали на борьбу с вероломным врагом своих любимых сынов и дочерей»³⁰. Из воспоминаний видно, что ненависть к врагу и вытекающая отсюда жажда мести, были преобладающими чувствами людей на фронте и в тылу.

Вместе с тем, мемуаристы выделяют еще один фактор, повлиявший на формирование личности в экстремальных военных условиях. Таким фактором являлась сама атмосфера войны, требующая от ее участника постоянной мобилизации, собранности, стойкости и отваги. «Партизаны были спаяны крепкой дружбой. В единой боевой семье храбро сражались с врагом русские и украинцы, белорусы и адыгейцы, черкесы и евреи, армяне и абхазцы. Всех этих людей разных национальностей и общественного положения сплачивал советский патриотизм»³¹. Война была условием воспитания «человека воюющего» в духе коллективизма. Неслучайно, дружбу, скрепленную в боях, пронесли фронтовики сквозь годы и десятилетия. «Отряд был сплоченный. Не было случая, чтобы кто-либо отказался от выполнения задания, невыполнения приказа, отряд был верен Родине, присяге, идеям Компартии. Партизаны не сидели в землянках, они искали встречи с врагом, и, вступив в бой, отдавали за счастье своего народа жизнь»³², – вспоминал участник партизанского отряда Гиатинского района. Член партизанского отряда им. братьев Игнатовых Г.Н. Ветлугин воспоминания «Летели под откос поезда» посвятил памяти своих друзей, погибших при выполнении боевого задания³³. Участники Великой Отечественной войны подчеркивают, что чувство фронтового братства было одним из самых сильных и необходимых на войне, так как без помощи и взаимовыручки выжить было невозможно.

«Человек воюющий» представлен мемуаристами победителем, который выстоял в тяжелой войне и стал олицетворением незыблемости социалистического строя, в духе которого он был воспитан.

Итак, на основе воспоминаний людей фронтового поколения о Великой Отечественной войне на Кубани был воссоздан мир «человека воюющего». Мемуарист находился под воздействием официальной идеологии, господствовавшей как во время войны, так и в послевоенный пе-

риод. «Человек воюющий» наделен авторами воспоминаний во многом идеализированными чертами характера. Среди основных социально-психологических качеств личности «человека воюющего» мемуаристы выделили мужество, стойкость, выдержку, твердость характера, смелость, отвагу, самопожертвование ради Великой Победы. Это именно тот образ, который воплощали в себе или на который равнялись сами фронтовики, партизаны, подпольщики и мирные жители во время войны.

Военная обстановка, пол словам мемуаристов, формировала чувство дружбы, преданности, взаимовыручки и ощущение радости от победы в войне. Выиграть в Великой Отечественной войне «человеку воюющему» удалось благодаря наличию всех перечисленных черт характера и качеств его личности.

---

¹ См.: Сенявская Е.С. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. – М., 1995; Она же. Человек на войне: историко-психологические очерки. – М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.

² Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. – М., 1995; Азашиков Г.Х. Адыгя в годы Великой Отечественной войны. – Майкоп, 1998; Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). – М., 1998; Серебрянников В.В. Социология войны. – М., 1997; Он же. Войны России: социально-политический анализ. – М., 1998; Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Майкоп, 2000.

³ Сенявская Е.С. Человек на войне... – С. 5.

⁴ Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. – СПб., 1998. – С. 84.

⁵ Серебрянников В.В. Социология войны. – С. 194.

⁶ Петренко В.В. Воспоминания бывшего командира партизанского отряда «Шторм» о боевых действиях партизанского отряда в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1980. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1128. Л. 156.

⁷ Галецкий П.И. Воспоминания «Боевой путь кубанских казаков» о боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков казачьих подразделений в 1941–1944 гг. Машинопись. 1945–1984. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1143. Л. 84.

⁸ Там же. Л. 83.

⁹ Домашев П.Д. Воспоминания о боевых действиях партизанского отряда «За Родину». Машинопись. 1977. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. № 1356. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2об.

¹¹ Якубовский Г.А. Воспоминания «В те огневые дни» бывшего командира партизанского отряда «Вихрь» Абинского района. Машинопись. 1974. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 925. Л. 6.

¹² Смирнов Н.К. Записки члена Военного совета. – М., 1973. – С. 81.

¹³ Хорунженко Д.П., Шутковкий Н.В. Воспоминания «Кубанская гвардия» об участии казаков в Великой Отечественной войне. Машинопись. 1966–1971. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 955. Л. 18.

¹⁴ Соколов А.В. Воспоминания «Смерть щадила меня» о событиях Великой Отечественной войны на Кубани. Рукопись. 1965–1970. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1081. Л. 24–25.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Древянский В.Г. Воспоминания бывшего заместителя командира Армавирского соединения партизанских отрядов о боевых действиях партизанских отрядов Армавирского куста в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Рукопись. 1965. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 949. Л. 11.

¹⁷ Поляков Ю. Почему мы победили? // Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 72.

- ¹⁸ Егоров А.А. Воспоминания бывшего командира Анапского соединения партизанских отрядов о боевых действиях партизанских отрядов в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1971. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 966. Л. 1.
- ¹⁹ Олейникова О.Д. Российский патриотизм и региональное самосознание // Российское сознание: психология, культура, политика. II Международная конференция по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем»: материалы. – Самара, 1997. – С. 37.
- ²⁰ Егоров А.А. Воспоминания «В грозном зареве» бывшего командира Анапского соединения партизанских отрядов. Машинопись. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 894. Л. 12.
- ²¹ Заступа П.Е. Воспоминания о боевых действиях партизан Марьянского района. Машинопись. 1977. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1358. Л. 16.
- ²² Обухов П.Г. Воспоминания «Это было 25 лет тому назад» о боевых действиях партизанского отряда «Горный» в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1977. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 973. Л. 23.
- ²³ Скирдо М.П. Моральный фактор в Великой Отечественной войне.– М., 1959. – С. 7.
- ²⁴ Захаржевский П.А. Воспоминания «Третий дивизион» бывшего артиллериста-фронтовика. Машинопись. 1984. // Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 31. Л. 63.
- ²⁵ Ромахов П.Г. Воспоминания «Записки командира партизанского отряда» бывшего командира Тульского № 2 партизанского отряда о боевых действиях партизанского отряда в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1974. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1151. Л. 38.
- ²⁶ Егоров А.А. Воспоминания «В грозном зареве» бывшего командира Анапского соединения партизанских отрядов. Машинопись. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 894. Л. 12.
- ²⁷ Ряхин А.А. Воспоминания о подпольной работе в период оккупации г. Краснодара немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1952–1979. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1114. Л. 2.
- ²⁸ Науменко Д.М. Воспоминания «Будни партизанской разведки» бывшего командира разведки партизанского отряда «Иль–2» Северского района. Машинопись. 1974. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 924. Л. 10.
- ²⁹ Науменко Д.М. Воспоминания «Будни партизанской разведки» бывшего командира разведки партизанского отряда «Иль–2» Северского района о боевых действиях партизанского отряда в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1977. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 953. Л. 5.
- ³⁰ Дудий Ф.И. Воспоминания о боевых действиях подпольщиков Новопокровского района. Рукопись. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1356-а. Л. 1.
- ³¹ Соколов А.В. Воспоминания «Смерть щадила меня»...// Л. 115.
- ³² Ануфриев В.П. Воспоминания бывшего командира боевой группы партизанского отряда № 59 Гиагинского района. Машинопись. 1975. // Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. П–1123. Оп. 2. Д. 255. Л. 9.
- ³³ См.: Ветлугин Г.Н. Воспоминания «Летели под откос поезда» бывшего старшего минера партизанского отряда им. братьев Игнатовых Краснодарского соединения партизанских отрядов. Машинопись. 1977. // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 900.

Защищал родную деревню

«Прикосновение» к войне помогает понять, что прошлое – не только перечень событий, но и судьбы реальных людей. Поисковики, в полевых экспедициях занимаясь поиском останков незахороненных бойцов и командиров Красной Армии, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны, поднимая останки солдат и их медальоны, каждый полевой сезон «прикасаются» к страницам страшной незабываемой войны. Каждое возвращенное имя, общение с родственниками открывает судьбу погибшего воина.

В августе 2005 г. автор статьи в составе поискового отряда школьников Прилузья «Звезда» впервые принял участие в поисковой экспедиции, выезжавшей в Смоленскую область на Международную учебно-тренировочную «Вахту памяти», целью которой являлась передача опыта поисковой работы. Экспедиция-вахта включала в себя поисковую работу в лесу, вечера патриотической песни у костра, показ фильмов о войне.

Ранее поисковый отряд «Звезда» неоднократно выезжал в Смоленскую область, где проходили первые жестокие бои на подступах к Москве. В 1941 г. на Смоленщине произошло Великое побоище, названное впоследствии «Вяземским котлом». В этих краях полегло четыре армии. Как отмечает Нина Германовна Куликовских, руководитель местных поисковиков и всей экспедиции, Вяземская земля щедро полита солдатской кровью. Вязьма – громадная братская могила, где каждый камень – надгробие. Каждый год, весной и летом, на местах былых сражений проходят поисковые работы одновременно в 17-18-ти районах Смоленской области. Ежегодно в ходе «Вахты памяти» осуществляется 12-15 захоронений найденных останков погибших солдат.

Во время экспедиции всех ее участников поразила история, связанная с прочтением одного из солдатских медальонов. Отрядом поисковиков вместе с останками воинов были найдены 10 медальонов. Когда удалось прочитать их, к удивлению и радости оказалось, что в числе погибших был человек родом со Смоленщины. Звали его Ажыгин Федор Степанович. Еще более нас поразило, когда из записки прочиталось место рождения, которым оказалась деревня всего в 20 км от места расположения нашего полевого лагеря. На следующий же день несколько бойцов отряда отправились в эту деревню в поисках родственников. Познакомились с дочерью – Антониной Федоровной Ажыгиной, которая рассказала,

что в семье отца было 25 детей. На войне погиб один Федор. Мать Федора Степановича, бабушка Антонины Федоровны, прожила до 115 лет и всегда ждала, искала сына. Когда однажды им сказали, что видели Федора на Кургане, так называется местность на Смоленщине, поехали туда искать. Не нашли. Но и после ждали, верили, искали. Обращались в военкомат – безрезультатно. Антонина Федоровна вспоминала, что часто бабушка говорила: «Я не дождусь видимо. Но ты своего отца дождешься». Дочь солдата, которая сегодня по возрасту в три раза старше своего отца на момент его гибели, дождалась известия. Долго стояла она на коленях у края братской могилы на торжественном захоронении останков... А я думал, сколько еще таких, дочерей и сыновей ждут и надеются найти то место, где погиб при защите родного крова близкий им человек. Ждут и надеются спустя 60 лет после окончания Великой войны.

Шарикова Фаина Николаевна

*студентка Сыктывкарского филиала
Кировской государственной медицинской академии,
боец поискового отряда «Северная звезда»*

Борьба за честь «изменников Родины» во время и после Второй мировой войны

И нас тогда увидя в новом свете,
Сограждане, не знающие зла,
Поймете, что пред нами вы в ответе
За все поступки, мысли и дела.
А.Панфилов,
красноармеец 2-й Ударной армии,
август 1943 г.

Главные подходы к описанию истории войны 1941-1945 гг. в отечественной историографии советского периода оставались незыблемыми: Великая Отечественная война – это, прежде всего, героизм и победы. И в то же время, на протяжении десятилетий, молча, с тяжестью на сердце, уходили из жизни сотни ветеранов-соотечественников, волею фронтовой судьбы в проигранных битвах попавшие в окружения и побывавшие в фашистском плену. С чувством невыразимой обиды умирали в мирные годы солдаты и офицеры известной, героической 2-й Ударной армии, не в силах очистить от клеветы память однополчан. На современном этапе изучения истории войны исследователи, наконец, все чаще стали обра-

щаться к наиболее важному – к человеку, лицу, личному, личностному, а уже через это – к событиям, фактам, эпохе¹.

Задачей данной работы явилась идея показать размах и жестокость злодеяний в отношении советских военнопленных, побывавших в концлагерях на территории третьего рейха и оккупированных им стран сквозь призму судеб советских перемещенных лиц во время и после Второй мировой войны. По возвращении на Родину эти люди испытали на себе ужас советского тиранизма и глубокого бесчеловечья на территории родного Отечества, обиду непризнания и презрения за верность и отвагу.

Война против Советского Союза рассматривалась фашистами как «расово-идеологическая» война на уничтожение. Жестокость объявлялась главным средством обращения с противником. В памятке немецкому солдату предписывалось: «убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...». С такими целями вторглись немецкие войска на нашу территорию. В немецком плену оказалось 5,7 млн. советских солдат, офицеров и генералов, из них 3,3 млн. умерло от голода, холода, болезней, истязаний, расстрелов и изнурительного труда, а это – 57,8 %. Вместе с рядовыми солдатами в плену оказались 80 советских генералов, из них 23 погибли, бежали из плена 5, на сторону противника перешло 12. Вернуться на Родину удалось 37 генералам, из них восстановлены в правах только 26. Судьба советских военнопленных в Германии явилась трагедией огромного масштаба. Но как бы не преподносили различные источники факты и документы о жестокости ненавистного противника, неизмеримо больно осознавать наличие общей трагедии и непростительного преступления против своего народа на территории родного Отечества.

Плен – клеймо, за которое приходилось расплачиваться по возвращению и выживанию, как во время войны, так и в послевоенные годы, и даже спустя не один десяток лет. Во время войны советские военнопленные были заочно приговорены к расстрелу, а их жены и родители решением Особого совещания при НКВД СССР осуждены на разные сроки исправительно-трудовых лагерей или сосланы в Сибирь как члены семей «изменников» Родины. В послевоенные годы бывших военнопленных не принимали в партию. Выжившие солдаты, к примеру, первого формирования 2-й Ударной армии, воевавшие за Ленинград, «не удостоились» медали «За оборону Ленинграда», а удостоверение участника войны бывшим военнопленным стали выдавать только с 1981 г. Лишь 24 января 1995 г. (в канун 50-летия Победы) Президент России Б.Н. Ельцин подписал указ, по которому были полностью реабилитированы все бывшие военнопленные и репатрианты.

В истории России время главной из войн и время лагерей накладывается друг на друга². Тогда, в середине XX века, подхваченный волной неизмеримо превосходивших его событий, отдельный человек не был в состоянии выбирать где, кем и с кем ему быть, что, впрочем, не лишало его свободы нравственного выбора, плата за который была порой чрезмерно жестокой. Исследователь А.Ю.Котылев, оценивая сущностное содержание писем и свидетельств очевидцев эпохи, справедливо отмечает, что в лагере человеку приходилось проявлять не меньшую стойкость, чем на фронте, а в плане отстаивания самооценности своей личности – даже большую³.

На фронте выбор был невелик: впереди – немецкий пулеметный огонь, сзади – нередки беспощадные очереди заградотрядов. Достаточно напомнить, что Приказом Наркома обороны СССР И.В.Сталина от 28.07.1942 г. № 227 было положено начало штрафным формированиям. Приказ имел целью любой, даже самой жестокой, ценой остановить отход наших войск. Военным советам фронтов предписывалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех (по обстановке) штрафных батальонов (по 800 чел.) из провинившихся в нарушениях дисциплины, по трусости или неустойчивости и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить вину перед Родиной кровью»⁴. Процесс зачисления в ряды «штрафников» всех «изменников Родины», попавших в плен и бежавших из немецкого плена, или советских солдат, вышедших из окружения, был глубоко несправедлив. Несправедливым было и то, что после освобождения из плена бывшие советские военнопленные, отправляясь в тыл, попадали в ГУЛАГ, где их снова ждали истязания, издевательства, лишения, несправедливость и смерть.

Ярким примером стойкости и отваги русского человека является судьба Георгия Малаева. Он был призван в действующую армию в июле 1941 г. К тому времени он был молодым врачом, окончившим Казанский медицинский институт. Вскоре получил свое первое и последнее назначение – командир санитарного взвода 1004 стрелкового полка 305-й дивизии. Полк спешно перебросили под Новгород, где уже шли тяжелые бои Второй Ударной армии. Г.Малаев вспоминал: «Мы умирали от голода, сотнями тонули в болотах. Но каждые сутки в течение нескольких недель командиры отбирали по тысяче людей, способных к подвигу. И бросали их на прорыв. Местность была настолько пристреляна немецкими минометами, что погибали все, до последнего солдата. А на следующий день все повторялось. Не помню ни одного случая, когда бы люди, еще способные держать в руках винтовку, отказывались идти под минометный огонь. Мы, медики, работали сутками, перевязывали, лечили, и

даже оперировали под огнем... Ставка гнала все новые дивизии в заранее обреченные на неудачу атаки. Выполнялась директива Великого Вождя всех народов и Мудрого Полководца, предписывавшая нанести поражение Германии в 1942-м году!»⁵ (приказ Сталина № 130 от 1 мая 1942 г.: «Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 г. стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»).

24 июня 1942 г. был дан приказ: выходить из окружения мелкими группами, кто как сможет. Малаева с товарищами, едва живыми от голода и ран, обнаружили в лесу немецкие автоматчики. Он пишет: «...когда гнали остатки 2-й Ударной, конвоиры использовали резиновые шланги, как будто скот перегоняли...». В г. Колпино доктору Малаеву было предложено лечить гражданское население, среди которого были, в основном, женщины, занимавшиеся строительством дороги. Фашисты предлагали работать на них, обещали кабинет и солдатский паек с формальностью подписания документа об отказе сотрудничать с партизанами. Однако Г.Малаев отказался подписать документ – сотрудничать с врагом. Дальнейшая его судьба – лагерь смерти под Варшавой, где «...на пленных не тратили ни пуль, ни ядовитого газа – просто морили голодом». Вечерами, как вспоминает бывший узник, «в бараке, обсуждали: нужно ли сносить эти мучения? Не проще ли подойти к запретной зоне и получить пулеметную очередь с вышки? В чем смысл нашего существования? Ведь мы враги и для Гитлера, и для Сталина... Приходили к парадоксальному выводу: драться за жизнь и будем жить! Назло и Гитлеру, и Сталину!». Затем – месяцы пребывания в Марселе, в союзническом лагере, где, как отмечает очевидец, «американцы хорошо кормили, одели в одежду, относились как к союзникам»⁶.

В мае 1945 г. бывших военнопленных, в числе которых был Г.Малаев, доставили в Одессу, а оттуда – напрямик в Воркуту: «Вы не верили в победу, сдались, и уже потому – изменники!» – кричал следователь, всю войну прослуживший в северных лагерях. В 1949 г. Г.Малаев был переведен на спецпоселение в с. Новый Бор Усть-Цилемского района Республики Коми. Доктор Малаев, ставший универсалом в своей профессии еще в немецком плену, и в ГУЛАГе спасал жизни: оперировал аппендициты и грыжи, с блеском проводил гинекологические операции, лечил переломы, огнестрельные и ножевые ранения. Сегодня ему 90, и он до сих пор не покидает стылого Заполярья: и к нему едут за советом из всех окрестных деревень, растянувшихся на сотни километров по р. Печоре. Георгий Дмитриевич Малаев – живое доказательство того, что даже в условиях каторги, в пространстве абсолютного зла, утверждалось добро, причем бескорыстное добро.

Судьба Петракова Михаила Ивановича, уроженца Белоруссии, примечательна не менее. Ему было 17, когда их, призывников, погрузили в поезд и повезли на распределение. Поезд попал в бомбежку, люди разбегались. Так как родная деревня была уже занята немцами, Михаил подался в партизаны. Затем попал в немецкий плен. Вернулся на Родину в 1946 г. после освобождения союзными войсками, прямиком... в Воркуту. После лагеря – также спецпоселение в Усть-Куломском районе Республики Коми, где жил и работал. Удостоверение участника войны Михаил Петраков получил в 1995 г.⁷ А в мае 2005 г. он умер, так и не сумев «опровергнуть клеймо «изменника» среди односельчан. Участие М.И.Петракова доказывает то, что в настоящее время сохраняется тенденция разделять людей на категорию «лагерных» и «нелагерных». Продолжается борьба за честь и выживание в условиях всеобщего непонимания и неоправданного осуждения. Парадоксальным примером является произошедший в марте 2005 г. случай в том же Усть-Куломском районе. К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в одном из сел района была возложена мемориальная плита павшим землякам. Два имени туда не вошли – имена «лагерных», одним из которых является Петраков Михаил Иванович.

Сегодня продолжается борьба за честное имя русского солдата, оправдание действий не против, а во имя Родины. Стоит еще раз задуматься о преступности и необоснованности лишений и страданий народа, абсурдной жестокости войны, а не прикрываться выводами о силе и беспощадности врага. Так ли страшен враг в сравнении с ужасными гонениями соратников?

---

¹ Моисеева И.Ю., Котылева И.Н. Новый ракурс осмысления Второй мировой войны // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Выпуск 4. – Сыктывкар, 2005. – С. 42.

² Моисеева И.Ю. Между строк... Герои и их письма, письма и их герои... // Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). – С. 58.

³ Котылев А.Ю. Письмо из прошлого // Арт. – 2005. – № 1. – Сыктывкар, 2005. – С. 190.

⁴ Рубцов Ю. Прощение на крови. Такой суровой была цена искупления для штрафников // Ориентир. – 1997. – № 5. – С. 26-27.

⁵ Цит. по: Овчинников В. Доктор из лагеря смерти // Красное Знамя. – 2005. – 1 июля – С. 4.

⁶ Там же.

⁷ Воспоминания и документы М.И.Петракова // Архив автора.

Воскресшие бойцы 2-ой Ударной Армии первого формирования

Масштабность Великой Отечественной войны демонстрирует неограниченность изучения страниц ее истории. Новые и новые факты возникают в ходе работы по увековечению памяти павших защитников Отечества. Целью статьи является рассказ о судьбах четырех воинов из Республики Коми (Коми АССР), считавшихся погибшими в 1942 г. в районе небольшой деревушки под названием Мясной Бор в Новгородской области. Их имена установлены поисковиками, которые работали в местах гибели 2-ой Ударной Армии. Родные получили на них извещения о гибели – «похоронки», но к счастью – они выжили и вернулись домой. Однако все четверо до сих пор значатся в списках безвозвратных потерь Красной Армии.

Следует вкратце остановиться на событиях конца 1941 – начала 1942 гг., приведших к трагедии 2-ой Ударной Армии первого формирования. В это время одной из первостепенных забот правительства оставалась судьба Ленинграда. Прорыв блокады осажденного города Ставка возложила на вновь созданный Волховский фронт. В его состав вошли 2-я Ударная, 59-я, 52-я и 4-я Армии. Им навстречу должна была продвигаться 54-я армия Ленинградского фронта. Общий ориентир – станция Любань. В январе 1942 г. 2-я Ударная Армия вышла на заданный рубеж, прорвав у Мясного Бора немецкую оборону, что позволило войскам армии, устремиться к блокированному Ленинграду. Однако боеприпасов в войсках было намного меньше положенной нормы, танков ничтожно мало. В воздухе – полное господство вражеской авиации. 2-я Ударная армия – армия прорыва – оказалась обеспеченной сполна лишь таким боекомплектом как патриотический боевой дух солдат и командиров¹. Приказ наступать все дальше и дальше, невзирая на фланги, привел к образованию Любанской бутылки – территории площадью в три тысячи квадратных километров с узкой горловиной в месте прорыва. Этот четырехкилометровый коридор от деревни Мясной Бор до деревни Кречно превратился в огнедышащий клапан, который немцы все время пытались захлопнуть. Русские недаром называли его Долиной смерти, а немцы поставили указатель с надписью «Hier beginnt der Arsch der Welt» («Здесь начинается ад»)². 13 мая 1942 г. член Военного Совета 2-ой Ударной Армии И.В.Зуев доложил генералу М.С.Хозину о безысходном положе-

нии армии и получил приказ об отводе войск обратно к Мясному Бору. К этой деревне вышли единицы. Остальные либо погибли от голода, обстрелов и бомбежек, либо попали в фашистское рабство³.

25 июня в 9.30 утра немцы окончательно захлопнули «горлышко». Десятки тысяч солдат и командиров, штаб 2 Ударной Армии остались на крошечном (2 на 2 км) пятачке у Новой Керести. Остатки 2-ой Ударной – голодные, изможденные бойцы – группами и поодиночке еще пытались пробиться к своим. В 20-х числах июля над болотом, где скрывались кучки окруженцев, пролетел самолет и сбросил листовки с фотографией пленного генерала Власова. Подпись гласила: «Русские! Ваш командующий добровольно сдался в плен. Ваше положение безвыходно. Сдавайтесь!». Тогда, в июле-августе 1942 г., пленение командующего Власова А.А. самым пагубным образом сказалось на окруженцах, которые еще долгое время выходили и выползали из адского котла. Но отношение к ним резко изменилось. На Большой Земле их встречали уже не заботливые медики, а сотрудники СМЕРШа. Лишали воинских званий как вышедших из окружения «при сомнительных обстоятельствах». Нарекали спецконтингентом и отправляли под конвоем в г.Грязовец Вологодской области для распределения по лагерям НКВД. Так, только с 25 июля по 7 сентября вышло 1353 окруженца. Но и те, кому посчастливилось выйти из Мясноборского ада, предпочитали молчать все последующие десятилетия и не рассказывать, где воевали. Под Мясным Бором погибло 149838 человек⁴.

В 90-годах прошлого столетия поисковая экспедиция «Долина» памяти Н.И.Орлова Новгородской области составила базу данных потерь 2-ой Ударной Армии. Основную работу проделал Сергей Сергеевич Котилевский. В конце 1980-х и в 1990-е годы он работал в штабе поисковой экспедиции «Долина», ответственным организатором, председателем Совета командиров, руководителем историко-архивного сектора. Он выяснил, что среди документов Центрального архива МО РФ (г. Подольск) значится список воинов 2-й Ударной Армии, не вышедших из окружения (1942 г.). История его возникновения следующая. Когда закончилась Любанская операция, командование стало вести подсчет потерь. Придумали простую арифметику: на почте в то время скопилось великое множество не врученных воинам армии писем. Брели письмо и проверяли его по имеющимся спискам потерь, т.е. значится он убитым или пропавшим. Если не значится, его заносили в список «не вышедших» из окружения. Получилось около 34 тысяч человек. Однако тогда не учли, что письма не вручали долго, и для многих адресатов их собралось по нескольку штук. Список получился с повторами. Кроме того, туда попало

донесение из Северо-Западного фронта (примерно 300-400 человек), не имеющее отношения к этому подсчету.

Эти и другие нюансы в подсчетах потерь многие годы изучались С.С.Котилевским. Основываясь на опыте поисково-исследовательской работы в военных архивах, им написана книга «Теория и практика поисковых работ» (Казань, 2004). Несмотря на недавний срок ее выпуска, это издание, весьма популярное среди поисковиков, уже сейчас является библиографической редкостью. С.С.Котилевский пишет, что в поисковой деятельности следует различать термины «установление» и «восстановление» имен. Важно, в каких случаях логично употреблять тот или иной термин. Он отмечает, что по логике устанавливаются имена неизвестных, каковыми в нашем случае являются военнослужащие, судьба которых установлена, то есть лиц, числящихся по документам «без вести пропавшими». Судьбу учтенных в каких-либо документах «погибшими», независимо от формы и места их погребения, нельзя считать неизвестной, и поэтому их имена «восстанавливаются». Обнаруженные на местах поисковых работ находки из категории прямых доказательств, при условии их обнаружения с останками погибших (медальоны, подписанные личные вещи) являются источниками информации для установления имен их владельцев. При получении подтвержденных данных из дополнительных источников о месте гибели и погребения военнослужащего, а если он «пропал без вести» – данных об обстоятельствах, при которых это произошло, и отсутствии сведений об иной судьбе, можно считать, что имя владельца «установлено». «Восстановление» имен осуществляется на основе комплексных данных – прямых и косвенных доказательств, историко-архивных исследований и данных о результатах поисковых работ⁵.

По архивным документам, которыми являются донесения о потерях 2-ой Ударной Армии, в период с марта по июнь 1942 г. «погибшими» числятся четыре солдата из Коми. Это как раз то время, когда 2-я Ударная находилась в окружении. И сегодня по этим источникам о потерях армии считается, что павшие воины захоронены в Мясном Бору Новгородской области. Однако, изучая конкретные истории по участию уроженцев Коми в боях Великой Отечественной войны, выяснилось, что это не так. Поисковики Коми республиканского поискового объединения «Северная звезда» сравнили Базу данных поисковой экспедиции «Долина», созданную Котилевским С.С. с электронной версией Книги Памяти Республики Коми. В итоге выяснилось, что из списка погибших коми воинов, воевавших в составе 2-ой Ударной Армии, четыре фамилии значатся в Книге памяти в списках «вернувшихся с полей сражений». Отметим, что Республика Коми – один из немногих субъектов Российской Федерации, где составлены списки региональной Книги Памяти по фрон-

товикам, не только погибшим и пропавшим без вести, но и вернувшимся с войны землякам, приехавшим в республику участникам войны и проживавшим в Коми долгие годы. Именно это дало возможность определить и сравнить список «погибших» по составу 2-ой Ударной Армии. На самом деле люди, которые числились погибшими, вернулись живыми. Вот их имена:

<p>Данные поисковой экспедиции «Долина» им.Н.И.Орлова (г. В.Новгород) (наименования географических пунктов приведены в соответствии с архивными источниками)</p>	<p>Данные Книги Памяти Республики Коми</p>
<p>Гольшев Василий Максимович, 1902 г.р., призван Картиковский РВК, Коми АССР. Красноармеец 311 сп 65 сд. Убит в Ленинградской обл., Новгородский р-н, д.Теремец-Курляндский 16.03.42 г. Стрелок. Захоронен: Новгородская обл., Новгородский р-н, дер. Мясной Бор, мемориальное кладбище. Основание: ЦАМО РФ: 818883с л.1140</p>	<p>Гольшев Василий Максимович, 1902 г.р. Проживал в с.Пезмог Корткеросского р-на. Призван 14.01.1942 г. Рядовой. Служил в 311 сп 65 сд. Погиб в бою 16.03.1942 г. Захоронен в Новгородской обл. Новгородский р-н д.Теремец. (Т. 1. С. 487. (данные внесены на основе распечаток ВНИИДАД) Он же. Гольшев В.М. 1902 г/р. Уроженец д.Пезмог. Призван Корткеросским РВК в январе 1942 г., рядовой. Умер в январе 1945 г. в с.Пезмог. (Сведения уточнены в ходе поисковой работы. См. Т. 1. С. 487.) (Т. 8. С. 224).</p>
<p>Микушев Николай Данилович, 1903 г.р., Призван Сторожевский РВК. красноармеец 261 сп 2 сд. Стрелок. Убит 13.06.42, р-н Мясной Бор, отм.40,5. Новгородская обл., Захоронен: Новгородский р-н, дер. Мясной Бор, мемориальное кладбище. Родственники: Коми АССР, Сторожевский р-н, с.Богородск. Основание: ЦАМО РФ.: 818883с л.363</p>	<p>Микушев Николай Данилович, 1903 г.р., уроженец д. Лунь Богородского с/с. Призван Сторожевским РВК в октябре 1941 г., рядовой. Демобилизован. Умер в январе 1979 г. в д. Лунь. (Т. 5. С. 415).</p>
<p>Плосков Андрей Александрович, 1901 г.р. Призван Усть-Вымский РВК. Рядовой 1246 сп, 374 сд. Стрелок. Убит 29.06.42 г. в Ленинград-</p>	<p>Плосков Андрей Александрович, 1901 г/р, уроженец с.Часово Сыктывдинского р-на. Призван Сыктывкарским ГВК в октябре 1941 г. Рядо-</p>

<p>ской обл., 3 км сев-зап. д.Мясной Бор. Захоронен: Новгородская обл., Новгородский р-н, дер. Мясной Бор, мемориальное кладбище. Основание: ЦАМО РФ: 818883с л.1338</p>	<p>вой. Демобилизован в 1945 г. Умер в 1967 г. (Т. 8. С. 263).</p>
<p>Попов Илья Иванович, 1904 г.р. Призван Старожевский РВК. Красноармеец 1235 отд.сап.бат-н. Убит в бою 08.04.42 г. в 2 км юго-вост. д.Сенная Кересть, Чудовский р-н, Ленинградской обл. Захоронен: Новгородская обл., Новгородский р-н, дер. Мясной Бор, мемориальное кладбище. Родств.: Коми АССР, Старожевский р-н, с.Вомын. Основание: ЦАМО РФ: 818883с л.1061</p>	<p>Попов Илья Иванович, 1904 г/р, уроженец с.Вомын. Призван Старожевским РВК в октябре 1941 г. Рядовой. Демобилизован по ранению в 1942 г. Умер в декабре 1961 г. в с.Вомын. (Т. 5. С. 438).</p>

Из таблицы видно, что трое из выживших солдат были из Корткеросского района республики, один – призывался в Усть-Вымском. Все они были демобилизованы по ранению в 1942 г. Умерли в 1960-1970-х гг. Автору статьи удалось встретиться с родственниками одного из них, Попова Ильи Ивановича. По их воспоминаниям И.И.Попов вернулся с войны инвалидом, без правой руки. О собственном участии в войне почти не рассказывал. В годы и после войны активно работал в сельсовете, проводил агитационные мероприятия. Женился еще до призыва и имел шестерых детей. Прожил до 1961 г.

В настоящее время перед поисковиками стоит задача произвести переучет потерь в Центральном архиве Министерства обороны. Для этого поисковиками «Северной звезды» организовано письмо-обращение в райвоенкоматы Корткеросского и Усть-Вымского районов. Представляется, что военкомы на его основании и в силу своей компетенции не откажут в нашей просьбе и напишут соответствующее письмо с приложением соответствующих справок по этим людям с просьбой произвести переучет. Таким образом, общее число безвозвратных потерь Красной Армии в Великой Отечественной войне сократится на четырех человек.

¹ Трагедия Мясного Бора (сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции). – СПб., 2001. – С. 20.

² Там же. – С. 5.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Там же. – С. 18-19.

⁵ Котилевский С.С. Теория и практика поисковых работ. – Казань, 2004. – С. 88.

**Музей партийного лидера:
возвращение к прошлому или шаг в будущее?**

Дом-музей был открыт осенью 2004 г. к 80-летнему юбилею Ивана Павловича Морозова – государственного, политического, общественного деятеля, наиболее яркого и последнего советского руководителя Коми республики. Инициаторами его создания стали Правительство Республики Коми, общественный фонд им. И.П.Морозова, родные, друзья и соратники этого человека. Дом-музей расположился в живописном уголке Сыктывкара, в парке культуры и отдыха им. С.М.Кирова. Его прототипом послужил родовой дом семьи Морозовых в селе Межадор Сысольского района Республики Коми. В 2005 г. Дом-музей стал филиалом Национального музея Республики Коми.

Музей призван сохранить память о видном государственном деятеле, талантливом руководителе, неординарной личности и человеке, который оставил яркий след в истории республики.

Музейная экспозиция, рассказывающая о жизни и деятельности бывшего партийного лидера, состоит из двух разделов. Первый раздел «Здесь начиналась его дорога жизни» рассказывает о семье Ивана Павловича, его детстве и юности. Здесь представлена богатая этнографическая коллекция 20-30-х гг. прошлого века. Старинная мебель, деревянная посуда и другая домашняя утварь разместились в двух комнатах настоящей крестьянской избы.

Второй раздел «И.П.Морозов – политический и государственный деятель» отражает работу И.П.Морозова как комсомольского и партийного лидера в разные годы его жизни. В экспозиции показаны документы, фотоматериалы и источники личного происхождения, раскрывающие этапы жизненного пути И.П.Морозова. Через судьбу человека освещается один из важнейших периодов в истории Республики Коми — 1950-1980-е гг.

Среди жителей среднего и старшего поколения республики трудно найти человека, которому было бы незнакомо имя И.П.Морозова – известного общественного деятеля. Изюм в жизни, из года в год этот человек нес на своих плечах груз ответственности за экономическое и социальное развитие региона, за судьбу родной земли и людей, живущих на

ней. И чем дальше отдалается от нас его время, тем очевиднее масштабность и объем свершений в республике под руководством И.П.Морозова.

И.П.Морозов родился 30 сентября 1924 г. в селе Межадор Усть-Сысольского уезда Коми автономной области. После окончания семи классов Межадорской неполной средней школы поступил в Сыктывкарскую фельдшерско-акушерскую школу. Начавшаяся Великая Отечественная война заставила сократить обучение всего курса до двух с половиной лет, и семнадцатилетний Иван был направлен в лазарет Печорлага для работы фельдшером в поселке Абезь.

Несколько раз обращался фельдшер Морозов в военкомат с просьбой отправить его на фронт, но из-за юного возраста и маленького роста брать его не хотели. Будучи очень настойчивым (на ростомере Иван встал на цыпочки, чтобы быть чуть выше) он попал на фронт уже в октябре 1942 г. В ноябре 1943 г. в районе Пскова при выполнении боевого задания комсорг батальона сержант И.П.Морозов был серьезно ранен, после излечения в костромском госпитале демобилизован в тыл. Домой он вернулся в начале 1944 г. с медалью «За боевые заслуги» и партбилетом члена КПСС в кармане гимнастерки.

После возвращения в Коми Иван Павлович работал фельдшером в больнице Койгородского лесопункта, где активно участвовал в общественной жизни района. Вскоре его рекомендовали для работы инструктором военного отдела Сысольского райкома ВКП (б). Так началась его «политическая карьера» длиной в сорок три года.

В 1950-х годах И.П.Морозов возглавил Воркутинский, а затем Интинский городские Советы, где основная его деятельность была направлена на ликвидацию системы ГУЛАГа, облагораживание городов, находящихся прежде на полулагерном положении: бараки, грязь, бездорожье, отсутствие социальных объектов. За этими сухими строками кроется то, как Ивану Павловичу удавалось решать большие вопросы городского масштаба и проблемы конкретных людей. До сих пор многие жители Инты и Воркуты вспоминают о нем как о необыкновенно отзывчивом и гуманном человеке. Свидетельством тому могут послужить воспоминания бывшей жительницы Инты, Заслуженного учителя РСФСР и Коми АССР А.Н. Струменковой, которая в настоящее время проживает в Сыктывкаре. Узнав, что в городе появился такой музей, она принесла свои воспоминания о Морозове, подчеркнув, что этот человек решил ее судьбу. Аглаида Николаевна пишет, что после окончания Коми пединститута она приехала в п. Кожим Интинского района Коми АССР, ей было всего 20 лет. А уже спустя 3 года, в 1961 г., она была назначена директором средней школы. Комсомолка Струменкова часто бывала в горкоме комсомо-

ла, в Интинском горкоме партии бывать ей не доводилось. Она знала, что первого секретаря зовут Иван Павлович Морозов, но никогда его не видела.

В 1961 г. одну из шахт в поселке закрыли, и четырехэтажное здание шахтоуправления отдали под интернат для детей на 120 человек. Обустроить здание комсомол поручил Аглаиде Николаевне. Все свои силы и энергию отдала она подготовке школы-интерната к учебному году. Даже купила на собственные отпускные картину, чтобы украсить фойе. В конце августа школу посетил министр просвещения Коми АССР В.Шергин и заведующий горно И.Матвеев, которые одобрили деятельность начинающего директора. А.Н.Струменкова была тогда награждена Почетной грамотой и денежной премией. Уже в середине сентября ее пригласили в Интинский райком с отчетом о работе школы. Еще не имевшая большого опыта Аглаида Николаевна в своем отчете рассказала не то, что сделано, а то, что еще предстоит сделать. Планы были громадные, она хотела построить спортзал, фундамент которого уже был заложен. Ее выслушали и зачитали решение: «объявить выговор»... Аглаида Николаевна была ошеломлена заключением райкома. В этот момент в кабинет вошел молодой мужчина, он слышал решение. Молодой директор решила бросить все и уехать в Сыктывкар, где ее вот уже три года ждали в аспирантуре. Выйдя из кабинета, села на стул в приемной и заплакала. Человек вышел следом, подошел, обнял, погладил по голове, успокоил, что, мол, они не поняли, страшного ничего не произошло, уезжать никуда не надо, а если что-то не будет получаться, то можно ему позвонить, и назвал свой номер телефона.

Несколько раз помогал незнакомец Аглаиде Николаевне решать директорские проблемы, пока она не поинтересовалась на Интинской АТС, чей это номер. Когда узнала, что ее трудности помогает решить сам Первый секретарь горкома, звонить перестала – неудобно такого человека от дел отрывать.

До сих пор вспоминает Аглаида Николаевна Струменкова, что если бы не Морозов, неизвестно, как сложилась бы ее судьба, уехала бы тогда из Инты, а может, и учительство бросила.

После решения создать в Сыктывкаре Дом-музей И.П.Морозова многие недоумевали. Времена КПСС канули в Лету, зачем играть на руку коммунистам, воспевая советский строй? Может быть, вполне достаточно для сохранения памяти об известном человеке уже созданного: Коми республиканский общественный фонд им. И.П.Морозова, мемориальная доска на здании Правительства РК, Детский реабилитационный центр в

м. Лемью, Сыктывкарский медицинский колледж им. И.П.Морозова, музей на родине И.П.Морозова в с. Межадор.

Создатели новой музейной экспозиции (экспозиционер – И.А.Пасынкова, художник – Л.В.Мишарина) не ставили перед собой цель «воспеть коммунистический строй» и выделить одного из его лидеров. С именем И.П.Морозова связаны двадцать два лучших года в истории нашей республики. В связи с этим было решено открыть Дом-музей И.П.Морозова – практически единственный в России музей коммунистического лидера, который создан в период демократии и многопартийной системы государства.

Существует прописная истина: судить о человеке необходимо по его делам. Мы оцениваем вклад партийного лидера в историю без оглядки на идеологию. Именно в этот период советской истории, который рассматривается как «эпоха застоя», республика добилась самых высоких темпов развития экономики и культуры. Приведу некоторые цифры. За 1965-1986 гг. (время работы И.П.Морозова на посту руководителя Коми АССР), добыча нефти в республике возросла в 11 раз, газа – в 19 раз. Производство электроэнергии увеличилось в 7,7 раза, мебели в 10 раз, швейных изделий в 25 раз, обуви в 15, мяса и молока в 4 раза. Впечатляющие итоги промышленного развития непосредственным образом отразились на благополучии северян. За этот период средняя месячная зарплата и денежные доходы населения увеличились в 2,5 раза. Число специалистов с высшим образованием выросло в 3,5 раза, было построено свыше 12 миллионов квадратных метров жилых домов. В 1960-1970-е гг. Коми АССР вошла в число ведущих индустриальных регионов Советского Союза.

Современное молодое поколение имеет неясное представление о советской эпохе. В собрании Национального музея Республики Коми имеется достаточно материалов, иллюстрирующих и достижения, и противоречия советского периода истории. Задача сотрудников Дома-музея направлена на сохранение потомками созданного предшественниками, на стремление созидать самим. Это направление работы будет осуществляться в будущей выставочной деятельности Дома-музея И.П.Морозова.

За время работы в Доме-музее побывало большое количество посетителей разного возраста. Малыши приходят посмотреть на внешнее и внутреннее убранство крестьянской избы, обстановку дома, студенты – из любопытства, пытаясь узнать о И.П.Морозове, о том, почему одна из главных улиц города названа его именем. Старшее поколение знакомится с музейной экспозицией как с приятным воспоминанием о своей молодости, подчас ностальгией о «советских временах». Любой из гостей Дома-

музея остается равнодушным. Свидетельство тому – многочисленные отзывы посетителей. Н.И.Сивков, сотрудник Исторического музея г. Перник (Болгария) отметил: «...В Сыктывкаре мало мемориальных музеев и этот, уже сам по себе, восполнил сей пробел. Эпоха – это, прежде всего люди, которые ее делали, и в этом смысле подобные музеи просто необходимы, чтобы почувствовать по-настоящему прошлое, пусть даже оно еще и не столь далеко от нас. Чудесный музей! Думается, что перед ним и коллективом, который в нем работает большое будущее».

Современному музею партийного лидера под силу помочь новому поколению понять свое место в обществе, убедиться в необходимости личного участия в общественных процессах, сформировать миропонимание, соответствующее современной эпохе.

Коробов Иван Валерьевич

студент факультета управления

Сыктывкарского государственного университета,

заместитель командира поискового отряда «Северная звезда»

Судьба солдата: скупые строки медальона.

С 2003 г. в Республике Коми существует поисковый отряд Сыктывкарского филиала Кировской государственной медицинской академии «Северная звезда». Ребята выезжают в Новгородскую область, где в годы Великой Отечественной шли ожесточенные бои. Там происходит поиск останков бойцов и командиров Красной Армии, которые в силу сложившейся боевой обстановки были оставлены на поле боя и оказались незахороненными. Найденные останки воинов предаются земле с соблюдением воинских, гражданских и церковных почестей. Далее по найденным медальонам поисковики разыскивают родственников погибших воинов, чтобы известить их о месте гибели близкого им человека. Целью статьи является изучение правил учета личного состава армии и обобщение результатов полевой поисковой работы отряда «Северная звезда».

Установить имя погибшего воина позволяют личные опознавательные знаки (ЛОЗ) – медальоны, которые поисковики находят вместе с останками погибших воинов. Появление первого опознавательного медальона в истории Российского государства относится к последним дням существования царской империи. Военный министр генерал от инфантерии Беляев подписал специальный приказ: «Государь Император в 16-й

день января 1917 г. высочайше повелел установить особый шейный знак для опознания раненых и убитых, а также для отметки георгиевских награда низших чинов по предлагаемому при сем чертежу. С таковой высочайшей воли объявляю по военному ведомству с указанием, что знак должен носиться на шнурке или тесьме, надетой на шею, а вложенная в ней запись должна быть отпечатана на пергаментной бумаге». Шейный знак представлял собой ладанку с находящимся внутри бланком, размером с трамвайный билет. Военнослужащему предстояло от руки бисерным и желательно каллиграфическим почерком вписать о себе целый ряд сведений: указать полк, роту, эскадрон или сотню, звание, имя, фамилию, награды, вероисповедание, сословие, губернию, уезд, волость и селение. В то время в войска успела уйти только малая часть изготовленных знаков.

Спустя восемь лет по приказу Реввоенсовета № 856 от 14.08.25 г. царский шейный знак стал применяться в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и на флоте как документ для установления личности и удостоверяющий личность. С этого момента он стал называться «солдатский медальон». Новый предмет снаряжения и бессрочная вещь выдавалась всем военнослужащим и вольнонаемным. Медальон относился к табельным вещам и в случае утери заменялся новым. Во время финской кампании выяснилось, что медальон негерметичен и в условиях боевых действий бумажный вкладыш расплывается до неузнаваемости. В марте 1941 г. он был отменен. В это же время другим приказом Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 138 от 15.03.41 г. в войсках был введен медальон иного образца. С ним Красная Армия и встретила войну. Это был черный эбонитовый футляр с отвинчивающейся крышкой, внутрь которого вкладывалось два одинаковых бланка с биографическими данными. Под поясным ремнем у солдат был пришит специальный карман, куда и вкладывался медальон.

Приведенная выше информация позволяет еще раз посмотреть на проблему учета личного состава в годы Великой Отечественной войны. В настоящей работе проанализированы личные опознавательные знаки военнослужащих, обнаруженные поисковиками «Северной звезды». После идентификации личности погибшего воина, происходит поиск ныне живущих его родственников. Обычно письма-запросы посылаются: 1) в военные комиссариаты по месту призыва бойца; 2) в администрации муниципальных образований по его/родственников месту рождения, проживания до войны; 3) активам поисковых отрядов интересующего субъекта РФ или СНГ; 4) в населенные пункты (по данным медальона).

Почему поисковики редко находят медальоны? В полости солдатского медальона образца 1941 года солдат, офицер хранил два бланка с личными биографическими данными. Если он погибал, то один экземпляр должна была изъять похоронная команда в штабе части – таким образом фиксировались потери и составлялись списки потерь. Второй бланк полагалось оставить в медальоне при погибшем. В условиях боевых действий это требование практически не выполнялось. Медальон у солдата изымался целиком – на одного безымянного солдата становилось больше. Не стоит здесь винить кого-либо в безалаберности или некомпетентности. Инструкция, прежде всего, нарушалась из-за сложного использования несовершенной табельной вещи. Чтобы изъять медальон у погибшего, требовалось выполнить слишком много операций: найти его в одном из карманов, снять винтовую крышку футляра, вытащить один из бланков, оставив при этом другой, снова закрыть и, наконец, вернуть обратно в карман. Длинную процедуру под пулеметным огнем выдерживал не каждый. Вспоминает лейтенант Соколов: «...много раненых, некоторые лежат неподвижно, другие корчатся и стонут. Одна (не моя) пушка с разбитым колесом на одном боку. Опять тихо. Младший политрук ходит между убитыми и собирает футлярчики с формулярами. Потом почта – похоронные с холодно официальными словами: «...погиб смертью героя»¹. Бывали случаи, когда на тяжелораненого бойца писали похоронное извещение из-за того, что его медальон был изъят. В ноябре 1942 г. Приказом Народного Комиссара Обороны СССР № 376 «О снятии медальонов со снабжения» солдатские медальоны были отменены. Именно поэтому в ходе поиска останков бойцов, погибших в 1943-1944 гг., медальоны при войне не обнаруживаются, а значит найденный боец останется безымянным.

Однако отсутствие самого эбонитового футляра рядом с останками бойца может объясняться не только периодом войны. Эбонитовые футляры сегодня становятся добычей черных археологов, их продают или просто ломают. Нередко медальоны не попадали в штаб: в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью они скапливались в лазарете, после чего были завалены породой. Часто в удобных водонепроницаемых футлярах вместо формуляра бойцы хранили спички или иголки. Например, в первом целом медальоне, найденном «Северной звездой» в 2003 г., была иголка с нитками. Бывали ситуации, когда бойцы теряли личные медальоны, оставаясь живыми. Встречались случаи, что бланки медальонов были чистыми, незаполненными. Это объясняется суеверием советских воинов: «Заполню, непременно погибну!». Кроме того, даже найденный

поисковиками формуляр, за 60 лет подвергшийся процессам гниения или окисления, часто бывает нечитаем.

Неужели во время войны вопросы учета потерь никого не возмущали? Обратимся к архивным документам. В докладе политрука Комкова (374 сд, Волховский фронт, весна 1942 г) читаем:

«1. Учет убитых и похороненных, раненых и пропавших без вести за время боев отсутствует...

4. Похоронные команды в подразделениях не организованы.

5. Похоронные карты с отметкой захоронений и приложенным списком не ведутся.

12. Уборка трупов производится несвоевременно, ввиду чего у погибших не обнаруживаются опознавательных документов...

13. с 13 по 14 марта подобрали 31 труп, опознаны лишь 7...»².

Приведем несколько фактов из поисковой практики. Во время весенней «Вахты памяти-2004» отряд «Северная звезда» работал в районе урочища Сутоки Старорусского р-на Новгородской обл. 4-5 мая были обнаружены останки трех бойцов РККА в радиусе 1,5-2 м. На основе поисковых находок и наблюдений поисковики пришли к выводу о том, что все трое погибли в одном бою и являются однополчанами. Материалы Центрального архива Министерства обороны РФ подтвердили догадки и высветили другие факты: «Красноармеец Архипов погиб в декабре 1942 г. в р-не д. Сутоки Старорусского р-на Ленинградской обл. (административно-территориальное деление времен войны). Боец 1280 сп 391 сд.»; «Красноармеец Шнырев погиб в декабре 1942 г. в р-не д. Сутоки Старорусского р-на Ленинградской обл. Боец 1280 сп 391 сд.»; «Красноармеец Абрамов пропал без вести в декабре 1942 г.»³ Интересную информацию предоставили самарские поисковики, основываясь на данных Книги Памяти Самарской области, составленной по сведениям ЦАМО РФ (Т.18. С. 319): красноармеец Шнырев погиб 18.07.1942 г. и похоронен в д. Коровитчино Залучского р-на Новгородской обл. (ныне Старорусский р-он Новгородской обл.). Деревня Коровитчино находится всего в нескольких километрах от урочища Сутоки.

17 августа 2004 г. во время летней «Вахты памяти-2004», работая в Сутоках, поисковиками были вновь обнаружены медальон и останки погибшего бойца РККА. Из документов ЦАМО РФ стало известно, что красноармеец Церквин Борис Тимофеевич был убит 27 августа 1942 г. под д. Сутоки Старорусского р-на Ленинградской области⁴. Однако, поисковиками из Тулы были предоставлены сведения из Книги Памяти Тульской области (С. 157) о том, что красноармеец Церквин Б.Т. не только убит, но и захоронен в р-не урочища Сутоки! 1 мая 2005 г. в районе

Сутоки «Северной звездой» были обнаружены останки бойца РККА – Соколова Ивана Степановича. Сведения региональной Книги Памяти также свидетельствовали, что младший лейтенант Соколов И.С. погиб 16 августа 1942 г. и похоронен д. Коровитчино Залучского р-на Новгородской области. 20 августа 2005 г. были обнаружены медальон и останки красноармейца Мантула Ивана Яковлевича, который по данным Всероссийской Книги памяти погиб в 1944 г.

Таким образом, совершенно очевидно, что в силу ожесточенных и непрерывных боев не было возможности четко вести учет личного состава: записи о потерях велись на основе опроса солдат, отсюда формулировки «погиб» или «пропал без вести»; записи велись с интервалом от одного дня до двух лет с момента гибели солдата; «место гибели», где находились неубранные трупы, трактовалось как «место захоронения»; координаты места гибели писались произвольно по отношению к ближайшим населенным пунктам.

Держава, победившая фашизм не смогла достойно похоронить всех павших за нее солдат. Были разосланы тысячи похоронок со скупыми строками «Ваш сын / брат / муж / отец в боях за Социалистическую Родину, проявив геройство и мужество, погиб и захоронен с отданием всех воинских почестей...». И так «захоронены» многие воины от острова Рыбачий под Мурманском до Мамаева кургана в Волгограде.

Каждую весну, лето и осень поисковики уходят в леса и болота, чтобы вести свою войну, войну с беспамятством. Найденный солдатский медальон подчас становится последней весточкой от близкого человека. В разговорах и переписке с родственниками его скупые строки превращаются в последнюю долю, Судьбу солдата, его упокоение.

---

¹ Соколов Б.Н. В плену // Цитадель. – 2000. – 263. – С. 11.

² Бешанов В. Ленинградская оборона. – Харвест, 2005. – С. 680.

³ ЦАМО РФ. Инв.312570 Вх.70091.

⁴ ЦАМО РФ. Инв.75. Вх. 25911. 13.10.1942 г.

**Историко-антропологические исследования:
теоретические, историографические, источниковедческие аспекты.**

XX век – противоречивое время в истории человечества. Обращение к высоким материям, к неким «теоретическим абстракциям»¹, привело к тому, что из истории почти исчез человек, а антропологическая проблематика отошла на задний план, на периферию философского знания.

С середины XX века историко-антропологический подход в гуманитарной науке приобрел свою актуальность. Такое повышенное внимание к самой идее «человека», обилие разговоров о человеке стало ответом на множество событий, таких как войны, революции, катаклизмы, которыми был богат XX век. Более того, актуальным разработкам проблемы человека способствовали разные точки зрения на последствия научно-технического прогресса, в первую очередь, пессимистические взгляды, возникшие в результате осознания негативных его последствий².

После окончания Второй мировой войны историки призвали новое поколение проникнуться сутью истории, разобраться в сокровенном смысле человеческих судеб. С середины XX века на расширение региональных, временных и культурологических горизонтов оказывают влияние антропология и этнология, а выделение различных направлений антропологических исследований (социальной, культурной, педагогической, экологической, юридической, политической антропологии) лишь доказывает тот факт, что становление единой науки о человеке не только не прекращается, но и значительно набирает темпы.

В ходе исследования мы попытаемся проследить, как шло утверждение антропологического подхода в исторической науке, какие исследователи обращались к проблеме «человека» и науке о человеке. В связи с этим:

- 1) определим, какие изменения произошли в исторической науке в сравнении с предыдущим временем;
- 2) выделим круг исследователей – сторонников новой исторической концепции;
- 3) покажем, как происходило становление новой социальной истории, а также истории повседневности;
- 4) выделим различные подходы в изучении истории повседневности.

Непосредственным признаком необходимости перемен стало падение престижа исторической науки, ставшее особенно заметным после окончания Первой мировой войны. Главной целью гуманитарного познания новейшего времени явилось постижение целостной истории человечества. Новые задачи истории были нацелены на междисциплинарное взаимодействие, чтобы с помощью методов ряда наук подойти к восприятию взаимосвязанных между собой разных сторон человеческого бытия. Позитивистские методы исследования, оказавшиеся несостоятельными перед лицом новых задач, переживают период кризиса, охвативший время с 1917 по 1950-е гг. Молодое поколение исследователей, выступивших против представителей старой, традиционной науки, подвергли критике такие стороны позитивизма как узость проблематики, слабость теоретического мышления, сведение задач исследования к фактографизму и описательству. На смену пришли новые представления об истории как всеохватывающей науке, изучающей в совокупности все эпохи в истории человечества, выявляющей связи различных сфер жизни и деятельности людей – экономики, политики, общественных настроений³.

Стремление превратить историографию, занимавшуюся ранее преимущественно событиями политической и военной истории, а также обращавшейся к биографии выдающихся исторических личностей, в так называемую «подлинную» науку, способную охватить полностью социальные явления действительности, нашло яркое выражение в работах Люсьена Февра и Марка Блока – основателей школы «Анналов», получившей свое название от журнала «Анналы экономической и социальной истории».

В работах «Земля и эволюция человечества» (1922), «Битвы за историю» (1953) Люсьен Февр, прежде всего, касался проблематики изучения исторической науки, объекта ее исследований. Идея его состояла в том, чтобы рассматривать историю человечества более комплексно, беря объект исторического исследования в его целостности, в его связи с материальными условиями существования людей, а именно влиянием материальной географической среды на образ жизни людей и характер их труда, на то, как географические условия формируют определенные типы путей сообщения, землепользования, образования и размещения городов.

Его коллега М.Блок, исследуя аграрную историю Франции эпохи феодализма, стремился проводить анализ общественных структур в их связи с экономикой, производительными силами, географическими условиями, влиявшими на образ жизни и характер труда⁴.

В результате, оба – и Люсьен Февр, и Марк Блок, – выступая за синтезирующий подход, предполагали осуществить его с помощью использования методов других наук: географии – для выявления матери-

альных условий; психологии – для изучения чувств и эмоций людей прошлого; экономики и статистики. Более того, основатели журнала «Анналы» проанализировали ту новую профессиональную ситуацию, в которой предстояло действовать историкам XX века, наметили реально возможные пути к ее изменению и предприняли важные шаги на пути создания новой науки о человеке. В первую очередь, это изменение касалось профессиональных качеств историка: надежды историков нового поколения «Анналов» были связаны с расширением кругозора личности ученого, широко мыслящего, ставящего новые проблемы и преодолевающего пробелы в источниках. Во-вторых, требовалось расширить саму источниковую базу. Критике в позитивистской методологии подверглась именно узость источниковой базы, представленной, главным образом, письменными источниками. Тезис адептов позитивизма – «история изучается по документам», «нет документов – нет истории» – вызвал негативную реакцию со стороны молодого поколения исследователей. Представители школы «Анналов» вкладывали в понятие «исторический источник» «все, что было у человека, зависело от человека, изобретено или обработано им, а также отмечает присутствие, вкусы и формы бытия человека»⁵.

Виднейший представитель второго поколения школы «Анналов» Ф.Бродель в своей работе «История и общественные науки. Историческая длительность», продолжая линию предшественников, также активно выступал за сближение с другими науками и, в первую очередь, за сближение социальных наук, подчеркивая тот аспект, который лучше всего изучается историей, – это социальное время, специфически человеческое время. «История нового типа внимательно следит за всеми науками о человеке. Именно это и делает границы истории такими расплывчатыми, а интересы историка такими широкими», – считал Ф.Бродель⁶.

Движение за «новую историческую науку» в каждой стране приобрело свои национальные черты. Тем не менее, ведущей областью конкретных исторических исследований «новой исторической науки» стала социальная история. Ее становление как самостоятельной области научного знания происходило в 1920-1960-е гг. Ранее внимание историка сосредотачивалось лишь на крупных аспектах исследования – экономических, социальных и др. Теперь же, среди ученых возникает интерес к иному аспекту исследований, связанному именно с изучением человека – проблемам исторической антропологии. Множество работ британских, американских, германских и многих других исследователей были посвящены области социальной истории. Это понятие – «социальная история» – применялось, в частности, в отношении тех работ, в которых освещалось все многообразие повседневной жизни и деятельности людей – ус-

ловия труда и быта, особенности образа жизни, элементы материальной и духовной культуры⁷.

Решающую роль в обогащении социальной истории сыграло движение за «историю снизу» или «народную историю». Выделяются такие ее субдисциплины как «история семьи», «новая рабочая история», «женская история» и др.⁸ Начав с народных низов, антропологическая история постепенно включала в свой предмет поведение, обычаи, ценности всех социальных групп, независимо от их положения в общественной иерархии. «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к маленьким общественным миркам, к повседневной жизни обыкновенных людей», - так звучал лозунг представителей «новой исторической науки»⁹. Возникает совсем молодое направление в истории, называющее себя «историей повседневности».

Рождение «истории повседневности» как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих историко-антропологического поворота в мировом гуманитарном знании, начавшегося в конце 60-х гг. XX века. Очень сложно дать этому направлению четкое определение. Число работ по «истории повседневности» растет, характер их меняется, и общие черты еще не выявились. «Это тенденция, настроение, течение в котором нет никакого единства», – говорят одни исследователи¹⁰. Другие же сопоставляют изучение «повседневности» с традиционными исследованиями быта. Тем не менее, Н.Л.Пушкарева в статье «Предмет и методы изучения "истории повседневности"» характеризует ее как новую отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах¹¹.

Новое научное отношение к «обыденному» прослеживается в работах философов, стоявших у истоков феноменологического направления, в частности, Э.Гуссерля и А.Шюца; в трудах социолога Н.Элиаса, Г.Маркузе, Г.Гарфинкеля, А.Сикуреля, К.Гирца и мн. др. В России некоторые подходы к ее изучению были определены Б.А.Романовым, А.Я.Гуревичем, Ю.М.Лотманом, М.М.Бахтиным и рядом других исследователей.

В изучении повседневности преобладало два подхода: концепция Ф.Броделя и подход, превалирующий в германской и итальянской историографии, ориентированной на изучение микроисторий. Ф.Бродель в экономике любого общества видел два уровня: материальный и нематериальный. Последний включал в себя человеческую психологию и каждодневные практики. Именно второй уровень был назван им «структура-

ми повседневности». Акцент на весь спектр соответствующих взаимоотношений – поступки, действия, желания, надежды, идеалы, ценности и правила, регулирующие поведение человека, т.е. ментальная составляющая, а не только то, что описывают этнографы (условия жизни и труда, жилище, питание и мн.др.), стал основополагающим для адептов нового исторического видения¹².

Другой подход сложился в Германии и Италии. Такие германские исследователи как Х.Медик, А.Людтке, С.Мейер, Э.Шульце, М.Клаус и другие призывали молодое поколение все свое внимание обратить на изучение микроисторий отдельных рядовых людей или их групп. Итальянские исследователи К.Гинзбург и Д.Леви, основавшие научную серию по названию «Microstorie», переосмыслили некоторые концепции социальной истории, не отчуждаясь от единичного, случайного и частного в истории, будь то индивид, событие или происшествие¹³. Значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определялась тем, что он позволил принять во внимание множество частных судеб. В этом смысле история повседневности есть своеобразная реконструкция «жизни незамечательных людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных»¹⁴.

Таким образом, общее для подходов и Ф.Броделя, и микроисториков выразилось в следующем:

- 1) новое понимание прошлого родилось как «история снизу», дав голос «маленькому человеку» как необычному, так и самому рядовому, сделав интересной для потомков его поведение и ориентиры;
- 2) новое направление способствовало преодолению былых стереотипов в отношении людей не просто незаметных, но и в целом изгоев общества;
- 3) оба подхода внесли вклад в признание того, что человек прошлого не похож на человека сегодняшнего дня, его переживания были другими;

Изменение перспективы – от политической истории к истории социальной, от глобальной – к истории повседневной жизни, от сильных мира сего – к рядовым участникам исторического процесса – потребовало и расширения круга источников.

Представители низов почти не оставили о себе свидетельств в письменных источниках. Поэтому историки повседневности предполагают использование всего спектра предметов материальной культуры – одежды, бытовых мелочей, фотографий и др. Помимо этого, главным источником информации историки повседневности считают записи устных рассказов¹⁵. «Устная история» возникла в США в 1930-х гг. Затем была надолго забыта и заявила о себе лишь во второй половине XX в. (1967 г. – Ассоциация устной истории США). Практические исследователи, занимающиеся «устной историей», не просто собирают материал, но и са-

ми, по существу, создают новый вид источника – вторичного, – который первоначально не находил себе места в общепринятой классификации исторических источников, относясь к этнографическим. «Устная история» имела давнюю традицию и в нашей стране. Ею занимались краеведы, устные воспоминания и рассказы собирались в годы Великой Отечественной войны. Так или иначе, в последнее время она переживает новый подъем и завоевывает достойное место в современных исследованиях.

Таким образом, мы попытались проследить основные вехи на пути развития единой науки о человеке. Ее становление стало возможным благодаря изменениям, произошедшим в мировоззрении. Утвердившийся во второй половине XX в. историко-антропологический подход был нацелен на отыскание общих законов функционирования человеческого разума, культуры, свободных от сословных и этнических ограничений. Под влиянием антропологии расширилась проблематика исследований семьи и дома, крестьянского быта, празднеств, ремесел и искусства. Углубляя взаимодействие с антропологией, этнологией, социологией, историческая наука, в свою очередь, расширила свою проблематику.

Обращение к небольшому региону, малому периоду времени, небольшой общности будь то семья, приход, община, предполагало углубление анализа за счет жизненных историй. Включая в свое поле изучения не исторические события и великие идеи, но безымянных участников исторического действия, не всегда творящих историю, но испытывающих на себе ее действие, история противопоставляла их сильным мира сего. Недаром воссоздание повседневности элитарных слоев, как тема исторических исследований, возродилось на новом витке развития науки уже после того, как возникла тема «рядовых людей».

¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3.

² Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. – М., 1990. – С. 167.

³ Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. – М., 1983. – С. 135.

⁴ Там же. – С. 83-84.

⁵ Там же. – С. 84.

⁶ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М., 1998. – С. 58.

⁷ Репина Л.П. Указ. соч. – С. 175.

⁸ Там же. – С. 170.

⁹ Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. – М., 1990. – С. 184.

¹⁰ Пушкарева Н.Л. Указ. соч. – С. 3.

¹¹ Там же. – С. 6.

¹² Там же. – С. 7.

¹³ Оболенская С.В. Указ. соч. – С. 185.

¹⁴ Репина Л.П. Указ. соч. – С. 186.

¹⁵ Пушкарева Н.Л. Указ. соч. – С. 7.

«Nota Bene»! Творчество молодых: проблемы и перспективы (на примере выставки)

С 1 декабря 2004 г. до середины января 2005 г. в выставочных залах Национальной галереи Республики Коми была проведена выставка молодых художников «Nota Bene».

В истории Союза художников Республики Коми существовала хорошая традиция проведения групповых выставок молодых живописцев, графиков, скульпторов и мастеров декоративно-прикладного искусства. В залах Республиканского художественного музея выставляли свои работы молодые художники со всей республики. Такие выставки имели огромную значимость, так как открывали новые имена, содействовали профессиональному росту и оживляли художественную жизнь республики. Последняя республиканская выставка молодых художников была проведена в 1989 г. Сегодня средний возраст членов Союза художников составляет 45-50 лет, самая молодая – Анжела Разманова (1971 г.р.). В настоящее время в республике нет активно творчески работающих профессиональных молодых художников, большинство из них совмещают творческую и преподавательскую деятельность. Нет и притока молодых сил после окончания высших учебных заведений. Национальная галерея Республики Коми поставила перед собой задачу – обратить внимание на тех, кто еще только учится, помочь им активнее заявить о себе, получить творческий импульс и новые знания, а также активизировать более опытных молодых художников, которые пока находятся «в тени» и не стремятся, или, может быть, не осмеливаются продемонстрировать свое творчество. После более чем десятилетнего перерыва идея проведения молодежных выставок с целью поиска и поддержки молодых талантов республики стала вновь актуальна.

Студентами IV курса факультета искусств отделения «Дизайн» Сыктывкарского государственного университета было предложено множество концепций оформления выставки. Наиболее интересным и в большей степени совпадающим с мнением организаторов выставки был признан дизайн-проект Елены Одинцовой. Хорошо знакомое многим настоящим и бывшим студентам выражение «nota bene» очень точно выражает основную идею выставки – обратить внимание на талантливую творческую молодежь в Республике Коми.

В дизайне экспозиции выставки и печатной продукции важным элементом стали студенческие конспекты, где красным цветом выделены ключевые моменты, на которые следует обратить внимание. Просветы окон декорированы белыми неткаными полотнами, на которых написаны фрагменты конспектов, зарисовки «на полях» и другая информация. В центре зала расположена конструкция из прямоугольных рам, представляющая, по замыслу автора проекта, отдельное пространство, в котором зритель может уединиться. Внутри этого пространства, на полу – знак выставки, ставший логотипом, представляющий собой заключенные в круг латинские буквы «NB». Этот знак нашел отражение в стиле оформления печатной продукции к выставке. Небольшая деталь, привлекающая внимание – это тонкие красные линии-направляющие, которые ведут зрителя к отдельным экспонатам выставки. Они проходят по полу, по стенам, «зависают» в воздухе и задают определенный ритм, заставляют зрителя двигаться дальше.

Молодых посетителей выставки помимо содержания привлекали «оригинальность и своеобразие» оформления выставочных залов. Об этом свидетельствуют записи в Книге отзывов: «...Интересное оформление выставки «NB». Повсюду делают акценты и зонировуют помещение, боишься ступить не туда, а это придает особое ощущение напряженности, сливаясь с удивлением и восхищением...».

Автором дизайн-проекта была подготовлена и издана оригинальная, выполненная в едином стиле печатная продукция: афиша (два варианта), пригласительный билет, конверт, календарик, вариант входного билета с логотипом выставки, буклет (который, к сожалению, не удалось выпустить из-за финансовых причин).

На презентации выставки присутствовало 256 человек, это больше, чем на открытиях всех других выставок 2004 г. Открытие выставки было интересным, «нестандартным» и завершилось шоу-показом моделей одежды, авторами которых являются студенты Сыктывкарского университета. Всего за время экспонирования (33 экспозиционных дня) выставку посетили 871 человек, в среднем 26 человек в день. Была проведена 21 экскурсия для школьников, студентов и взрослой аудитории. Выставка была широко освещена в СМИ.

Выставка ярко продемонстрировала определенный срез молодежного искусства и проблемы в целом.

Участники выставки (их около 100) – это молодые художники, педагоги и учащиеся детских художественных школ, студенты и преподаватели средне-специальных и высших учебных заведений художественного профиля в возрасте от 15 до 35 лет, проживающие на территории Республики Коми (Сыктывкар, Эжа, Ухта, Вильгорт). Другие города не

были представлены, так как Национальная галерея Республики Коми не имела возможности организовать командировки сотрудников и выездных выставочных комитетов для информирования и выявления талантливых молодых авторов.

Если говорить о составе участников выставки, можно утверждать, что 80% участников – это учащаяся молодежь учебных заведений художественного профиля большей частью г. Сыктывкара.

Среди всех участников выставки:

- 40% – студенты факультета искусств Сыктывкарского государственного университета;
- 30% – учащиеся Детской художественной школы Сыктывкара и Эжвы, Гимназии искусств при Главе Республики Коми;
- 20% – самостоятельные художники (больше половины из них – преподаватели Детской художественной школы, Сыктывкарского государственного университета, Республиканского колледжа культуры им. В.Т.Чисталева, Республиканского колледжа искусств, Сыктывкарского педагогического колледжа № 1);
- 10% – студенты средне-специальных учебных заведений (Республиканского колледжа искусств, Сыктывкарского педагогического колледжа № 1)

По половозрастному критерию:

- 80% участников – женщины;
- 20% – мужчины.

Возраст участников:

- от 15 до 20 лет – 30%;
- от 20 до 25 лет – 40%;
- от 25 до 35 лет – 30%.

По уровню образования:

- имеют высшее художественное образование – 6%;
- имеют средне-специальное художественное образование – 10%;
- неоконченное высшее художественное образование – 50%;
- неоконченное средне-специальное художественное образование – 10%;
- учащиеся Детской художественной школы – 20%;
- не имеют специального художественного образования – 4%.

На выставку было отобрано около 170 творческих работ (в экспозицию вошло около 140), созданных за период с 2000 по 2004 гг. – живопись, графика, скульптура, объекты, декоративно-прикладное искусство, дизайн-проекты студентов факультета искусств Сыктывкарского государственного университета, фотография.

По видовому составу можно выделить следующее:

- живопись, графика – 29%;
- декоративно-прикладное искусство – 29%;
- дизайн-проекты, плакаты, книжная иллюстрация – 24%;

- фотография – 15%;
- скульптура, объекты – 3%.

Предварительный отбор работ производился выставкомом, в состав которого входили профессиональные художники, художники-педагоги и сотрудники Национальной галереи Республики Коми.

Принимались творческие работы, созданные за период с 2000 по 2004 гг. Основной критерий отбора работ – индивидуальность авторского языка, оригинальность, емкое и выразительное воплощение заявленной идеи. Профессионализм исполнения, как свидетельствует опыт работы с молодежной аудиторией в других музеях, не всегда является важным критерием для оценки творчества молодых начинающих художников. Не ограничивался видовой, тематический и жанровый диапазон, приветствовались разнообразные формы современного искусства и новейшие художественные практики, появившиеся в искусстве XX в.

Большинство авторов находятся в самом начале творческого пути, поэтому не так много действительно творческих работ, в основном – это добротные выполненные учебные работы. Жанровые и видовые предпочтения молодых авторов, в основном, совпадают с учебными планами, ориентацией педагогов в определенном творческом направлении. Среди живописных и графических работ преобладают пейзажи (много пленэрных композиций), натюрморты, совсем немного портретов. Раздел декоративно-прикладного искусства представлен большей частью учебными работами студентов отделения декоративно-прикладного искусства факультета искусств Сыктывкарского государственного университета – гобелены, керамика, батик. Учащиеся Гимназии искусств при Главе Республики Коми представили эскизы костюмов, бумажную пластику. Обширным разделом выставки стали дизайн-проекты студентов отделения дизайна факультета искусств Сыктывкарского государственного университета – проекты оформления выставок и печатной продукции, плакаты социально значимой тематики, дизайн упаковки, книжная иллюстрация. К сожалению, скульптура была представлена единственным автором. Это работа Анастасии Неверовой, которая в настоящее время обучается в Санкт-Петербурге. Впервые на молодежной выставке экспонировалась фотография, большинство авторов – студенты Сыктывкарского государственного университета, которые занимаются в молодежной мастерской под руководством Марка Исааковича Оникула.

В целом творчество молодых представлено в традиционных формах, практически отсутствуют формы, широко распространенные в современном искусстве – инсталляция, видео-арт и т.д. Это связано с минимумом информации, знаний и практических навыков в области современного искусства. Все представленные работы очень разнообразны по

тематике, пластическому языку, но в большинстве – не чувствуется дерзости и творческой смелости, присущей молодым людям. Необычность и определенная провокация в большей степени реализовалась в дизайнерском оформлении выставки, чем в самих произведениях, выполненных в традиционных формах. Хотя есть несколько очень интересных и перспективных авторов, пробующих себя в новых формах, характерных для современного искусства.

Настоящим открытием выставки можно назвать работы выпускника Гимназии искусств при Главе Республики Коми, теперь – студента Ухтинского государственного индустриального университета Евгения Филиппова. Материалом для создания работ послужила бумажная масса, нитки, веревки, клей, опилки, которые имитируют фактуру различных материалов – гипс, ржавый металл. Несмотря на юный возраст автора в арт-объектах Е.Филиппова чувствуются глубокие философские размышления на вечные темы – любовь, дружба, страдание, боль.

Проблемы познания самого себя, своих страхов, происходящей в круг жизни нашли отражение в оригинальной живописи Олега Баснина. Яркостью и нестандартностью отличаются работы студентки Республиканского колледжа искусств Татьяны Стрелковой. Персонажи ее работ – словно инопланетные существа, которые на самом деле обычные люди, со своими чувствами и проблемами. В работах ухтинского художника Романа Иванова реальный окружающий мир трансформируется в причудливые узоры, так, например, в дымке облаков зритель угадывает человеческое лицо. В графических листах Дмитрия Маликова – зашифрованные знаки, тексты.

На выставке представлен ряд молодых авторов со сложившимся мировоззрением, за плечами некоторых из них – участие в республиканских и российских выставках. Хочется выделить декоративные композиции Анжелы Размановой, живописные пейзажи и натюрморты Натальи Селиверстовой, притягивающие внимание сочным цветом и жизнерадостностью. Нужно отметить портреты и пейзажи Ирины Федуловой, для которых характерны тонкое чувство цвета и колорита, экспрессия, фактурность красочного слоя в масле. В разделе декоративно-прикладного искусства высокий уровень исполнения отличает изделия из бересты Артема Чичкарева, плетеные изделия из корня Анны Красман, гобелены Натальи Шевцовой. Елена Меникова впервые продемонстрировала зрителям свои шерстяные игрушки, выполнение в технике войлоковаления. Студенты отделения декоративно-прикладного искусства факультета искусств Сыктывкарского государственного университета представили разнообразную керамику – сосуды, игрушки, украшения.

Большинство участников делает свои первые шаги в искусстве, и задача музея – поддержать и стимулировать творчество молодых.

По итогам работы выставки был проведен круглый стол «Творчество молодых: проблемы и перспективы» с приглашением заинтересованных лиц, представителей министерств и ведомств, учебных заведений и СМИ, на котором обсуждалось современное состояние молодежной художественной культуры в республике. Итогом круглого стола стало пожелание продолжения и развития данного проекта, обозначены проблемы и предложения по проведению следующей выставки молодых художников.

Еще одним важным мероприятием стало проведение творческой лаборатории «Проект молодежной выставки 2006 года», которое состоялось в Национальной галерее Республики Коми накануне Международного дня студентов. Кураторы будущей выставки встретились с потенциальными участниками выставки – учащейся молодежью учебных заведений художественного профиля г. Сыктывкара. Сотрудники галереи решили привлечь «молодые силы» в качестве соавторов будущей выставки молодых художников. Не только зрителями, но и активными участниками творческой лаборатории «Проект молодежной выставки» стали учащиеся Детской художественной школы г. Сыктывкара (10 и 11 «эстетические» классы школы № 26), учащиеся 9 В класса художественного отделения Гимназии искусств при Главе Республики Коми, студенты 4 курса художественно-графического отделения Сыктывкарского педагогического колледжа № 1 и студенты 3 курса специальности «Дизайн» факультета искусств Сыктывкарского государственного университета.

По результатам анкетирования, проведенного среди участников в ходе встречи, было выяснено, что 79% опрошенных считают, что выставка должна иметь общую идею (тему). 29% опрошенных посчитали, что эта тема должна быть этнокультурной, связанной с историей и культурой родного края. Тема должна быть общечеловеческой или социально значимой (по 22 % опрошенных). Большинство считает, что в выставке могут принять участие как лица, имеющие или получающие специальное художественное образование, так и лица, не имеющие специального художественного образования. Среди критериев отбора и оценки работ были названы: оригинальность (21%), новизна (18%), наличие мысли (15%), актуальность (13%). Такой критерий как красота стоит на последнем месте у молодежи. После бурных обсуждений на суд зрителей и экспертов было предложено четыре концепции молодежной выставки. Одна из них была взята за основу будущей выставки. Таким образом, мы надеемся на продолжение работы в данном направлении, организацию и проведение следующей молодежной выставки в ноябре 2006 г.

Мужская и женская культуры и их взаимодействие в повседневной жизни

Повседневная жизнь – это обычное, естественное протекание нашей жизни; это каждодневное поведение, это огромное количество навыков и привычек, это вещи, явления, люди, которые нас окружают. Естественно, что существует много способов и методов классификации этого многообразия, однако в настоящей статье мы попытаемся остановиться только на одном, но, наш взгляд, очень интересном моменте: осмыслить взаимовлияние (не противопоставление) мужской и женской культур в сфере практики, прежде всего, в оформлении внешности (одежда, прическа), в среде обитания (различные бытовые вещи), а также в речевом поведении, обычаях и привычках. Попытаемся понять мужественность и женственность как культурные символы, ведь именно в культуре происходят наиболее гармоничные формы взаимоотношений мужчин и женщин. Каждый из нас является представителем и носителем того или иного пола, с соответствующим восприятием окружающего мира, это социальные роли, которые играют мужчины и женщины, это мужской или женский стиль поведения, психологические особенности и т.д.

«По преданию, древний индийский закон угрожал тяжелейшим наказанием – смертной казнью через повешение – тем, кто осмелился надеть платье, предназначенное другому полу. Эта традиция, в рамках истории развития костюма, свидетельствует о сексуальном значении одежды. Полярность полов, которая проявляется в разнообразнейших формах, нашла в одежде средство демонстрации, призыв и желание нравиться»¹. Однако в 1920-х гг. европейская женская мода позаимствовала характерные особенности мужской культуры: брючный костюм, коротко стриженные волосы, сигарета в руках, да и длина женской юбки заметно сокращается, оттого все внимание сосредотачивается на открытых ногах. Это приводит к совершенно новому силуэту женской фигуры: полудевичьей, полумальчишеской. Новое направление в моде получает название «Лё гарсон» (Le garçon – мальчик). Самым ярким и известным воплощением этой моды стала Грета Гарбо.

После Второй мировой войны брюки становятся неотъемлемой частью женского дневного и вечернего туалета. Известный исследователь культуры Ю.М.Лотман отметил, что «с тех пор, как женщины стали носить брюки, у них изменилась походка, стала более спортивной, более «мужской». Одновременно произошло вторжение типично «мужского» жеста в женское поведение, например, привычка высоко закидывать при сидении ногу на ногу –

жест не только мужской, но и «американский», в Европе он традиционно считался признаком неприличной развязности².

Возникает вопрос, в связи с чем произошел коренной переворот в моде? Индустриальное развитие общества изменило социальный статус женщины, она стала работать и зарабатывать, т.е. она стала экономически независимой. Соответственно это нашло отражение в одежде, она стала функциональной. Работающие женщины отбросили излишние и неудобные в каждодневной жизни романтические атрибуты. В одежде появляются две основные категории: повседневная, т.е. рабочая одежда, и воскресная, т.е. праздничный наряд.

Кстати, в индустрии моды на протяжении XIX–XX вв. существуют два центра – это Лондон, законодатель мужской моды, и Париж – законодатель женской. В результате происходит взаимное проникновение и дополнение двух характерных особенностей мышления – фантазии, эксцентричные идеи в Париже, и практичное, спортивное направление в Лондоне, а также такое британское владение в моде, как «английский костюм»³. В конце XX в. массовое поточное производство, урбанизация, развитие массовых коммуникаций привели к тому, что одежда становится все более универсальной. Как в мужском, так и в женском гардеробе присутствуют такие вещи как футболка, брюки, жилет, пиджак, рубашка, ветровка и т.д. В 1884 г. Оскар Уайльд написал: «Тема реформы костюма занимает многих мудрых и очаровательных людей, которым дороги в костюме принципы здоровья, свободы и красоты... Каждый правильно изготовленный предмет одежды принадлежит в равной мере обоим полам, и такой вещи, как сугубо женский наряд, попросту не существует»⁴.

На развитие мужской и женской культур влияет общество (социальная организация), в котором живут люди. В европейском, и в русском обществе в частности, традиционно доминирует мужчина, женский статус в обществе маргинален. Поэтому женская культура постоянно стремится войти в мужской, суетный и непостоянный мир, связанный с государственной и военной службой, общественной деятельностью. Женщины медленнее воспринимают изменения окружающего мира, т.к. женский мир связан с вечными свойствами человека: любовь, семейная жизнь, рождение и воспитание детей, домашний уклад; поэтому женский мир стабилен и традиционен. Отсюда категорический императив, выполняющая который женщина может считать себя «настоящей»: заботливость; умение быть женой; умение быть матерью, проницательной и разумной; умение быть хозяйкой дома; быть Всех Кормящей, стоять у очага или печи; быть привлекательной, заботиться о своем внешнем облике; владеть рукоделием, шить, вязать, вышивать; уметь врачевать, лечить детей, близких; сохранять связи с прошлым семьи, народа⁵. На свойства «на-

стоящего» мужчины указал А.Шопенгауэр в работе «Метафизика половой любви»: «Свойства мужчины, которые специально присущи его полу..., сюда относятся мужское строение скелета, широкие плечи, узкие бедра, прямые ноги, мускульная сила, мужество, борода и т.п. Вот почему женщины часто любят безобразных мужчин; но никогда не полюбит женщина мужчину немужественного, потому что она не могла бы нейтрализовать его недостатков»⁶. До сих пор вышеприведенные характеристики женщины и мужчины господствуют в нашем обществе. Однако в настоящее время к характеристике «настоящей» женщины добавляют еще ее умение зарабатывать деньги. А также происходят изменения в той сфере жизнедеятельности женщины, что связана с материнством. «Материнство, хотя и важная часть жизни женщины, все же только часть. Главная ли? – решать самой женщине, что относится и к свободному выбору того, становится ли матерью вообще»⁷.

Сведения женщины к некой единой сущности Женщины, а последней к Матери привело к тому, что женщина была выключена из сферы культурных достижений, социальных интересов, личностных приоритетов. Одной из причин этого часть исследователей считают фундаментальную, лежащую в глубинных слоях психики потребность мужчин в компенсации их дистанционной позиции в вынашивании и рождении ребенка. Отсюда – развитие альтернативных позиций в культуре и политике как заместителей того, что мужчины незначимы из-за дистанционности от процессов рождения, а также не наделены функцией по воспитанию и заботе о детях⁸.

Изменения в политическом устройстве страны приводят к переосмыслению мужественности и женственности в обществе. Так, Октябрьская революция и тоталитарный режим переменяли всю жизнь россиян, мир повседневных вещей стал иметь идеологическое выражение. Стиль жизни советского общества выражался в одинаковости, похожести и исключал всякую индивидуальность. Вот какое впечатление сложилось у французского писателя Андре Жида, побывавшего в Москве в 1930-х гг.: «Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах... В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть»⁹. Одинаковостью и однообразием советский человек пытался скрыть свой страх и чувство неуверенности, «быть как все» становился способом жить, и даже выжить. Может быть, поэтому до сих пор россияне отдают предпочтение в своей одежде черному, белому и серому цветам. Советская власть была нетерпима к любой «инаковости». Обращение, как к мужчине, так и к женщине, становится единым, бесполом, что подметила Л.Улицкая в своем романе «Искренне Ваш Шурик», описывая момент общения соседа и соседки:

– С приездом! С приездом, Вера Александровна! – перед Верой стоял модцеватый Михаил Абрамович, протягивая простодушную ладонь для партийного рукопожатия¹⁰.

Советская действительность повлекла за собой существенные перемены в вопросах любви, брака, семьи, во взаимоотношениях мужчины и женщины. «Тоталитарные режимы, как правило, очень пуритански настроены в вопросах любви, семьи и брака, они стараются использовать даже эти глубоко личные отношения для укрепления своей власти и могущества»¹¹. Советский человек не должен был разбазаривать силы и нервы на любовные переживания. Отсюда жесткий контроль за семейной и сексуальной жизнью людей со стороны партийных и иных органов. В сознание людей внедрялись следующие идеалы: мужчина – «атлет, борец, вооруженный воин, готовый к преодолению трудностей, выполнению почетного задания или подвига». Женщина – «дородная мать-героиня, воплощающая плодородие земли и продолжение рода»¹².

Когда на протяжении одного-двух поколений идет социальное, половое нивелирование, то возможно нарушение или изменение социокультурных образцов поведения. Например, существуют определенные мужские действия, которые демонстрируют мужскую идентичность исполнителя. Так, общепринятой нормой мужской культуры является рукопожатие и снятие головного убора в помещении. «Почему принято здороваться правой рукой? В древности это означало, что у человека нет оружия в этой, более сильной, руке. Мужчины приподнимают шляпу в знак приветствия, как в древности шлем, демонстрируя неприкрытой головой доверие к собеседнику. Для женщин, как известно, это необязательно – и понятно, они не носили оружия и шлемов»¹³.

Помните, у М.А.Булгакова в «Собачьем сердце» к профессору Преображенскому пришли четверо посетителей – «все молодые люди и все одеты очень скромно». Когда самый юный обратился к профессору, тот его перебил вопросом:

– Вы мужчина или женщина?

– Какая разница, товарищ? – спросил другой горделиво.

– Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел.

– В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять ваш головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович¹⁴. В наше время, к примеру, юноши-студенты Сыктывкарского лесного института (и не только) пренебрегают такой привычкой, как снимать головной убор в помещении, мотивируя это тем, что у них испортится прическа, или что кепка – это не головной убор. Можно предположить, что сейчас идет смена образцов мужского поведения, особенно в молодежной субкультуре, что выражается в уменьшении сторонников

данных привычек, и нужно время, когда новые социальные образцы станут общепринятой нормой и для более взрослого, консервативного поколения. В женской культуре в настоящее время тоже происходят перемены. В отечественной литературе появился такой жанр как женский детектив. Не просто детектив, а именно с прилагательным «женский». И началось это с романов Александры Марининой, затем появились произведения П.Дашковой, Т.Поляковой, А.Малышевой, Н.Корниловой, М.Серовой, Д.Донцовой, чьи книги тоже пользуются спросом.

Ю.М.Лотман, занимаясь изучением культуры XVIII в., отметил, что вхождение женщин в мужской мир началось с литературы. Женщина стала читательницей¹⁵. В XX в. женщины присутствуют в литературе уже как авторы, но детектив оставался для них некоей запретной зоной. Традиционно жанр детектива принадлежал мужчинам, но А.Маринина разрушила эту преграду. Главная героиня большинства произведений Марининой – Настя Каменская, привлекательная и обаятельная «современная женщина, которая способна конкурировать с мужчинами в области профессиональной деятельности, не отказываясь от своих принципов в личной жизни. Детективы Марининой называют культурогенными, т.к. они не только увлекают, захватывают, притягивают, но и меняют сознание в репрезентации женского»¹⁶.

Принадлежностью к мужской или женской культуре человек может рассчитывать на определенное узнавание или признание со стороны общества. Но жизнь настолько многолика и мозаична, что взаимопроникновение и взаимовлияние мужской и женской культур будет всегда. На их взаимодействие влияет и социальная среда, и политическое устройство, и экономическое развитие общества.

¹ Кибалова О., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага, 1989. – С. 31.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1999. – С. 11-12.

³ Кибалова О., Гербенова О., Ламарова М. Указ. соч. – С. 31.

⁴ Уайльд О. Еще раз о радикальных идеях реформы костюма // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. – М., 2003. – С. 298, 306.

⁵ Трофимова Е.И. Феномен романов Александры Марининой в контексте современной русской культуры // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 176.

⁶ Шпенгауэр А. Метафизика половой любви // Избранные произведения. – М., 1993. – С. 387.

⁷ Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 174.

⁸ Там же. – С. 173.

⁹ Цит. по: Кирсанова Р. «Гимнастерка», «джимми» и «полпред»... // Родина. – 1997. – № 11. – С. 50.

¹⁰ Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик: роман. – М., 2004. – С.210.

¹¹ Исаев В. И вскоду страсти роковые... // Родина. – 2004. – № 4. – С. 68.

¹² Кондаков И.В. Тоталитарная культура // Культурология. XX век. Словарь / сост. А.Я.Левит. – СПб., 1997. – С. 475.

¹³ Багдасарьян Н.Г. Язык культуры // Социально-политический журнал. – 1994. – № 2. – С. 52.

¹⁴ Булгаков М.А. Собачье сердце // Булгаков М.А. «Я хотел служить народу»: Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. – М., 1991. – С. 169-170.

¹⁵ Лотман Ю.М. Указ соч. – С. 48, 50.

¹⁶ Трофимова Е.И. Указ. соч. – С. 169, 176, 172.

Шевелева Ирина Владимировна
студентка Сыктывкарского торгово-экономического колледжа

Лихацкая Ирина Игоревна
*студентка Сыктывкарского филиала
Нижегородского коммерческого института*

Верность своему призванию

В 1950-х годах в Коми АССР начался приток индустриальных кадров, стала расширяться торговая сеть. В связи с этим стал актуальным вопрос об открытии среднего учебного заведения для государственной торговли. В соответствии с политикой государства о повышении роли торгующих организаций и, учитывая сложившуюся ситуацию с кадрами в регионе, 9 февраля 1960 г. был издан приказ Министерства торговли РСФСР «Об организации техникума советской торговли в г. Сыктывкаре Коми АССР». Успех деятельности любого учреждения зависит от кадрового потенциала. В 2005 г. учебному заведению исполнилось 45 лет, из них 37 лет в составе педагогического коллектива – Чеусова Ритта Владимировна.

Ритта Владимировна после окончания факультета «Технология и организация общественного питания» Ленинградского института советской торговли имени Ф.Энгельса в 1968 г. была принята на работу в Сыктывкарский техникум советской торговли в качестве преподавателя технологических дисциплин. Вся ее трудовая деятельность связана с этим образовательным учреждением. В трудовой книжке единственная запись – техникум советской торговли. Здесь она состоялась как преподаватель и администратор высокой квалификации. Молодая энергичная Р.В.Чеусова с интересом взялась за работу. К урокам готовилась тщательно, продумывая каждую деталь, руководила курсовыми проектами, вместе со студентами строила модели будущих предприятий питания, производственных цехов.

В 1970-х гг. популярность приобрели студенческие строительные отряды, которые организовывались по линии ВЛКСМ. Интересной формой для учащихся техникума отделений товароведов продовольственных и промышленных товаров, технологов стало участие в стройотрядах, которые в летний период работали в курортной зоне Черного моря. Ритта Владимировна выезжала с учащимися с целью организации питания отдыхающих в городах Сочи и Геленджик.

Период 1986-1991 гг. связан с политико-экономическими изменениями в стране. Реформы управления экономикой были рассчитаны на инициативу и активное вовлечение в процесс экономики кадров отрасли.

Перестройка экономической системы сопровождалась кризисными явлениями в экономике, в государственной торговле и отразилась на работе техникума.

На протяжении ряда лет Ритта Владимировна возглавляла работу цикловой методической комиссии технологических дисциплин, была классным руководителем. Ее всегда отличали скромность, терпение, уважение к коллегам. Эти черты характера и стали определяющими при назначении ее в 1989 г. заместителем директора техникума по учебно-методической работе.

В начале 1990-х гг. остро встал вопрос о сохранении учебного заведения, поиске новых форм образовательных услуг. Р.В.Чеусова стала инициатором преобразования техникума в учебное заведение нового типа – колледж (1993 г.). Под ее руководством и при активном личном участии многое сделано по внедрению государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования первого и второго поколений, лицензированы новые специальности «Менеджмент», «Финансы», «Организация обслуживания на предприятиях общественного питания».

В 1993-1995 гг. в составе торговых кадров произошли большие изменения: расширилась розничная торговая сеть, началось строительство крупных торговых объектов. В результате этих факторов в 3,5 раза увеличилось число людей, занятых в сфере торговли. Внутреннее развитие отрасли – техническое оснащение, расширение ассортимента, появление сложнобытовых технических товаров, внедрение спектра услуг – привело к специализации в торговой деятельности, потребовало роста квалифицированного уровня кадров. Эти направления складывались в соответствии с государственной политикой повышения уровня образования в отраслях народного хозяйства. В 1996 г. на базе Сыктывкарского торгово-экономического колледжа при непосредственном участии Ритты Владимировны был открыт филиал Нижегородского коммерческого института (НКИ). Открытие филиала обеспечило Республику Коми кадрами высшей профессиональной квалификации и решило проблему преемственности в получении профессионального образования по двухуровневой ступенчатой системе. Ритта Владимировна является заместителем директора филиала НКИ. Ее деятельность способствует успешному обучению студентов, всестороннему сотрудничеству и взаимодействию с колледжем и со службами НКИ.

Ритта Владимировна оказывает методическую помощь не только начинающим преподавателям, но и опытным работникам колледжа. Она занимается разработкой и внедрением инноваций в обучении, продолжает вести преподавательскую работу, в том числе обучает новым дисципли-

линам, например, «Моделирование профессиональной деятельности». Проводит открытые уроки, щедро делится опытом и знаниями с коллегами. Ритта Владимировна, трудолюбивая и ответственная во всем сама, воспитывает у студентов любовь и уважение к избранной профессии.

Выпускники, а их за 37 лет работы более 2000 человек, до сих пор с благодарностью вспоминают студенческие годы, проведенные с этим замечательным человеком. «Ритта Владимировна неординарный, талантливый человек, стараниями которой развивается колледж», – так оценила работу своего бывшего классного руководителя Надежда Григорьевна Сердитова, которая пошла по стопам своего Учителя и сегодня работает заведующей практическим обучением в колледже.

В данный период произошло становление учебного заведения, формирование педагогического коллектива, учебного процесса. И в этом большая заслуга Р.В.Чеусовой. Ее работа получила достойную оценку: за добросовестный труд Ритта Владимировна Чеусова награждена Почетными грамотами техникума, Министерства торговли Республики Коми, Президиума Коми областного правления научно-технического общества торговли. За заслуги в народном хозяйстве Республики Коми ей присвоены почетные звания «Заслуженный работник народного хозяйства Республики Коми», «Почетный работник среднего профессионального образования России».

Елькин Александр Юрьевич

*младший научный сотрудник отдела отечественной истории
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)*

Участники предприятий путей сообщения (на материалах Коми края начала XX в.)

Обращение к теме обеспеченности Коми края надежными транспортными путями позволяет осветить ряд ключевых экономических явлений на примере отдельно взятого края, таких как эволюция путей сообщения, становление государственно-монополистического капитализма, развитие экспортно-импортной торговли, состояние внутреннего рынка, местных промыслов. Актуальна проблема роли участников процесса транспортного освоения Европейского Севера России, анализа их деятельности и ее результатов, что позволяет скрупулезно изучить историю коммуникаций, перспектив их развития на начало XX в.

Становится интересна роль не только чиновников, должностных людей, но и участия «рядовых» местных жителей в попытке изменить к

лучшему состояние путей сообщения в Коми крае, наладить функциональную сеть коммуникаций, отвечавших за доставку торговых и потребительских грузов.

Специальных исследований по данной теме не существует. Изучение вопросов развития транспорта в Коми крае нашло отражение в многочисленных работах отечественных исследователей¹. Среди них большая заслуга в разработке подходов к изучению развития транспорта севера принадлежит С.В.Славину². Особое место занимают материалы научного отчета по теме «Развитие торговли и путей сообщения Коми края в конце XVIII – начале XX вв.», подготовленного сотрудниками отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН в 1980 г. По материалам отчета позднее была издана монография д.и.н. М.А.Мацука и к.и.н. В.В.Шаньгиной³. Тем не менее, вопросы эксплуатации коммуникаций и транспортного строительства Коми края остались отчасти нераскрытыми. Авторы признали, что транспортная проблема для Коми края была наиболее актуальной и не была разрешена положительно в дореволюционный период.

Основными транспортными путями Коми края в начале XX в. оставались грунтовые дороги и судоходные реки. Судоходными для малых торговых судов были Вычегда, Сысола и Печора. Последняя издавна славилась высоким уровнем развития торговли и транзитного грузопотока.

Несмотря на затруднения земские и губернские учреждения постоянно стремились к расширению сети земских трактов, что отмечалось в появлении около 230 новых дорожных верст в 1900-1909 гг.: дороги Усть-Нем-Ксенофонтово, Летка-Мураши и др.⁴ Строительство почтовых, торговых и проселочных дорог и в последующем не выходит из внимания администрации и сельских обществ. Основными почтовыми и торговыми трактами для Усть-Сысольского уезда и Печорского края остаются Яренский, Лальский, Камский, Вычегодо-Печорский, Мурашинский, Якшинский, Удорский. Для экономики Усть-Сысольского и Яренского уездов из старых грунтовых дорог большое значение сохраняли почтовый Усть-Сысольск-Яренск-Вологда и торговый Вятский тракты. По ним вывозилась промысловая и сельскохозяйственная продукция (дичь, пушнина, масло, кожи и пр.), ввозились хлеб и промышленные изделия. Тем не менее, все чаще сказывались трудности финансирования строительства и содержания дорог.

Финансирование частично осуществлялось из дорожного капитала Вологодской губернии согласно отчислениям каждого земства. За счет дорожного фонда в уездах содержались дорожные техники. В 1911 г. в Яренском земстве было два техника со специальным образованием. В Усть-Сысольском уезде в 1913 г. – три техника. Из 1400 вер. грунтовых

дорог, находившихся в ведении Усть-Сысольского земства, натуральной повинностью в 1902 г. было отремонтировано 1335 вер., в 1906 г. – 1208 вер. Однако проявлялись затруднения с привлечением крестьян к дорожным работам⁵.

В Яренском уезде в 1905 г. был построен почтовый тракт от с. Усть-Вымь до с. Турья длиной в 65 вер., имевший и хозяйственное значение. Заново была проложена дорога протяженностью в три версты, соединявшая парходную пристань на Вычегде с городом Яренском и почтовым трактом Усть-Сысольск-Яренск-Вологда. В 1908 г. приступили к устройству дороги от с. Турья до с. Глотова, в 1910 г. – от д. Черва через д. Лоптюга к д. Вендинга. Начались работы по прокладке Разгортско-Мелентьевского и Бутканско-Чупровского трактов до Архангельской губернии, от д. Разгортской до пересечения с новой Черва-Лоптюгской дорогой, от с. Глотова до с. Кослан, от г. Яренска до д. Черва. Общая протяженность строившихся земством дорог была 391 вер. С 1912 г. по большинству из них началось зимнее движение. Для завершения строительства требовались значительные средства, которых Яренское земство не имело.

В 1914 г. в Усть-Сысольском уезде числилось 426 вер. почтовых и торговых и 1446 вер. проселочных дорог, в Яренском уезде – соответственно 1239 и 450 вер. В Печорском уезде в начале XX в. было около 650 вер. грунтовых дорог, из которых 128 вер. приходилось на единственный в уезде почтовый тракт Койнас-Усть-Цильма, построенный еще в 1894 г. и имевший как административное, так и хозяйственное значение. Прочие дороги в уезде были проселочными. Среди них определенное хозяйственное значение имели две: дорога Усть-Цильма-Бугаево-Великовисочное-Пустозерск-Куя протяженностью около 250 вер. и дорога Усть-Цильма-Краснобор-Мохча длиной в 99 вер. В 1907 г. крестьяне Мохчинской волости по соглашению с крестьянами с. Глотова Яренского уезда закончили строительство дороги от с. Мошьюга до с. Глотова протяженностью 178 вер. Она имела в основном местное значение. Большинство грунтовых дорог Коми края из-за недостатка финансов в период весенней и осенней распутицы становились непроезжими. Перевоз был дорогостоящим.

В районах Коми края, где протекали крупные судоходные реки, транспортировка грузов и пассажиров проходила легче. На них во второй половине XIX в. появились паровые суда. В 1900 г. по рекам Вычегдского бассейна совершали рейсы 8 грузопассажирских пароходов, принадлежавших частным лицам. По линии Великий Устюг-Котлас-Яренск-Усть-Сысольск ходили пароходы «Вымь» и «Крым» усть-вымского

торгующего крестьянина П.Н.Козлова. Они также поднимались по Вычегде до Усть-Кулома, а по Выми до Турьи и выше⁶.

От с. Серегово до Сольвычегодска, Котласа и Великого Устюга, а также вверх по Вычегде до Усть-Сысольска и Усть-Кулома шли буксиро-пассажирские пароходы «Вага» и «Межень» владельца Сереговского солеваренного завода П.Д.Гурылева. Изредка эти суда ходили до Архангельска. По маршруту Великий Устюг-Котлас-Сольвычегодск-Усть-Сысольск функционировали пароходы «Шилюг» и «Лальск» наследников лальского фабриканта купца Сумкина. Небольшой и легкий «Шилюг» в полую воду поднимался с грузом из Великого Устюга по Лузе до Ношульской пристани. От Сольвычегодска до Усть-Сысольска совершал рейсы грузопассажирский пароход «Сольвычегодск» сольвычегодского судовладельца П.В.Хаминова. Последнему принадлежал также пассажирский пароход «Ангарец», поднимавшийся в большую воду по Вычегде до Ульяновского монастыря и выше. Иногда «Ангарец» плывал до Вологды. На всех пароходах, баржах и других видах судов перевозились товарные грузы хозяев и других торговцев.

В дальнейшем торговые суда для перевозки собственных грузов приобрели некоторые усть-сысольские купцы. Купец И.П.Комлин купил товаропассажирский пароход «Устьсыsoleц». По заказу купца П.М.Камбалова в 1904 г. в Вологде был построен небольшой буксирный пароход «Мезень». По инициативе этого же купца было создано «Вычегодское пароходное общество «П.Камбалов, Я.Казаков и К^о». Буксируя четыре баржи, пароход «Мезень» курсировал между Великим Устюгом и Усть-Сысольском, доходя иногда и до Усть-Кулома. Функционировал также один пароход купца Гурилева⁷.

Ведущее положение в судоходстве по рекам Северо-Двинского бассейна занимало акционерное Северное пароходное общество «Котлас-Архангельск-Мурман». Его товаропассажирские пароходы сначала выполняли регулярные рейсы по линиям Вологда-Великий Устюг-Архангельск, Великий Устюг-Котлас-Архангельск, Великий Устюг-Котлас-Усть-Сысольск. Если в первое время пароходы этого общества ходили из Великого Устюга в Усть-Сысольск раз в неделю, то в дальнейшем стали ходить по 6 раз. Осенью 1905 г. был сделан пробный рейс из Архангельска в Усть-Сысольск, а с 1907 г. между этими городами установилось регулярное пароходное сообщение. Прямые рейсы пароходы общества стали совершать также между Вологдой и Усть-Сысольском⁸. Количество пароходов и других судов, объем перевозимых ими грузов и пассажиров росли. В 1900 г. перевозками занимались 14, в 1907 г. – 19, в 1913 г. – 36, в 1914 г. – 43 парохода. До Яренска и Усть-Сысольска товарные грузы для торговцев доставляли пароходы этого общества

«Ломоносов», «Н.В.Гоголь», «А.С.Пушкин», «Москва», «Петр Великий», «Генерал Кондратенко» и др. Это были весьма крупные по тем временам суда грузоподъемностью от 9 до 10 тыс. пудов. Весной в большую воду пароходы «Учредитель», «Сысола», «Зырянин», «Малютка», «Усть-Сысольск» и прочие перевозили промышленные товары и пассажиров по Вычегде от Усть-Сысольска до Усть-Кулома и Помоздино, по Выми – до Турьи, Онежья и Весляны⁹. Из названных пунктов пароходы увозили закупленные у местных крестьян продукты сельского хозяйства, охотничьего и рыболовного промыслов, поступавшие затем на российские рынки.

По состоянию на 1919 г. Печорское пароходство имело моторлодку «Титаник» принадлежавшую владельцам завода «Стелла Поляре», «баржу чердынцев» М.П.Алина и А.М.Чернова, пароход «Красноборец», баржу братьев Терентьевых, пароход купца С.Н.Норицына. В районе завода «Стелла Поляре» ходило около 13 морских грузовых судов. В среднем течении ходили пароходы «Люба», «Капелла», «Вега», «Печора», «Иван» по мощности мотора – 25, 30, 40, и 70 л.с. соответственно¹⁰. Также на Печоре функционировало крупное Пароходное предприятие М.В.Черных.

В 1920-е гг. Коми областной Дорожно-транспортной Конторой высказывалось мнение о восстановлении Северо-Екатерининского канала¹¹. Соединительный водный путь р. Вычегды с Камой начинался у д. Керчомья и поднимался по притоку Вычегды, Северной Кельтме и по упраздненному Северо-Екатерининскому каналу спускался к р. Дзюридзу и по Южной Кельтме в Каму. В 1838 г. он был упразднен, весь технический и административный надзор был расформирован¹².

За лето 1908 и 1909 гг. инженерами водных путей была произведена инструментальная съемка Вычегды от устья Вычегодского Черя до Усть-Выми. Ширина реки при соседних меженных горизонтах была от д. Помоздино до Усть-Кулома от 40 до 100 саж., ниже к устью реки Выми расширялась до 250 сажен, а у г. Сольвычегодска – в ширину уже 1 версту. Изыскания доказали возможность судоходства на 700 верстах по р. Вычегде не только от устья до с. Усть-Кулом, но и выше – до с. Помоздина. Изыскатели считали, что сведения о несудоходности р. Вычегда выше Усть-Кулома основаны «исключительно либо на отсутствии каких-либо знаний, или на полном незнакомстве с рекой»¹³. В дальнейшем обсуждения заброшенного Северо-Екатерининского канала как единственного пути для перевозки сибирских грузов к Архангельскому порту возобновлялись.

Имели место другие экспедиции и изыскательские партии, например, исследования инженера А.Г.Гансберга, осмотр вологодским губер-

натором А.Н.Хвостовым в 1908 г. на пароходе «Самоед» р. Вычегды, партия М.П.С. по исследованию водных путей с р. Ухты на рр. Каму и Северную Двину инженера Н.В.Попова, партия инженера путей сообщения П.Стакле и др.¹⁴

В 1909 г. инженером путей сообщения М.Д.Мочульским была организована экспедиция по исследованию водораздела р.р. Илыча и Северной Сосьвы с целью соединения р.р. Печоры и Оби. Предполагалось устроить 16 шлюзов стоимостью 25-30 млн. руб., 21 судоподъемник за 18 млн. 151 тыс. 560 рублей, 17-верстный туннель от устья Чупадо-Вожа и до места на р. Мань-и стоимостью 20 млн. 400 тыс. рублей. Устройство шлюзов на р. Егры-ляге (41 вер.) и р. Мань-и (65 вер.) требовало расхода в 8 млн. 400 тыс. руб. Частичное шлюзование рр. Илыча и Сосьвы и дноуглубительные работы на них исчислялись инженером в «несколько миллионов рублей». Итак, расходы на строительство должны были составить около 80 млн. руб. К ним присоединялась стоимость оградительных работ для превентизации разливов и расходы на отчуждение земель, размер которых определен не был¹⁵. О результатах рекогносцировочных мероприятий было доложено в 1910 г. Последовало обсуждение проекта на съезде русских деятелей по водным путям¹⁶.

Параллельно изыскания по проекту соединения Печоры и Оби через Илыч, Егра-Ляга, Чупода-Вожь, Келы и Северной Сосьвы и Маньи проводил начальник экспедиции Печорского края Л.В.Корвин-Пиотровский. Грузооборот канала в навигацию, по его вычислениям, должен был выразиться в начальный период эксплуатации – 50 млн. пуд., в дальнейшем – 150 млн. пуд. Усть-Сысольским земством на предварительное изыскание было ассигновано пять тыс. руб. Яренское, Сольвычегодское, Вологодское и др. земства заявили свои ходатайства о проведении канала¹⁷. Но несмотря на то, что проект продвигался самим Вологодским губернатором и Вологодским обществом изучения Северного края, до строительства дело не дошло. Известно также о составлении проектов железных дорог¹⁸.

Таким образом, на начало XX в. в крае функционировали грунтовые, почтовые и торговые дороги, была налажена эксплуатация водных транспортных артерий. Участники предприятий путей сообщения были представителями различных социальных слоев. Это были инженеры, купцы, крестьяне, предлагавшие какой-либо вариант разрешения транспортной проблемы и др. Как правило, это были известные люди, такие как Александр Гансберг или Н.В.Попов, имена которых представляют ныне целую эпоху в освоении нефтяных богатств Коми края. Тем не менее, несмотря на их порой «героические» усилия не всегда находилось разрешение устремлений этих людей в течение их собственной жизни.

Коми краю предстояло стать богатым горнозаводским и промышленным районом. Люди, ратовавшие за развитие путей сообщения, внесли весомый вклад в развитие его экономики.

¹ Беляков М.Ф. Сибиряковский тракт через Приполярный Урал (1882-1887 гг.) // Омская область. – 1941. – № 4. – С.74-76; Белянцев Е.И. К вопросу о роли и значении торгового капитала в экономике Печорского края на рубеже XIX-XX ввек. – 1965; Ворончихин А.Ф. Из истории строительства Пермь-Котласской железной дороги // Очерки истории Удмуртии XIX века. Сборник статей. – Ижевск, 1996. – С. 261-286; Китанина Т.М. Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С.Ю.Витте (К оценке Челябинского тарифа) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. – Л., 1972. (Труды АН СССР. Институт истории СССР. Вып. 13. Ленинградское отделение). – С.191-210; Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. – М., 1975.

² Славин С.В. К истории железнодорожного строительства на Севере в дореволюционной России // Летопись Севера. Т. II. – М., 1957; Он же. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – М., 1961.

³ Мацук М.А., Шаньгина В.В. Торговля и пути сообщения в Коми крас в XIX в. – Сыктывкар, 1996. – С. 214.

⁴ ГУ РК «НА РК» Ф. 116. Оп. 1. Д.73. Л. 5.

⁵ ГУ РК «НА РК» Ф. 6. Оп. 1. Д.1500. Лл. 2,3,6, 8-9; Ф. 6. Оп. 1. Д.1511. Л. 32-34.

⁶ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1910. – № 1. – С. 7.

⁷ ГУ РК «НА РК» Ф.155. Оп.1. Д. 168. Лл.151-152.

⁸ Известия Архангельского общества... – 1910. – № 1. – С. 14; Вологодские губернские ведомости. – № 53. – 9 марта 1898 г.; Архангельские губернские ведомости. – 1905. – № № 203-205.

⁹ Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1900 г. – СПб., 1902. – С. 2.

¹⁰ ГУ РК «НА РК» Ф. 1316. Оп. 1. Д. 22. Лл. 3, 3 об., 4.

¹¹ ГУ РК «НА РК» Ф.477. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.

¹² ГУ РК «НА РК» Ф.477. Оп. 1. Д. 28. Л. 46.

¹³ ГУ РК «НА РК» Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 38.

¹⁴ Известия Архангельского общества... – 1910. – № 1. – С. 1-17; Журнал Общества Сибирских инженеров. – 1910. – № 3. – С.116-119; Журнал Министерства путей сообщения. – СПб, 1910. – Кн. 6. – С. 3-12; Михайлов В. Содействие судоходству на р. Печорс. // Водные пути и шоссейные дороги. – Пг., 1913. – № 9. – С. 394-396.

¹⁵ Известия Архангельского общества... – 1910. – № № 3, 5.

¹⁶ Известия Архангельского общества... – 1910. – № 6. – С. 30.

¹⁷ Известия Архангельского общества... – 1910. – № 8. – С. 42.

¹⁸ Известия Архангельского общества... – 1910. – № 16; Известия Архангельского общества... – 1911. – № 8-9.

Иконописцы Талановы и Ульяновская обитель (по материалам переписки)

Последнее десятилетие окончательно разрушило миф об имперсональности иконы, бытовавший практически на всем протяжении двадцатого столетия не только на уровне массового сознания, но и среди исследователей. К настоящему времени издан целый ряд словарей иконописцев, ведены в научный оборот имена мастеров, работавших в разных регионах России – на Севере, в Сибири, на Урале, во Владимирской губернии. В первую очередь, это стало возможно благодаря фиксации подписных памятников. Однако их доля неизмеримо мала в общем объеме анонимных икон. В последние годы исследователи все чаще обращаются к архивным источникам, анализ и публикация которых позволяет атрибутировать сохранившиеся произведения иконописного искусства и обогатить наши, пока еще весьма неполные представления об иконном ремесле в России.

Уникальные сведения об иконном деле второй половины XIX века содержит корпус письменных источников Троице-Стефано-Ульяновского монастыря из фондов Национального архива Республики Коми, в частности, его деловая и личная переписка периода активного строительства и украшения храмов в 1868-1879 гг., а также расходные книги. Среди прочих разнообразных сведений документы монастыря сохранили имена иконописцев и иконостасных мастеров-резчиков из разных городов России, в том числе их адреса, деловые характеристики и личные оценки имевших с ними дело монахов, репертуар выполняемых заказов, описания технических приемов.

Чаще других в монастырской переписке встречается фамилия иконописцев Талановых. Впервые она упоминается в письме иеромонаха Паисия из Москвы 1869 г., в котором он просит игумена Матфея отослать благодарственное письмо «...во Владимирскую губернию в село Палихово Семену Федоровичу с семейством и сыновьям Александру и Федору Семеновичам. Поблагодарите за ихнее усердие и старание. Они и нынешний год много кое-каких икон написали, поусердствовали в наш монастырь»¹. В этом году обитель получила от Талановых с нижегородской ярмарки пять тюков икон².

Очевидно, это была маленькая ремесленная семейная мастерская, в которой трудились члены одной семьи – «традиционная организационная

микроструктура суздальского иконного промысла)³. В дальнейшем на протяжении многих лет монастырь ведет переписку с Федором Семеновичем Талановым, который, вероятно, унаследовал дело отца после его смерти и стал основным деловым партнером обители.

Из рекламы его заведения на фирменном бланке счетов узнаем, что он был купцом и иконописцем из деревни Ковшов (ныне Макарьев) Палеховской волости Шуйского уезда Владимирской губернии. Занимался Таланов продажей и исполнением заказов на изготовление «киот, хоругвей, плащаниц на бархате и сукне, шитых и живописной работы, икон в ризах и серебре, икон церковных иконостасных, иконостасной и живописной работы». Держал «иконную и киотную торговлю» («в нижегородской ярмарке..., в Ростове на соборной ярмарке ..., Ярославле на площади близ церкви имени Илии Пророка, в Вологде на январской ярмарке, в Казани на булаке»)⁴. Возможно, на нижегородской ярмарке, где старцы закупали материалы и провизию для обители, и состоялось их первое знакомство с Талановыми, которое в дальнейшем переросло в многолетнее сотрудничество.

Из письма Паисия в обитель из Москвы от 1 мая 1871 г., узнаем, что иеромонах вел переговоры с Федором Семеновичем Талановым о заказе ему икон для трех иконостасов нижнего этажа строящегося соборного храма. «...*Посланное вами письмо от 16 марта по приезду из Ельца в Москву апреля 23 получил и при письме план монастыря и размер для написания икон на три иконостаса. Я показывал и торговался с Федором Симоновичем Талановым. Он объяснил крайнюю цену. На 3 иконост(аса). 1-е на липовых д(о)сках письма греческою иконописи: с чеканкою, фон и поля, с амалью, 2580 рубл(ей) серебром, а без амали 2180 р., а вели поля просто краской 2000 руб. и провоз ихней только до Нижнего, а до места – монастырский. ... Таланов обещается на средний иконостас к последним числам сентября доставить в ярмонку Нижегородскую, а на два предела будут писать зимой...»⁵.*

Не совсем понятна степень участия Таланова в написании икон для иконостасов нижнего храма, так как, судя по сохранившимся черновикам благодарственного свидетельства, выданного монастырем исполнителю заказа, они были написаны московским иконописцем, академиком императорской Академии Художеств В.В.Шокоревым.

В основном Таланов выполнял заказы обители на небольшие 4-5-ти вершковые раздаточные образа-списки с особо чтимых ее святых – древних икон Похвалы Пресвятой Богородицы и Спаса Нерукотворного, а также покровителей монастыря – четырех угодников – Стефана Пермского, святой Ульянии, Зосимы и Савватия Соловецких. Они писались, как правило, на кипарисных досках, «чеканной и живописной работы» – на вызолоченных на полимент, прочеканенных по левкасу фонах, доставлялись на нижегородскую ярмарку, и партиями отправлялись – либо с

почтой, либо с сопровождающими – в монастырь. Сохранились два письма Ф.С.Таланова к иеромонаху Паисию от 1880 г., в которых он сообщает об отправке с почтой партий заказанных отцом Феофилактом «с нижегородской ярманки» икон: в одной, от 27 ноября – 81 4-5 вершковые иконы, в другой – две иконы: 7 вершковая «избранные иконописной работы...» и «5 вершковая Похвалы Богоматери иконописной работы чекан хорошей отдельной работы»⁶. Эти небольшие иконы монахи обители, как правило, посылали своим благотворителям в благодарность за их пожертвование в монастырь. В огромной переписке монастыря сохранились письма с благодарностью за полученные иконы из разных городов России. Одно из них – из Бежецка Тверской губернии от Павлы Петровны Мелницкой: *«Усерднейше благодарю вас за присылку вашего мне образа на кипарисе: сверху святая Троица, а внизу угодники. Этот я ценю образ не в три рубля, а у вас был прислан по почте, здешние наши живописцы дешевле не напишут 6 ру., а если вам угодно будет осчастливить меня менее ценою вашего образа, то пришлите один лик Бориса без другого угодника Глеба, у меня внук, которого я крестила. То желаю его благословить»*. На этом письме карандашом монахами обители сделаны пометки: *«5 (вершков) чекан(ой) раб(оты) у(годника) Бориса. Когда будет ик(она) готова пошлем. Написать Таланову в ярмарку»*⁷.

Сотрудничество Ф.С.Таланова с обителью продолжалось на протяжении многих лет. В 1890 г. им были написаны и посланы в монастырь 30 12-вершковых икон «греческой самой лучшей работы чеканные поля с амалью на кипарисе»⁸. Последняя запись в расходной книге с именем Ф.С.Таланова датируется 1892 г. С 1894 г., вероятно, после его смерти, заказы обители продолжали выполнять наследники – супруга Евдокия Федотовна Таланова с сыновьями. Сохранился счет на 65 4-5 вершковых икон от 1899 г. с подписью Семена Федоровича Таланова⁹. Последняя запись в расходной книге монастыря об уплате 176 рублей «по счету Е.Ф.Талановой с сыновьями за разные иконы» датируется 1904 годом¹⁰. В последующие годы обитель перестала заказывать живописные раздаточные образа и перешла на заказ дешевых литографий для продажи.

Наследию Ф.С.Таланова повезло больше, чем творениям других иконописцев, работавших для монастыря. Благодаря тому, что «благословение Ульяновской обители» бережно сохранялось в семьях, передаваясь по наследству, единичные экземпляры попали в музейные фонды. В фондах Национального музея Республики Коми хранятся два «раздаточных» образа, созданных, как очевидно, в мастерской Ф.С.Таланова. Одна из них – 5-ти вершковая икона «Избранные святые: Стефан Пермский, св. мученица Иулиания, Зосима и Савватий Соловецкие» с изображением Троицы Ветхозаветной в облаках¹¹. Именно такую икону получила в благодарность за пожертвование Павла Мелницкая. Икона выпол-

нена в так называемом фряжском стиле, бытовавшем в искусстве палехских мастеров наряду с более древними традиционными стилями. В нем традиционные приемы письма смешивались с условно-реалистическими. Икона написана на кипарисной доске, фон и поля вызолочены и прочеканены по левкасу растительным орнаментом. Тонкое миниатюрное письмо отличается несколько суховатой тщательностью исполнения. Одежды святой Иулиании и св. Стефана Пермского украшены в технике цировки – проскребания краски до золота, придающей одеждам сходства с парчой. На полях – орнамент-плетенка, расцвеченный эмалевыми красками. В середине нижнего поля в резерве на синем фоне золотом написано: «Копия с чудотворн. образа находящаяся в Троицко-Стефано-Ульянове монастыре Волог. губ. Устьсысол. уезда у зырян». На обороте иконы надпись чернилами: «В 21 й день декабря 1882 г. икона сия в Троицко-Стефано-Ульяновском монастыре освящена. Благословение».

Другой хранящийся в Национальном музее Республики Коми образ – 4-х вершковая икона «Похвалы Пресвятой Богородицы»¹². На обороте – надпись «В 13-й день апреля 1889 г. икона сия въ ТСУ (Троицко-Стефано-Ульяновском – прим. автора) монастырь освящена, въ Благословение сестрь и крестницъ Ольге Федоровне Лихановой, от брата и крестнаго отца монаха Илария». Эта икона, выполненная в той же технике и материалах, отличается более скорописной манерой исполнения. Возможно, она была выполнена не самим Ф.С.Талановым, а кем-то из его сыновей. Таким образом, благодаря сохранившимся документальным источникам удалось восстановить фамилию еще одной династии мастеров знаменитой своими иконописцами Палехской волости Владимирской губернии и атрибутировать созданные ее мастерами памятники иконописи из фондов Национального музея Республики Коми.

¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 87. Л. 74.

² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 87. Л. 53.

³ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. – М, 1995. – С. 165.

⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 196. Л. 76.

⁵ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁶ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 112. Лл. 227, 254.

⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 112. Л. 103.

⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 196. Л. 76.

⁹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 265. Л. 35.

¹⁰ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 303. Л. 12.

¹¹ 22,5x18,5x2. Доска цельная, паволока, левкас, сусальное золочение, чеканка по левкасу, смешанная техника, эмалевые краски. В постоянной экспозиции Национального музея Республики Коми.

¹² Национальный музей Республики Коми. КП 9142/2к. 17,8x14,2x1,8. Доска цельная, паволока, левкас, сусальное золочение, чеканка по левкасу, смешанная техника, эмалевые краски.

Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности взаимодействия

Историческое познание как особая разновидность освоения человеком окружающего его мира прошло в своем развитии довольно долгий и нелишенный драматической переживаний путь. Его длительность свидетельствовала о становлении истории как определенного типа знания, а драматизм отражал напряженный поиск механизмов его организации и передачи. Обретя статус науки в век торжества человеческого разума и безраздельного господства естествознания, история со временем постепенно утрачивала статус гуманитарного знания, все более претендуя на выражение закономерностей общественного развития. Именно эта «высокая претензия», в конечном итоге, и послужила одной из причин «несомненного кризиса современной историографии, научные традиции которой формировались еще с эпохи Просвещения и даже с Возрождения, а основы закладывались с античного времени»¹.

Проблема кризисного состояния исторического жанра вот уже не одно десятилетие активно обсуждается в отечественной и зарубежной историографии. При всей разности отмечаемых исследователями причин, вызвавших его к жизни и повлекших за собою разнообразные последствия, в качестве одной из них отмечается и утрата историческим повествованием «вкуса к деталям и подробностям воскрешаемого прошлого». Столь незначительное, на первый взгляд, обстоятельство привело не только к социологизации исторического познания, но и к выхолащиванию самой сути исторического развития, сведенной к выявлению неких универсалий «общественного бытия». Их незримое присутствие в изучаемой эпохе и закономерная смена в течение долгого времени определяли и продолжают определять собою общепринятый образ прошлого, в пространстве которого «живые люди из плоти и крови» обычно замещаются или «народными массами», или «их выдающимися представителями». В итоге история стала напоминать собою некий монолитный памятник ушедшему времени, где с большим трудом различимы составляющие его части.

Следует отметить, что подобное положение дел никогда полностью не удовлетворяло исследователей, неоднократно пытавшихся обновить сам памятник или дополнить его фактуру. Одной из таких попыток как

раз и послужило возвращение истории в лоно когда-то породившей ее филологии. «Теоретический мятеж» в лингвистике последней трети XX в. со всей очевидностью обозначил проблему родового сходства литературного и исторического повествований, одновременно потребовав и выявления их различий. Не претендуя на всеобъемлющее пояснение ее содержательных особенностей, к тому же получивших самостоятельное воплощение в виде «прорывных наратологических» исследований², позволю себе небольшое частное замечание, сводящееся к принципиальной невозможности «оживить» сугубо литературными приемами реальность прошлого.

На родовое сходство истории и литературы обращали внимание еще древние авторы. Уже античная историография понимала, что история представляет собою не просто перечень событий прошлого, а повествование о них. Тем самым предполагалось, а в настоящее время получило повсеместное признание некоторое тождество в структурировании и изложении сюжетов исторического и литературного свойства. Однако сходство в организации материала не предполагает одинаковости в выборе средств достижения поставленных целей. Историк, в отличие от писателя, не волен домысливать судьбу своего персонажа или изучаемого события, ибо они не плод его творческой фантазии, а порождение реальных обстоятельств недоступного ему времени. Жанровые ограничения неизбежно сказываются и на выборе выразительных средств запечатления прошлого. Ведь недаром «отцом истории» по праву считается основательный Геродот, а не красноречивый Ксенофонт или остроумный Тацит.

Попытки придать историческому тексту занимательный характер, сблизив его с лучшими образцами приключенческой и романической прозы, заслуживают искреннего уважения. Тем более что тяжеловесные описания объективных закономерностей «неизбежного столкновения интересов больших групп людей в процессе смены их производственной деятельности» историю ближе не делают, да и саму производственную смену, честно говоря, «доступностью понимания» не наделяют. Между тем, существует одно досадное препятствие, не позволяющее в полной мере справиться с поставленной задачей. Таким препятствием служит грамматическая ограниченность переводимых на язык литературного повествования реалий прошлого.

Как бы нам того не хотелось, историческое событие может быть услышано только в контексте породившего его времени, которое мыслило себя в соответствующих его духу понятиях. Ведь нельзя же всерьез полагать, что смысл отечественного крепостничества полностью покрывает и разъясняет собою такой новояз советской эпохи, как «классовая

эксплуатация помещиками крестьян». И дело не в том, чтобы привести всю историю к языковым нормам прошлого, а в осознанном понимании невозможности для исследователя вырваться из очерченных ими рамок восприятия произошедших событий. Рамки эти и служат тем опознавательным знаком, за границей которого кончается историческая достоверность, и начинается автономная от него жизнь литературного повествования с весьма правдоподобным сюжетом.

Посему, прежде чем сетовать на то, «отчего история не литература», следует подумать, к каким последствиям приведет их жанровый взаимообмен и не пострадает ли от него достоверность в истории и «красота слога» в литературе? Представляется, что предметное взаимопроникновение, повлекшее за собою исследовательскую увлеченность междисциплинарностью, интертекстуальностью и прочими пограничными вещами, не должно разрушать барьеры, разъединяющие науки друг от друга. Иначе совершенно непонятно, зачем «воскрешать» бунт Пугачева, если «Капитанская дочка» А.С.Пушкина рисует его психологически более убедительно, нежели многочисленные исследования, которые заведомо уступают ей в эстетическом отношении. Сотрудничество различных дисциплин не равносильно их взаимозаменяемости, и каждая из них предельно ограничена в своих возможностях.

Прошлое само по себе вполне увлекательно и способно продемонстрировать немало ярких и зажигательных примеров. Так почему же каждый раз, обращаясь к нему, мы всегда ставим перед собою «высокую» цель чему-нибудь у него научиться и непременно научить других? Нельзя ли вслед за замечательным французским историком М.Блоком ограничиться при его изучении «утолением интеллектуального голода» и привить это качество своим читателям? Ведь путешествие по лабиринтам прошлого ничуть не уступает приключенческим романам М.Рида или Ф.Купера, необходимо только выбрать надлежащий маршрут и опытного проводника.

Таким проводником, на мой взгляд, и могла бы стать история повседневной жизни советского человека, жизни, «осуществляемой изо дня в день, всегда; бывающей, происходящей всюду и везде»³. Наглядная и практически неподверженная изменениям, она до определенного времени оставалась в тени исторического исследования, «изымаясь» из нее лишь по необходимости в качестве «занимательной картинки» или иллюстративного комментария к законосообразностям общественного развития. Ее выход на авансцену «большой» истории совпал с так называемым «историческим поворотом», повлекшим за собою «живые проявления смены приоритетов в теоретико-методологическом пространстве развития исторической науки и гуманитарного и социального знания на рубе-

же XX-XXI веков»⁴. Характерной особенностью его проявления «на современном этапе развития гуманитарного знания» признается «историчность происходящих изменений в области методологии. Она проявляется в эпохальном повороте против науки об обществе, сформировавшемся в послевоенный период как историографическое направление, оппозиционное традиционной истории; в повышенном внимании к истории как к процессу, как к прошлому, как контексту, но не обязательно как к научной дисциплине. Наконец, эти изменения способствуют постановке кардинальных вопросов методологии истории, таких, например, как вопрос о предмете истории и его структуре, вопрос «дисциплинарного дискурса и т.д.»⁵.

Современный методологический сдвиг с его пристальным вниманием к разнообразным формам человеческой жизнедеятельности в прошлом привел к закономерному раздроблению предметной области исторического познания. Среди его многочисленных «дочерних» ответвлений история советского повседневья только получает свою дисциплинарную прописку. При этом, становясь полноправным участником «большой» истории, она все еще, по образному замечанию современного исследователя, разделяет судьбу «критических периодов» развития нормального знания. Они время от времени появляются на «широком поле исторической науки» и проявляются «в каких-то узких областях, как, например, в модных сейчас гендерных исследованиях или в исследованиях многочисленных привычек и «странностей», составляющих основу истории повседневности»⁶.

Следует отметить, что в расхожем обиходе отечественной историографии понятия советского повседневья длительное время не существовало. Его замещало собою более привычное и мало к чему обязывающее словосочетание «история жизни и быта людей того времени». При этом понятие и жизни, и быта зачастую сводилось к тому, что когда-то обозначалось емким словом «рутина». Согласно толкованию В.И.Даля, рутина и есть то «безотчетное следование преданию, обычаю», которое и наполняет собою течение всей человеческой жизни⁷. Безусловно верно отражающее содержимое повседневной деятельности человека и общества в целом, оно, тем не менее, плохо передает атмосферу советской действительности. Дело в том, что рутина не только наследуется, но и остается «приватной» сферой человеческой жизни, неподвластной внешнему по отношению к ней контролю и воздействию. Советский же человек изначально не был укоренен в создаваемой на его глазах новой действительности, которая к тому же представляла большой интерес для ее создателей.

В этом отношении термин «повседневье» оказывается более предпочтительным, так как указывает не на определенный тип существования, который требует внятно очерченного пространства и противопоставления «не быту», а на форму этого самого существования, которая может приноситься в любой вид деятельности. Более того, повседневье также регламентировано, как и официальная публичная жизнь граждан, поэтому оно «спокойно» уживается с вторжением в его пространство производственной, политической и идеологической необходимости времени.

Однако если в содержательном плане пространство повседневья оказывается предельно прозрачным и сопрягается с ежедневным, привычным ритмом жизнедеятельности огромного количества людей, то в вопросах понимания технологии своего осуществления оно все еще нуждается в основательном прояснении. Эта основательность относится, прежде всего, к возможностям и тем специфическим задачам, которые решает историческое познание в целом. Насколько оно в состоянии прояснить природу и течение таких слабо формализуемых показателей жизни обычного человека как его повседневное существование, зависит исключительно от умелого взаимодействия исследователя и находящихся в его распоряжении свидетельств минувшей реальности. Однако не все из них обладают достаточным уровнем информированности и способны удовлетворить нашу любознательность. Поэтому зачастую приходится полагаться на исследовательскую интуицию историка, его воображение и эрудицию, при помощи которых вот уже около двух тысячелетий не обходится ни одно проникновение в толщу ускользающего от нас времени.

Вместе с тем, упомянутые в качестве основного содержимого повседневной жизни «привычки и странности» едва ли могли бы претендовать на выражение исследовательской сущности повседневной истории — этого плохо уловимого и неотъемлемого спутника бытия человека. Вероятнее всего, ближе к ее пониманию те внимательные слушатели прошлого, которые «стремятся исследовать все стороны повседневной жизни мужчин и женщин: от питания до преломления политической конъюнктуры в судьбах обычных людей»⁸. Однако стремление это, зачастую сводящееся к арифметической всеядности, наталкивается на «отсутствие продуманной концепции того, что собственно называется повседневностью»⁹. Бытующие в современной историографии пространные определители повседневности сводят ее к двум основным разновидностям или подходам. Внешний подход ограничивает повседневность материальной стороной жизни общества и «вооружает историков некими первичными данными о жизни «народных масс» изучаемой эпохи». Внутренний подход или «современный, «антропологизированный» вариант истории по-

вседневной жизни исходит из того, что люди активно участвуют в постоянном процессе создания и переустройства структур повседневности, они пытаются «присвоить» и приспособить к себе тот жизненный мир, который их окружает»¹⁰.

В рамках этого подхода обращает на себя внимание исследование «общих мест» повседневной жизни американского слависта С.Бойм, предпринявшей попытку критического осмысления тех мифических представлений, посредством которых скреплялся повседневный быт России XX столетия¹¹. Определяя жанр и предмет собственного сочинения, автор отмечает: «Эта книга – попытка рассказать о том, о чем принято не договаривать, – о российской повседневности. Недоговоренность будет не препятствием, а предметом исследования. Археология повседневности имеет дело с осколками, отбросами и подводными течениями, и только изредка с затонувшими сокровищами»¹². При этом повседневье относится ею к «хорошо забытому настоящему. Это все то, что избегает анализа, не требует рефлексии и раздумья, а как бы само собой разумеется»¹³. Ссылаясь на французского критика и писателя Мориса Бланшо, исследовательница уподобляет повседневье «вечно нулевому пространству», где можно увидеть «длинные промежутки истории, разобраться в мелочах жизни, негероическом повседневном выживании. Здесь ничто не обещает эффектной концовки, окрашенной харизматическим пафосом обреченности»¹⁴.

Одновременно автор усматривает онтологическую укорененность повседневности в культурной памяти общества, где слова и вещи тесно взаимосвязаны и «одна деталь» или «один незначительный предмет» могут вызвать «поток культурных ассоциаций и дать ключ к пониманию явления. Повседневная соринка, подточина дает иное понимание идеологических, экономических теорий. Археология повседневности не лишена случайных прозрений, «профаных эпифаний», когда в одной детали, сцене из жизни или из романа, вдруг отразится, как в капле воды, целый культурный космос»¹⁵.

Собственно говоря, сам процесс становления истории повседневности в качестве полноправного участника постижения прошлого оказался тесным образом связан с «внутренним видением» обычной жизни обыкновенных людей. Его истоки можно обнаружить в многочисленных попытках так называемых «новых историков» «охватить все жизненные аспекты, включая каждодневные основы человеческого существования. Но только в лице германской истории повседневности – Alltagsgeschichte была сделана попытка определить историю повседневности как своего рода новую исследовательскую программу, еще один исторический синтез, подобный тому, что был предпринят в свое время в *Анналах*»¹⁶. По

заклучению многочисленных приверженцев нового синтеза исторического знания, он будет осуществляться на основе смены исследовательских приоритетов: место традиционного пути историка от «малого» к «большому» займет «перевернутая логика исторического построения» – через «малое» к пониманию «большого». «Не статические структуры, а, напротив, динамизм и противоречивая природа радикальных исторических изменений, производство и воспроизводство действительной жизни, где участники – не только объекты, но и субъекты истории – провозглашаются основой истории повседневности»¹⁷.

Воспроизводство устоявшегося образа жизни находит свое предельное выражение в «структурах повседневности» – «тех правилах, которые слишком долго удерживают мир в довольно трудно объяснимой стабильности»¹⁸. «Мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве», являя собою, по мысли Ф. Броделя, суть повседневности, в своей повторяемости «обретают всеобщий характер или, еще лучше, становятся структурой». Они «распространяются на всех уровнях общества, характеризуют его образ существования и образ действий, бесконечно их увековечивая»¹⁹. Плотное описание этих структур, собственно, и составляет цель изучения истории повседневности, выводящей современную практику историописания на новые этажи познания прошлого.

Преобладание «внутреннего» видения истории повседневной жизни в современной отечественной историографии, ее тесное соседство с изучением истории ментальностей и микроисторическими исследованиями со всей очевидностью указывают на формирование нового направления исторического поиска – антропологической истории, в пространстве которой каждым из отмеченных ее вариантов решаются свои посильные задачи. В этом отношении усилия истории советского повседневья как раз и сосредотачиваются на выявлении «пограничных зон» взаимодействия большой публичной жизни общества и ежедневных стратегий выживания составляющих его социальных групп, классов, этнических и социальных «вкраплений».

Созданные в последние десятилетия отечественными историками и переведенные на русский язык труды их зарубежных коллег по истории советского повседневья свидетельствуют об огромном интересе профессионального сообщества к сюжетам подобного рода. В этом возрастающем интересе подспудно угадывается не столько исследовательская неудовлетворенность сложившимися процедурами постижения прошлого, сколько стремление специалистов понять и прочувствовать те перемены, которые произошли со страной в минувшем столетии. Реализация этого стремления находит свое выражение в смене ракурса освещения прошлого, который как раз и окажется той вспышкой света, в пространстве кото-

рой «можно соединить кратковременные и долговременные исторические циклы, оживить историю и сделать ее многокрасочной, состоящей из лоскутной композиции типа цветных ковриков – пэчвоков (от англ. – patchwork)»²⁰.

Замечательный французский историк Ф.Бродель, подыскивая для себя веские оправдания относительно «включения в сферу исторического изучения повседневной жизни», писал: «Из маленьких путешествий, путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на различных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилища. Эти «мимолетности» к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные. Воссоздавать такие картинки – увлекательная игра, и я не считаю ее пустым занятием»²¹.

---

¹ Мининков Н.А. Методология: пособие для начинающего исследователя. – Ростов-на-Д., 2004. – С.5.

² Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М., 2003; Он же. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М., 2003.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – С. 520.

⁴ Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4. – С. 32.

⁵ Там же. – С. 33.

⁶ Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М., 2005. – С. 37

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М., 1956. – С. 115.

⁸ Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 372.

⁹ Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 195.

¹⁰ Там же. – С.195-196.

¹¹ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. – М., 2002.

¹² Там же. – С. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – С. 11.

¹⁵ Там же. – С. 21.

¹⁶ Соколов А.К. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник. – М., 2004. – С. 50.

¹⁷ Там же. – С. 51.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3-х т. – М., 1986. Т.1. – С. 38.

¹⁹ Там же. – С. 39.

²⁰ Соколов А.К. Указ. соч. – С. 54.

²¹ Бродель Ф. Указ. соч. – С. 40.

**Революционная повседневность:
человек в условиях Февральской революции 1917 года**

Начало нового столетия ознаменовалось для России рядом событий, изменивших весь ход истории страны, поменявших ее, казалось бы, незыблемые устои, ознаменовав собой приход суетливого, бешеного, жестокого XX века. Изменения эти проявились как на государственном уровне, так и на уровне повседневном. Одним из событий необычайной важности в становлении новой повседневности, повседневности уже XX века, стала Февральская революция. Ознаменовав собой отход от традиционной для России монархической формы правления, она в тот же момент лишила основания мировоззренческую систему российского человека. Параллельно с изменениями на государственном уровне перестраиваются и поведенческие структуры жизни населения. С этой точки зрения изучение революционной повседневности 1917 года представляет особый интерес. В круг вопросов, представляющих интерес для изучения повседневности, входят: изменение стиля жизни во время и после Февральской революции, трансформации в структуре повседневности; атрибуты новой повседневности; историческое воплощение изменений, связанных со сменой структуры повседневности.

Для того чтобы понять весь масштаб рассматриваемых событий, обратимся к опыту российской революционности. России к Февралю 1917 г. была известна лишь одна революция – 1905-1907 гг. Требования, выдвигаемые той революцией, значительно разнились с теми, которые явились продуктом спонтанности и всеобщей эйфории, поднявшейся в февральские-мартовские дни. Стоит оговориться, что начавшийся, уже к событиям 1917 года, XX век явился для человечества совершенно новым опытом. Вызвано это было совокупностью факторов, которые можно назвать ускорением темпа жизни.

Для человека, рожденного еще в веке XIX, любая сколько-нибудь значимая новость, касающаяся политической или культурной жизни мира, страны или даже его собственного города, была настоящим событием. В XX веке насыщенность временного пространства событиями настолько велика, что человек просто не в состоянии уследить за всеми новостями и происходящими событиями не только в мире, но даже в своей стране. Это приводит к так называемому ощущению информационного вакуума.

Информация не успевает доходить до реципиентов, и человек, раньше имевший возможность координировать события в мире или, в крайнем случае, фиксировать наиболее значимые из них, обдумывать, обсуждать и философски осмысливать, становясь, таким образом, активным участником этих событий, теперь теряет ощущение осведомленности и, тем самым, не только выпадает из мирового информационного пространства, но также теряет ощущение общности с окружающим миром. На психологическом уровне это выливается в критическое, пограничное состояние, очень тяжело переносившееся большинством интеллигенции. Для рядового же жителя революционной столицы отсутствие информации не было столь трагедийным событием. Напротив, это давало ему возможность для творческого поиска. Человек в массе своей становится активным участником революции. Массовость и масштабность события придавала гражданам уверенность в том, что именно они являются творцами светлого будущего своих детей. В действительности это выливалось в то, что основной формой проведения досуга в революционные дни становятся днем – митинги и публичные выступления революционных ораторов «из толпы», по вечерам – активные разговоры-обсуждения «судеб государства».

В первые революционные дни, в то время как большая часть интеллигенции сидела дома, ограничиваясь редкими походами в гости либо исключительно телефонными переговорами, остальные свободно гуляли по улицам, не боясь попасть под пулеметный обстрел¹ («Воскресенье 26 февраля началось с выстрелов... Страха или смущения я ни в ком не замечал. Как будто весь народ твердо решил «миром» выйти на улицу и добиться своего или погибнуть»²). Наблюдали над расправой со старыми символами власти – орлами, гербами, портретами членов царской семьи, участвовали в сжигании бумаг полицейских участков³. Писатель и историк С.С.Кондурушкин, описывая первые дни переворота, отмечает, что вечером 26-го февраля к нему пришли многие из знакомых, «ибо думали, что вечер тот станет надолго последним вечером, когда можно посетить друг друга. Назавтра ждали осадного положения»⁴. В подобном неведении находилась одна из самых «просвещенных» частей общества, которая имела в своих апартаментах телефонный аппарат. Те же, кто не являлся счастливым обладателем телефонного аппарата, вынуждены были либо также пребывать в неведении, либо активно участвовать в общественной жизни. Как правило, выбор был сделан в пользу второго, отсюда происходит и та массовость, масштабность событий, происходивших в первые весенние дни.

Валерий Островский, обозреватель аналитического ежедневника «Дело» отмечает, что послефевральский Петроград 1917 года был сумасшедшим, карнавальным, крикливым, митинговым, концертным городом. Неслучайно характерной чертой «революционного» быта стало посещение «митингов-конcertов». Куда-то подевались угрюмые черносотенцы, горящеглазые монархисты. Имперский Санкт-Петербург мигом перестал существовать⁵.

В таких условиях, ощущая как вакуум в высших сферах, так и перерыв в праве, расцветает жульничество, мародерство и банальное хулиганство. Несмотря ни на какие призывы добропорядочных граждан вести себя цивилизованно, русский человек шел на все, чтобы в любом положении «урвать» свой кусок. Частой практикой становились так называемые «революционные обыски»: «Подъезжает к дому автомобиль, полный солдат. Войдя в швейцарскую, они начинают обыскивать квартиру за квартирой. Вернее, это не обыск, а опрос: «Есть ли у вас оружие?». Но были обыски и другого сорта. Жулики, переодетые солдатами, войдя в квартиру, начинали детальный осмотр всего, при чем многие вещи, которые ни с какой стороны нельзя было назвать уликами, бесследно исчезали. К таким вещам, обнаружившим способность к исчезновению, принадлежали золотые вещи и вино. Моего соседа обыскивали несколько раз»⁶. Другой чертой, доставшейся революционной повседневности в наследство от предыдущей эпохи, была любовь русского человека к алкоголю. Несмотря на военное положение, в котором находился Петроград в феврале 1917 г., жители столицы сумели раздобыть немало горячительных напитков и «по-русски» отметить торжество справедливости и победу революции: «На Максимилиановском какие-то типы разгромили винный погреб, и поэтому здесь невероятная давка. Солдаты, соседние дворники, лавочники, окрестные жильцы, женщины, дети все тискаются жадно к входу в погреб и с трудом вылазят оттуда, алчно прижимая к груди награбленные бутылки с вином. В воздухе висит отборная брань. Несмотря на то, что погреб разгромили не более десяти минут назад – уже есть «вдребезги» пьяные»⁷.

Новая повседневность, активно функционируя, с течением времени получает и новые атрибуты. В первую очередь это касается музыкальной и визуальной репрезентации новых идей, новых принципов жизни.

Известно, что пение играло важную роль в повседневной жизни российских граждан и до Февраля 1917 г. В среде интеллигенции умение петь по нотам было частью общего образования. Весьма популярны были уроки вокала, особенно среди женщин. Во всех средних учебных заведениях – от гимназий до церковно-приходских школ – хоровому пению уделялось должное внимание. В начале XX в. не только праздники, но и крестьянские посиделки, городские вечеринки, студенческие сходки и,

наконец, маевки и манифестации трудно представить без пения. Развитие рабочего движения в дореволюционной России сопровождалось появлением собственных песен, среди которых наибольшей популярностью пользовались «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу!», «Рабочая Марсельеза» и др. Пение, особенно хоровое, как часть повседневной культуры, исключительно сильная по своему эмоциональному воздействию, в ходе революции переживает сложный процесс трансформации, выполняет новые, определенные исторической ситуацией функции. Февраль 1917 года возродил к жизни практику так называемой контрфактуры. Суть ее состояла в том, что популярные песни подтекстовывались новосочиненными текстами, формируя совершенно уникальные произведения. В России практика переподтекстовок, будучи заимствованной из очагов западной гимнографии в период реформации, никогда не умирала и пользовалась завидной популярностью.

Особенно популярным стало пение в дни революции. Оно служило, с одной стороны, способом самоидентификации революционно настроенного населения, с другой – своеобразной демонстрацией достижений революционного времени (свобода распевания революционных песен в общественных местах, на улицах, в любое время дня и ночи). В сочетании с оркестровым исполнением и дружными криками «Ура», звуки революционных песен производили незабываемое ощущение чего-то совершенно особенного, священного, всеобщего. Подпевая, подвивая, покрикивая и насвистывая знакомые звуки Марсельезы или Интернационала, человек проходил своего рода таинство приобщения к массовому, народному, добытому годами страдания и крови: «Навстречу полку бегут толпы. Целуются. Обнимаются. Кричат «ура». Гремит оркестр. Вечный мотив Марсельезы, сумевший подойти к человеку с лучшей стороны и затронуть лучшее – гремит победными гордыми звуками. – Как хорошо. Как весело»⁸.

Пение становится также частью нового обряда гражданских похорон, когда «вместо церковных песнопений участники траурного шествия исполняли песни: "Замучен тяжелой неволей" и "Вы жертвою пали в борьбе роковой"...». Песни продолжали сохранять весомую смысловую и эмоциональную нагрузку, и когда похороны погибших в боях за советскую власть видных революционеров стали носить государственный характер⁹. Возможной вариацией музыкальной «культуры», рожденной Февралем, можно назвать и частушки, сочиняемые «на ходу» жителями революционной страны: «Эх, не рад я калачу, / Эх, не рад я бублику, – / Одного таперь хочу: / Подавай республику!»¹⁰. В одном ряду с ними стоят и такие произведения сатирической культуры, как анекдоты («Сеня, где-бы это черносотенные часы купить?». «Да, ведь, ты недавно купил». «Республикан-

ские, чорт-бы их взял: Простукают восемь часов и баста... Замучился!..»¹¹) и переделанные пословицы («Черного кобеля не отмоешь до красна»¹², «У семи нянек человек без престола остался»¹³), переделанные стишки («Тили-бом, тили-бом. / Загорелся царский дом. / Саша¹⁴ выскочила, / Глаза выпучила... / Бежит курица с ведром, / Заливает царский дом»¹⁵), перепетые песни:

Боже, Российскую Социал-демократическую –
на основании всеобщаго,
прямого, равного и тайнаго голосования –
республику храни!

Сильный, державный,

Цар... Тьфу! Президентствуй на славу,

На славу нам!

Президентствуй по воле революционного народа,

Президент православный!

Боже, Российскую Социал-демократическую –

на основании всеобщаго,

прямого, равного и тайнаго голосования –

республику храни!..¹⁶

Другим атрибутом функционирования новой повседневности явилась новая визуальная культура, воплотившая в себе систему цветовой идентичности, а также визуализированные лозунги революционной эпохи. Цветовая символика – отвлеченный, обобщенный образ, отражающий ту или иную идею, выраженную цветом или комбинацией цветов. В Феврале идеи революции, свободы, братства, интернационала повсеместно выражал красный цвет. Диапазон его применения – чрезвычайно широк: от небольших красных ленточек, бантов, нарукавных повязок и других элементов на значках, костюме до знамен, флагов, оформления грандиозных архитектурных объектов¹⁷.

Визуальная символика, переплетаясь с цветовой, играла уникальную роль в Феврале 1917 года. Она являлась отражением социально-политических отношений, сложившихся в обществе. Фактически, если допустить не совсем корректное сравнение России в данный период со средневековой Европой, в которой библией для неграмотных являлся храм, в России, население которой к Февралю 1917 года в подавляющем большинстве своем было абсолютно неграмотным, таким священным писанием были именно изображения, публикуемые в периодической печати. Они были легко «читаемы» в силу своей универсальности.

Среди символов Февральской революции условно можно выделить несколько основных культурно-исторических пластов:

- наследие языческой, или дохристианской, мифологии;
- отражение христианского религиозного сознания;

- система символов французской революции, перекочевавшая в российскую революционную символическую традицию;
- символы, появившиеся непосредственно во время революции, а также те символы, происхождение которых установить достаточно сложно, но расшифровать их значение не представляет особого труда.

Реальное воплощение изобразительная символика получила в двух категориях революционных образов: обличительных и героических. К обличительным образам относятся многочисленные карикатуры на старую власть и ее «приспешников», символические изображения, олицетворяющие регалии царской власти. Особенно любим в обличительной визуализации был образ орла. Он становится основным предметом насмешек в ряду символов. В Кине-журнале было опубликовано такое изображение: красный полукрытый занавес. Слева от него – солдат с ружьем, справа – рабочий со шваброй. Посредине вниз головами висит тушка двуглавого орла, из которого течет кровь¹⁸. Нередко встречаются и картины снятия со зданий двуглавого орла подручными средствами; рисунки, на которых изображены солдаты и люди в штатском, греющиеся около костра, сложенного из деревянных орлов.

Среди героических образов различимы следующие: образ освобожденной/освободившейся России, представленный в виде молодой женщины в русском национальном костюме, чаще всего с распущенными волосами, реже – с косой и обычно в кокошнике; образ Свободы, воплощавшийся, как правило, в виде прекрасной женщины в античных одеяниях, нередко со щитом или мечом в руках; образ освободившегося народа, воплощенного чаще всего в фигуре человека, разорвавшего оковы и поднявшего руки к небу в знак освобождения; Герой революции – собирательный образ, не представленный в роли конкретной личности, но воплощенной в целой системе образов. Помимо этого стоит отметить образы-символы революции: разорванные цепи; развевающиеся флаги и знамена красного цвета; военные атрибуты, такие как щит, меч, доспехи; восходящее солнце и другие изображения, имеющие определенное символическое значение и без труда «читаемые» человеком Февраля.

Можно сделать вывод, что визуальная символика, явившаяся одним из самых показательных сюжетов революционного творчества народа, отражает в себе те трансформации массового сознания, которые имели место в период революции, и помогает объяснить определенные моменты революционной повседневности.

Новая атрибутика, возникшая на волне революционного энтузиазма, впоследствии перешла в практику советского руководства – митинги, массовое распевание песен, плакаты – все это изначально было присуще

именно повседневности Февральской революции. Митинги продолжают функционировать, пусть в трансформированном виде, и поныне. Красные флаги, плакаты, массовые собрания у кафедры оратора – все эти атрибуты пришли из 1917 года. Поскольку умение и даже привычка петь хором у большинства людей остались, новая власть практически сразу же начинает ее использовать в своих идеологических интересах. Сохранилось множество свидетельств того, что в первой половине 1920-х гг. хоровое пение занимало весьма существенную роль в комсомольской и пионерской работе. Коллективное разучивание песен, организация спевков, выступление пионерских и комсомольских хоров на пролетарских праздниках было очень распространенным явлением среди «широкой общест-венности»¹⁹. Что же касается «изобразительного искусства» советской эпохи, рассчитанного на рядового гражданина Советского Союза, то именно на доступных, понятных, легко «читаемых» образах, явившихся порождением февральских дней, была впоследствии выстроена советская визуализированная пропаганда. Из всего вышесказанного следует, что основные повседневные структуры, спонтанно сложившиеся в ходе Февральской революции, впоследствии были взяты на заметку и использованы советской идеологией, и поэтому рассмотрение советской повседневности стоит начинать именно с февральских дней 1917 года.

¹ Боровский Ф.Ф. ...Неделя второй Великой русской революции 1917 года. Эпизоды и впечатления, записанные на улицах Петрограда. 2-е изд. – Пг.: тип. Н.В. Безрукова, 1917. – С. 26-27.

² Современный мир. – 1917. – № 2-3 (февраль-март). – С. 278.

³ Зозуля Е.Д. Что запомнилось. (Революционные дни в Петрограде). – Пг.: Скобелевск. Ком., 1917. – С. 11.

⁴ Кондурушкин С.С. ...Половодье. (Очерки первых дней переворота) // Земля. – Пг.: газ., 1917. – С. 8-9.

⁵ Островский В. Веселые питерские деньки 1917 года (статья от 26 августа 2002 г.) // <http://idclo.ru/243/22.html>

⁶ Современный мир. – 1917. – № 2-3 (февраль-март). – С.298-299.

⁷ Персвалов П. Бои за свободу (На улицах Петрограда). Очерки. № 3-5. [Новые песни революции]. Пг. [И.Р.Белопольский], 1917. – С. 31.

⁸ Зозуля Е.Д. Указ. соч. – С. 16.

⁹ Угранович Д.М. Обряды: за и против. – М., 1975. – С. 111-112.

¹⁰ Москит. – 1917. – № 27 (1 июля). – С. 2.

¹¹ Бич. – 1917. – № 14. – С. 15.

¹² Новый Сатирикон. – 1917. – № 18 (май).

¹³ Новый Сатирикон. – 1917. – № 11. – С. 11.

¹⁴ Подразумевается бывшая императрица Александра Федоровна.

¹⁵ Бич. – 1917. – № 12. – С. 13.

¹⁶ Д'Актиль. Проект нового гимна // Бич. – 1917. – № 12 (2-й). – С. 12.

¹⁷ Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994. – С. 359.

¹⁸ Кинсе-журнал. – 1917. – № 5-6. – С. 60-61.

¹⁹ Тяжельникова В.С. Советская песня и формирование новой идентичности // Отчественная история. – 2002. – № 1. – С. 174-175.

Бондаренко Ольга Евтихеевна
к.и.н, доцент кафедры отечественной истории
исторического факультета
Сыктывкарского государственного университета
Ходячих Сергей Сергеевич
студент исторического факультета
Сыктывкарского государственного университета

Парилов Ф.П. – участник советско-финляндской войны
(по материалам дневника)

В настоящее время в исторических исследованиях большое внимание уделяется изучению поведения человека на войне. В этом плане показателен горький опыт войн XX века, в которых принимал активное участие Советский Союз. На сегодняшний день, на наш взгляд, исследователями уделено недостаточно внимания советско-финляндской войне.

Советско-финляндская война или, финская, «зимняя», как ее называли сами участники, была непопулярной в Советском Союзе. И как следствие – об этом не старались писать в газетах, специальной литературы о советско-финляндских отношениях, в том числе о войне 1939-1940 гг., не было. Документальные хроники были засекречены и лежали в архивах под грифом «совершенно секретно». В военной и мемуарной литературе, в периодической печати «финская кампания освещена скупо, практически находится в зоне умолчания»¹. Во «Второй мировой войне (1939-1945). Очерке важнейших событий» академика А.М.Самсонова «о причинах, ходе и итогах кампании ничего не сказано, однако вместо этого приводятся сведения об отношении к ней Англии, Франции, Норвегии и Швеции (17 строчек)»². А в мемуарах Г.К.Жукова «Воспоминания и размышления» «есть только краткое упоминание об обсуждении руководством страны итогов кампании»³. Однако в последнее время произошли существенные сдвиги в изучении этой темы. Издаются воспоминания очевидцев описываемых событий (например, «Вехи в пути» З.В.Панева), вышла двухтомная коллективная монография «Советско-финляндская война 1939-1940 гг.» (С-Пб., 2003) с обширной источниковой базой по данной проблеме, рассекречиваются архивные документы.

Говоря об участниках этой войны, прежде всего, необходимо отметить, что основной контингент, из которого набирался военный состав, составляли жители северных регионов Советского Союза, которые были приспособлены к суровым климатическим условиям и имели навыки хождения на лыжах.

Большое значение для раскрытия военной темы имеют дневники. Содержание дневника Филиппа Павловича Парилова (12.03.1906-05.05.1955), одного из участников советско-финляндской войны, уроженца Усть-Сысольска (Сыктывкара), позволяет понять и раскрыть чувства, состояние, психологию простого воина.

Ф.П.Париллов – человек своего времени. В его дневнике история повествования развивается на фоне общероссийской истории. Автор ощущает свою причастность к описываемым событиям, сам он является частью окружающего его мира. Филипп Париллов происходил из «знаменитой в республике [Коми] спортивной семьи лыжников Париловых»⁴. Он был первым из шести братьев и родился 12 марта 1906 г. Основную информацию о нем получаем из опубликованных воспоминаний его брата Василия Парилова «История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания»⁵. Так, мы узнаем, что до начала войны Ф.П.Париллов «работал председателем Комитета по делам физкультуры и спорта при Совмине Коми АССР»⁶. На момент 30 ноября 1939 г. (начало советско-финляндской войны) Париллову было 33 года, и он «числился в запасе, как младший командный состав, – три треугольника на петлице (по новым званиям, старший сержант)»⁷. Финская кампания закончилась для Филиппа Павловича «удачно, он не был ранен и не попал в плен, хотя участвовал в ней с самого начала и до конца»⁸. После советско-финляндской войны он «продолжал работать на прежней, довольно хлопотной должности: организовывал и проводил все городские и республиканские соревнования по летним и зимним видам спорта»⁹. Участвовал в Великой Отечественной войне, дважды был ранен; награжден орденами Отечественной войны и Красной звезды. Уже в мирное время дали знать о себе полученные в боевых действиях ранения – здоровье его резко ухудшилось, и 5 мая 1955 г. в возрасте 49-ти лет Филипп Павлович умер, оставив большую семью: жену Лизу и пятерых детей. В своих воспоминаниях Василий Париллов пишет: «Для всех нас смерть Филиппа была невозможной утратой и огромным горем, пройти финскую кампанию и Великую Отечественную войну, быть дважды раненым, остаться в живых и умереть в 49 лет! Оставить жену (без хорошей специальности) и пятерых детей – это тяжелейшая ситуация, большие проблемы и трудности»¹⁰.

Филипп Павлович Париллов оставил после себя дневник, который сохранила и предоставила нам его дочь Клара Филипповна Попкова¹¹. Дневник представляет собой две самодельные тетради по 22 и 28 страниц, сшитые вместе черными нитками. Обложка дневника картонная, с двух сторон обернутая целлофаном, на титульном листе написано «Ф.П.Париллов». На первой странице дневника находится боковая запись: «Дневник прошу переслать жене по адресу: Коми АССР, г. Сыктывкар, ул. Горького 7 кв. 22. Париловой Елизавете Федоровне». Записи велись ежедневно, с 13 сентября 1939 г. по 5 июня 1940 г., но есть и пропущенные дни

(например, с 12 по 30 декабря; с 5 по 19 февраля). Очевидно, это было связано с тем, что в условиях военных действий не всегда имелась возможность взяться за перо. После таких перерывов в дневнике следует запись: «Перерыв большой. Особых изменений нет». Однако в хронологии наблюдается и определенная путаница. Так, после 30 марта автор описывает события, датируемые 1 марта; после 18 идет 15 марта, затем 30 апреля; 6 июня, затем 25 мая и снова 5 июня и т.д. Возможно, Ф.П.Парилов вспоминал какие-то моменты уже после описанного события, то, что не вошло в его дневник, по ходу повествования, и считал необходимым дописать это. В первой половине дневника записи велись простым карандашом, иногда синим, а со второй половины марта 1940 г., т.е. в мирное время, уже чернилами. Иногда почерк непонятен, записи трудно разоб- рать.

Важным является вопрос об отношении воинов к финской войне. Как свидетельствуют материалы дневника – это гнев по отношению к противнику и стремление с ним расправиться. Ф.П.Парилов называет финнов «гадами» («быстро разделаться с гадами белофиннами»), а огонь по противнику – «подарком» (финны получили хороший «новогодний подарок в виде ворошиловских килограммов»).

В связи с описанием противника и выражением патриотических настроений хотелось бы осветить отношение автора к Советскому государству, партии и власти. Перед нами Ф.П.Парилов – коммунист, пламенно верящий в победу советского народа в войне против агрессора, готовый с гордостью за любимую отчизну защищать свою страну, ее население, партию и тов. Сталина. Он испытал на себе влияние эпохи. Так, 30 ноября 1939 г. в дневнике сделана запись: «Исторический день для всего народа, а для меня новая веха в жизни; сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов Страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, гор. Ленина – Колыбели революции»; в этот же день «мы отмечали 22 годовщину октябрьской революции». В ночь на 1 января 1940 г. Парилов в первую очередь желает Новому году «быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма», отмечает, что прошедший год был «новым торжеством ленинско-сталинской национальной политики в отношении малых зависящих стран». Под 21 января 1940 г. читаем в дневнике: «16 лет как не стало великого вождя, основателя и организатора Красной Армии и Красного Флота» Владимира Ильича Ленина, а главной задачей является «защита колыбели революции г. Ленина». Автор неоднократно дает рекомендации своим товарищам для вступления в члены ВКП(б): «сегодня дал рекомендации для вступления кандидатом в члены ВКП(б) тт. Шулепову и т. Дроченко и Кузьмину...» (31 декабря 1939 г.); 20 января «дал рекомендации т. Рочечину Ан. Ив....». И даже в день своего рождения, 12 марта 1940 г., Парилов в первую оче-

редь думает о стране: «Сегодня стало, как 3 месяца мы стоим на этой огневой позиции», и как бы вскользь упоминает: «сегодня мне исполнилось 34 года...».

Интересны сведения Ф.П.Парилова о начале советско-финляндской войны. Как известно, 29 ноября 1939 г. состоялось выступление председателя СНК СССР В.М.Молотова по радио, в котором было сказано, что «враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности»¹². Это находит отражение и на страницах дневника (запись 30 ноября): «Утром сообщили, что глава правительства, Председатель СНК СССР тов. Молотов вечером [т.е. 29 ноября] выступил с речью по радио ко всем трудящимся, и что дан приказ перейти финскую границу и наступать». Как известно, ранним утром 30 ноября 1939 г. начались боевые действия: советские войска на всем протяжении советско-финляндской границы от Балтийского до Баренцева морей предприняли наступление против финских войск. Территорию Финляндии начала обстреливать береговая артиллерия Кронштадта. Самолеты, взлетавшие с недавно созданных баз в Эстонской ССР, совершали налеты на финские города, в т.ч. Хельсинки, где в это время правительство Финляндии обсуждало сложившуюся ситуацию. Это официальная версия начала советско-финляндской войны, которая длилась 105 дней и завершилась 12 марта 1940 г. в Москве подписанием мирного договора. Подтверждение этой версии находим и в дневнике непосредственного участника изучаемых нами событий – Ф.П.Парилова. Действительно, 30 ноября 1939 г. «в 8 час. утра первой заговорила пушка второй батареи, а за ней и наши гаубицы, и кругом пошла артиллерийская стрельба... После часовой стрельбы, где мы выпустили 40 снарядов батарея снялась с огневой, и мы двинулись для перехода границы, пехота ушла вперед, на ее долю выпало первой перейти государственную границу».

Из первых уст мы узнаем и об участии автора в боевых действиях. Это была очень тяжелая и мучительная работа, иногда длящаяся в течение нескольких суток. Это и бесконечная канонада пушек («первой заговорила пушка второй батареи»), и длинные переходы через болота, леса и дальние местности («спустились по крутому спуску мы в течение целых суток, все время помогая лошадям, преодолели болото и лес, и снова вышли на дорогу»), и несение ночного дежурства (1 февраля «ночью нес службу патруля, ведя наблюдение за воздухом ракетами белофиннов»), и бесконечные опасные рейды в тылы врага – разведывательные походы (22 января «ходил в разведку...»). Описание боевых событий очевидцем и непосредственным участником войны усиливает ценность данного источника.

Информация о Ф.П.Парилове содержится в воспоминаниях еще одного участника советско-финской войны З.В.Панева, который писал:

«Сыктывкарец Филипп Парилов, известный наш физкультурник-лыжник, который сумел показать себя и в полку», был «включен в состав группы» для проведения «предварительной разведки на лыжах». Панев отмечает, что на Парилова «возлагали определенные надежды», и в конечном итоге «разведка прошла удачно...Филипп Парилов...показал себя смелым разведчиком. Парилов был награжден медалью «За отвагу». Впоследствии Филипп Парилов «храбро воевал против немецко-фашистских захватчиков и вернулся с фронта со многими боевыми наградами»¹³. О своих наградах пишет в своем дневнике и сам Филипп Павлович. 23 февраля 1940 г. он сделал в дневнике следующую запись: «Выпущенном номере стенгазеты отмечены мои боевые действия, и я вместе с комбатом политруком представлен к правительственной награде». И тут же автор задается вопросом: «неужели мой поход на лыжах в Питкоранта является отважным и героическим походом? Что-то не верится». Очевидно, Филипп Парилов явно недооценивает свои заслуги перед отечеством, хотя та самая разведка и «прошла удачно». О подвиге Парилова пишет и его брат Василий Парилов в своих воспоминаниях. Так, мы узнаем о том, что более «передовые части [среди которых был и Филипп Павлович] попали, хотя и не в плотное, окружение... Командование приняло решение осуществить разведывательный рейд из передовых частей к своим тылам по берегу и льду Ладоги с целью поиска путей подвоза боеприпасов и продуктов. Эту задачу, как хорошему лыжнику, поручили выполнить Филиппу», который «с честью справился: на лыжах по глубокому снегу ночью и ранним утром совершил несколько рейдов к тыловым подразделениям и обратно»¹⁴. За эти заслуги Ф.П.Парилов был награжден медалью «За боевые заслуги», которую ему торжественно вручил в Кремле сам «всесоюзный староста» М.И.Калинин¹⁵.

Подробно в дневнике Ф.П.Парилова описаны и все военные тяготы: голод, холод, отсутствие необходимой одежды. Ситуация порой доходила до того, что «хлеба получали на 100 чел. буханку и 50 гр. сухарей»; «до сегодняшнего дня не получали 4 дня хлеба, только по 100 грамм сухарей»; «получали на 3-4-10 ч. буханку»; варили и ели конину ввиду отсутствия другого мясного продовольствия: «зарезали лошадь и на обед варили конину с гороховым пюре» (23 февраля), «зарезали 3-х лошадей и варили дополнительно мясо» (25 февраля), «ночью варили конину» (27 февраля). Причина нехватки продуктов питания заключалась в том, что не приезжали продовольственные обозы, особенно ситуация с продовольствием обострилась в период с 19 февраля по 1 марта 1940 г. Так, «обоз бывает обстрелян и есть раненые»; «обоз из Питкоранта не пришел, хлеба не получили» (20 февраля); «обоз из Питкоранта не пришел» (21 февраля); 22 февраля 1940 г. «обоз снова не пришел», 23 февраля тоже самое... и лишь 28 февраля обоз удалось «повернуть обратно». Суровый северный климат также давал о себе знать: 35-градусные финские морозы стали причиной заболевания Филиппа Павловича. Он пишет в дневнике: «чувствую себя плохо, кашель, болит гор-

ло». А в ночь на 28 марта ветер и метель были такой силы, что к утру замело вход в землянку: «с вечера начался ветер западный, со снегом, уже когда ложились спать весь вход в землянку занесло снегом. Ночью не мог выйти из землянки...»

Казалось, война отнимает у человека все силы, однако, определенное внимание в дневнике Ф.П.Парилова занимают записи, характеризующие его отношение к родным. Уже в самом начале дневника узнаем о родных и близких автора: жене Елизавете Федоровне, братьях Ване, Сереже, Павлике, в ходе дальнейшего повествования о Васе, сестре, отце. Чувствуется трепетно-нежное отношение к самым дорогим и любимым людям. Так, жену Лизу Филипп Павлович называет «любимой», которую хочется «скорее обнять», а, получив письма от отца и брата, он находится в хорошем расположении духа: «Папа пишет, что живет хорошо, цех работает по-стахановски...». В дневнике сделана запись: «...получил письмо из Коми Совнаркома на мою жалобу, ответили, что приняты меры в обеспечении семьи дровами и ремонта квартиры». Таким образом, даже в самый тяжелый период своей жизни Ф.П.Парилов, прежде всего, думает и заботится о своих родных и близких. Отправление ходатайства о поставке дров своей жене еще раз свидетельствует о том, что автор дневника – любящий и заботливый муж. Проявляется и определенное беспокойство по поводу отсутствия писем от брата: «что случилось с Васей, нет письма с 4 января» (19 февраля). Приведенные записи из дневника Ф.П.Парилова свидетельствуют о теплых и дружеских отношениях автора с его родственниками.

Бесхитростные строки дневника Филиппа Павловича Парилова позволяют нам лучше понять поведение одного из участников советско-финляндской войны, определить мотивы его поступков и действий, проследить влияние эпохи на человека.

---

¹ Парилов В. История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания. – Сыктывкар, 2005. – С. 42.

² Там же. – С. 43.

³ Там же.

⁴ Фронтовики Республики Коми. Документальный фотоальбом «Память огненных лет». Кн. первая. – Тверь, 1995. – С. 143.

⁵ Парилов В. Указ. соч.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 44.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 47.

¹¹ Дневник Ф.П.Парилова Рукопись. 50 страниц. // Из личного архива К.Ф.Попковой.

¹² Молотов В.М. Ноты Народного комиссариата иностранных дел. – М., 1942. – С. 15.

¹³ Панев З.В. Вехи в пути. – Сыктывкар, 2000. – С. 303.

¹⁴ Парилов В. Указ. соч. – С. 43.

¹⁵ Там же. – С. 44.

«Дневник наркома»

(дневниковые записи В.А.Малышева – чиновника высшего эшелона власти). Опыт историко-антропологического анализа.

«Главный инженер страны», «человек-ракета», «командир стальной вселенной». Столь высоких эпитетов еще при своей жизни удостоился наш земляк, уроженец г. Усть-Сысольска – Вячеслав Александрович Малышев. Государственный деятель высшего эшелона власти в 1930-1950-е гг., он малоизвестен на Родине. В большей степени этому способствовала его деятельность, связанная с разработкой новых видов вооружения и техники. Восстановить в полной мере облик этого человека, воссоздать его разноплановую деятельность позволяют дневниковые записи и фотографии, переданные Национальному музею Республики Коми в августе 2005 г. представительством Республики Коми в Москве.

Вячеслав Александрович Малышев (1902-1957) окончил железнодорожное училище в г. Великие Луки, работал слесарем, машинистом паровоза, 1934 г. окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана¹. За период 1930-1939 гг. прошел путь от конструктора до директора Коломенского машиностроительного завода, в 1939-1940 гг. – нарком тяжелого машиностроения СССР, в 1941-1945 гг. – нарком танковой промышленности СССР, в 1945-1947 гг. нарком (министр) транспортного машиностроения СССР, в 1947-1953 гг. – заместитель Председателя Совета министров СССР, председатель Госкомитета по внедрению передовой техники в народное хозяйство, министр судостроительной промышленности СССР, министр транспортного и тяжелого машиностроения.

После войны В.А.Малышев – нарком транспортного машиностроения, возглавляет проектирование и сооружение первого завода по производству урана. По инициативе Малышева в 1952 г. начато строительство первой атомной подводной лодки. Он сам возглавил проектирование ядерной энергетической установки для подводной лодки. В 1953 г. Малышеву поручили возглавить Министерство среднего машиностроения, под крыло которого вошли I и III главные управления при Совмине СССР (атомная и ракетно-космическая промышленность). Малышева неслучайно и по праву считают первым «атомным» министром страны. Герой Социалистического труда (1944). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Суворова, Кутузова I степени, многими другими на-

градями². В 1953 г. во время испытаний первой водородной бомбы Малышев пожелал лично ознакомиться с бетонными опорами башни, скрывавшей от взора чудо отечественной науки. Уже позже стало известно, что радиация возле них достигала 400 рентген в час. Привычка во всем убедиться самому, помноженная на увлеченность в работе, привела к неизлечимой болезни. В 1957 г. Малышев скончался от лейкоза. Ему не было и 55 лет.

Дневник В.А.Малышева охватывает период с 15 октября 1937 г. по 27 июля 1952 г. (на этом постоянные записи прерываются). Однако в разные периоды и на отдельных листах дневник велся еще до 1 декабря 1952 г. Записи дневника велись в общей тетради большого формата чернилами и карандашами разных цветов. В тексте имеются многочисленные зачеркивания и исправления. После смерти В.А.Малышева в 1956 г. дневник вместе с другими документами был направлен в архив ЦК КПСС. В 1997 г. он впервые был опубликован в журнале «Вестник» практически без изъятий и сокращений³.

Безусловно, дневник носит отпечаток своего времени. Стремительность вхождения В.Малышева в номенклатурную обойму ЦК партии, неожиданную для него самого, ставшие регулярными встречи с «вождем всех времен и народов» и его соратниками, наложили заметный отпечаток на дневниковые записи. В нем множество записей о беседах с «тов. Сталиным и его соратниками», восторженность и умиление.

«12 января 1938 г. Ну вот и 1-я сессия Верховного Совета. Незабываемый день... Действительно, собрался цвет нашей земли. Но, конечно, исключительную радость и волнение я испытал, увидев тов. Сталина и замечательных Соратников...

5 февраля 1939 г. Это день я никогда не забуду. Впервые в жизни разговаривал с тов. Сталиным. Днем позвонили в Коломну из Кремля и сказали, что вызывает тов. Сталин. Оробел, но, по правде сказать, и в тоже время обрадовался. Ехал из Коломны в Москву, волновался и терялся в догадках. Думал, что правительство, тов. Сталин хотят дать нашему заводу новое задание... Тов. Молотов сказал, что пригласили меня как директора крупного завода посоветоваться о разделении Наркомнаца...

Когда кончилась эта часть беседы, тов. Сталин сказал, что раз решили делить, то надо подобрать наркомов и вот они (при этом указал на сидящих здесь членов Политбюро) рекомендуют Вас наркомом. Я так растерялся, что, очевидно, пробормотал что-то несвязное. Тов. Сталин рассмеялся и сказал: «Я вот защищал Вас, а они против меня, что я могу один против всех сделать?!», а сам смеется, особенно глаза веселые...

Я дал согласие, поблагодарил за доверие... Беседа продолжалась около часа, очень тепло все попрощались со мной. Я вышел из кабинета тов. Сталина как во сне...

Март 1939 г. Много интересного было за прошедший месяц, но так много работы, что писать некогда. Избран делегатом на 18 съезд партии. Слушал изумительный доклад тов. Сталина. Видел много дней подряд тов. Сталина и его замечательных Соратников».

21 декабря 1939 г. Сегодня 60-летие тов. Сталина... В этот день хочется думать о тов. Сталине, и невольно вспоминается все, что связано с ним... Характерная черта тов. Сталина – это его умение слушать людей. Он всегда выслушивает возражения и предложения, даже, казалось бы, самые незначительные... На заседаниях и совещаниях у тов. Сталина не чувствуется никакой натянутости, официальности. Создается простая, товарищеская обстановка...».

Что стоит за восторженными фразами? Осторожность политика? Ведь Малышев находился в ближайшем окружении Сталина с 1939 по 1953 гг. Или это старание человека защититься от репрессий, ведь его семью тоже не обошли их жернова? А, может, на самом деле Вячеслав Александрович, как и многие миллионы людей того времени, боготворил «вождя всех времен и народов»?! Дневник прямого ответа на этот вопрос не дает.

Постепенно записи сменяются более сдержанными оценками, а затем приобретают лишь деловую окраску.

1 июля 1942 г. Позвонил по телефону т. Сталин и крепко ругался за то, что не выполняется план по танкам Т-34... Через полчаса позвонил т. Молотов и сказал: «Мы решили освободить Вас от работы наркома танковой промышленности за невыполнение плана по танкам Т-34 и назначили наркомом т. Зальцмана».

10 декабря 1947 г. Сегодня на квартиру позвонил тов. Сталин. Долго разговаривали, вернее, говорил тов. Сталин, а я больше слушал и изредка вставлял реплики. Тов. Сталин говорил о следующем: «Вот у нас Госплан очень перегружен... Он стал громоздкой и малоподвижной организацией... Надо создать государственный центр по руководству и внедрению новой техники – Государственный комитет по новой технике... Вот как Вы смотрите на такую реорганизацию?»

Я сказал товарищу Сталину, что я не подготовлен дать исчерпывающий ответ, но мне кажется, что реорганизация Госплана назрела, и что также назрел вопрос об объединении по вопросам новой техники.

«Вот правильно, – сказал тов. Сталин и далее спросил: – Как Вы смотрите, если мы Вас назначим председателем Государственного Комитета по новой технике и заместителем Председателя Совета министров? Вы, кажется, подходящий человек и любите новую технику?».

Я ответил, что охотно возьмусь за это дело».

В свой дневник В.А.Малышев вносил не все упоминания о встречах со Сталиным. По журналу записей посетителей кремлевского кабинета Сталина таких встреч было около восьмидесяти. Малышев упоминает или подробно записывает свои впечатления примерно о тридцати.

Дневник В.А.Мальшева представляет интерес, прежде всего, с точки зрения изучения отдельных эпизодов, связанных с развитием советской военной промышленности и техники. В нем много записей о встречах со специалистами разных направлений военной промышленности, технические характеристики, решения ПБ (Политбюро) по выпуску той или иной военной продукции.

«15 декабря 1943 г. Сегодня докладывал тов. Сталину о новом танке – Т-34 с 85 мм пушкой и новой башней. Товарищу Сталину танк очень понравился... Подписал постановление о выпуске этих танков на заводе № 112.

4 июня 1949 г. Были на ПБ. Обсуждался вопрос о танке Т-54. Тов. Сталин еще раз подчеркнул, что танки должны быть маневренными и обладать хорошей проходимостью, и если новое вооружение и утолщение брони влечет за собой ухудшение маневренных качеств танков, то надо отказаться от утолщения брони и нового вооружения...

27 мая 1950 г. ...Тов. Сталин резко поставил вопрос о том, что водоизмещение сторожевиков очень велико и надо прекратить строительство таких дорогих кораблей...».

Личные переживания, связанные с отставками и передвижениями по работе, Малышев комментирует очень коротко, и приходится лишь догадываться, что стоит за этими скупыми фразами. Даже свою отставку 1 июля 1942 г. с поста наркома танковой промышленности он описывает следующим образом: «1 июля 1942 г. ...Мне, конечно, после 2-х лет работы по танкам очень и очень тяжело переносить такое решение, но решение ЦК есть закон и направлено к улучшению дела. А это самое главное...».

Почти год спустя 27 июня 1943 г. Малышев был вновь назначен наркомом танковой промышленности. Вячеслав Александрович записал об этом только 2 июля 1943 г.: «Был на Уральских заводах. В Нижнем Тагиле 27 июня 1943 г. Берия мне сказал о назначении наркомом танковой промышленности. Не скрою – был рад. Во-первых, это означает доверие, во – вторых, это означает возвращение на любимое дело, в третьих, потому что Зальцман вел дело не так, как надо, и мне было обидно и больно видеть это...».

В дневниковых записях чиновника высшего эшелона власти есть лишь один эпизод об отдыхе, и то связанный, по мнению Малышева, «с забавным случаем».

«6 августа 1944 г.

Вчера, 5 VIII, днем позвонил Косыгин и предложил поохотиться на уток, но ехать, говорит, далековато... Ехали, действительно, довольно долго... Поохотились хорошо и с удовольствием. Усталые, часа в 3 дня 6 VIII, в воскресенье, возвратились в дом лесничего, немножко отдохнули и сели поесть. А репродуктор (радиотрансляция) хрипит себе и хрипит.

Вдруг все затихли и слышен голос диктора, читающего Указ Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Социалистического труда Народному комиссару танковой промышленности тов. Малышеву. Все, в том числе и

я, были удивлены, начали поздравлять, а Косыгин даже высказал подозрение, что я скрывал это дело. А я узнал о своем награждении тогда же. Оказывается, буквально через полчаса после нашего отъезда на охоту передавали по радио Указ и постановление о присвоении звания генерал-лейтенанта. Начались звонки с поздравлениями на службу, а потом на квартиру. Секретари побоялись сперва говорить, что уехал на охоту. В самом деле, какой случай. Лет десять не ходил на охоту и вот собрался...».

Последняя запись в дневнике Вячеслава Александровича Малышева относится к 1 декабря 1952 г. Пожалуй, это самая неосторожная запись за долгие годы. Не выражая своего мнения, и лишь цитируя слова Сталина, Малышев касается такой сложной темы, как положение в Государственном Политическом управлении (ГПУ): «...Неблагополучно в ГПУ. Притупилась бдительность... Надо лечить ГПУ... Самоуспокоение от успехов, головокружение... Есть одно средство – контроль и критика. Тут, в ГПУ, прикрывались особой секретностью и этих средств не применяли...».

Почему Вячеслав Александрович перестал вести дневник? Ведь он вел его в течение пятнадцати лет! Возможно, что далее вести дневник не позволило отсутствие времени, связанное с новым назначением В.А.Малышева в марте 1953 г. руководителем огромного Министерства транспортного тяжелого машиностроения СССР. А, может быть, это было связано с участием Малышева в советском атомном проекте по созданию в СССР атомной промышленности, сверхсекретность которого не позволяла делать в личном дневнике даже невинных записей.

Так или иначе, дневник В.А.Малышева дает возможность представить его автора активнейшим участником событий, происходящих в нашей стране в период 1930-х – начала 1950-х гг., Человеком, в деятельности которого отразилась целая эпоха.

---

¹ Маркизов Л., Курочкин М. Нарком // Связь времён. – Сыктывкар, 2000. – С. 443.

² Полунин. Первый атомный министр // Атом-пресса. Газета российских атомщиков. – 2002. – № 46. – С.1-3.

³ Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти // Вестник. – 1997. – № 5. – С.103-147.

Коробейников Алексей Владимирович

соискатель при аспирантуре

Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Сахарных Денис Михайлович

соискатель при аспирантуре

Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Гербер: мир человека в праздничной культуре

*вотяки за работу любят взяться
после праздника!*

Введение

Праздник *гербер*, удмуртский по происхождению и колориту, давно уже носит в Удмуртии общенародный характер и по популярности обгоняет, пожалуй, даже такой традиционно межэтничный праздник, как сабантуй. Празднуется гербер летом. Привязки к конкретной календарной дате нет. Часто жители Удмуртской Республики ориентируются на заранее объявленное время проведения республиканского фольклорного фестиваля «Гербер» (за последние десять лет дата этого мероприятия попадала всякий раз в промежуток с 10 по 26 июня – см. табл. 1). Фестиваль проводится каждый год в разных местах Удмуртии при участии и действенной помощи республиканского руководства, чей рабочий график также приходится учитывать организаторам этого «главного» гербера, программа которого является образцом для подражания при организации подобного же рода праздников на местах.

год	дата	район, деревня	источник (газета)
1992	?	Граховский, Кузебаево	Алнашский колхозник. – 1993. – 19 июня.
1993	?	Можгинский, Пазьял	
1994	?	Киясовский, ст. Солья	Известия Удмуртской Республики. – 1994. – 2 июля.
1995	24-25июня	Шарканский, ст. Парашур	Удмурт Дунне. – 1995. – 24 июня.
1996	до 29 мая 9 июня	Ижевск Устиновский, Якшур	Удмуртская правда. – 1996. – 3 июня Удмурт Дунне. – 1996. – 20 июня.
1997	?	Воткинский, Кукуй	
1998	до 18 июня	Вавож	Удмурт Дунне. – 1996. – 18 июня.

1999	?	Малая Пурга	
2000	?	Селты	
2001	10 июня 12 июня	Глазовский, Яшкино Ижевск, Березовая роща	Известия Удмуртской Республики. – 2001. – 6 июня.
2002	29 июня	Як-Бодьинский, Пушкари	Известия Удмуртской Республики. – 2002. – 6 июля.
2003	28 июня 12 июня	Игринский, Сундур Ижевск, Березовая роща	АиФ Удмуртии. – 2003. – 30 июня. Земля Удмуртии. – 2003. – 12 июня.
2004	26 июня	Ува	

Табл. 1

Праздник Гербер: даты и место проведения.

Проходит же «главный» гербер примерно следующим образом. С утра в назначенный день собравшиеся на праздник люди участвуют в народном гулянии: ходят из дома в дом, угощаются, поют песни и веселятся, после чего постепенно собираются в одно место (как правило, на большом лугу), где бывает уже устроена сцена и стоят котлы для приготовления каши с мясом. Участников праздника приветствуют местные и республиканские руководители, они же награждают отличившихся селян, после чего примерно к полудню приготавливается каша, и происходит символическое моление. Кашу съедают потом участники гербера, для которых устраиваются также всевозможные концерты, конкурсы, спортивные состязания, выездная торговля. Народное гулянье может продолжаться до ночи.

Мнение современных этнологов и фенологический календарь

Современный *летний* праздник гербер символизирует окончание *весенних* полевых работ.

Именно эту формулировку почти в один голос повторяют каждый год республиканские средства массовой информации. Особенно забавным бывает читать такие репортажи в районных газетах, когда журналист-сельчанин описывает, например, совершенный во время праздника обряд *бусы сюан*, в ходе которого под июньским солнцем колосья с одного поля срываются и переносятся на соседнее. Зачастую в том же номере газеты можно видеть репортажи и фотографии с сенокоса.

Данное обстоятельство ни в коем случае нельзя приписывать непрофессионализму журналистов: они всего лишь идут вслед за местными этнографами. Так, на страницах популярного учебника «Этнография уд-

муртов» Владимир Владыкин и Людмила Христолюбова пишут: «Важный этап крестьянского труда, связанный с весенней обработкой земли, завершился праздником, называемым в разных местах *гербер*, *гужем юон*, *куарсу*»². Поясним, что и *гужем юон* (в переводе с удмуртского «летний праздник», «летняя пирушка») ³, и *куарсу* («пиво листьев» – праздник, связанный с возложением березовых листьев на воршудную полку куалы ⁴) отмечались хотя и в разных локальных традициях, но в один и тот же Петров день (29 июня ст.ст.). Оба автора не уточняют, каким образом летний даже по названию, приходящийся по нынешнему календарю почти на середину июля праздник стал завершать весеннюю обработку земли.

И это не единственная странность в предоставляемых современными этнографами описаниях праздника. Тот же Владимир Владыкин в соавторстве с Татьяной Перевозчиковой пишет, что гербер есть «летний праздник, проводимый в последние дни летнего солнцестояния», что «сейчас Гербер строго приурочен к 12 июля», и при этом «считается, что это последний праздник земли, последний летний праздник: до этого дня заканчиваются все весенние земельные работы, в которых применяется плуг». «Называли его еще *куарсу* (“праздник в честь зелени”), – уверяют названные авторы, – так как в это время лето достигает своего разгара» ⁵.

Примерно о том же говорит Татьяна Миннихметова: «Гербер – массовый праздник, проводимый после окончания всех весенних земельных работ с применением плуга до начала уборочной страды. В деревнях Унинского района Кировской области... приурочен он был к 21 июля... Гербер – обряд-благодарение в честь окончания посадочно-посевных работ, взошедших хлебов... Можно сделать вывод, что обряд проводился с целью просить у богов созревания хлебов, хорошего урожая...» ⁶.

Елена Попова в своей посвященной бесермянам монографии утверждает: «Срединой лета называли гербер (буквально: время после пахоты), который длился около недели и совпадал с летним солнцестоянием, а в поздней традиции был приурочен к дням (так в тексте-авт.) Петра и Павла (12 июля)» ⁷.

Как бы там ни было, но в наше время все «весенние земельные работы с применением плуга» (попросту говоря, *вспашка*) в Удмуртии оканчиваются в первой декаде мая. По данным, собранным Борисом Гавриловым, Григорием Верещагиным, Иоанном Васильевым, и уже в наше время по материалам архивов Маргаритой Гришкиной, в XVIII-XIX вв. сев повсеместно оканчивался во второй декаде мая ⁸, притом, севу предшествовало многократное боронование, и заделка семян в почве также происходила боронованием, что отнимало у земледельца значительное время, однако же и тогда вспашка оканчивалась около первой декады

мая. В любом случае празднование «ради окончания пашни» в июле, то есть через два месяца после реального окончания пахоты, и в старое время и сейчас выглядит, по меньшей мере, странно.

Указание современных авторов на то, что праздник проводился «в последние дни летнего солнцестояния» (которое случается в последней декаде июня) никак не увязывается с теми датами праздника, которые сами же они и приводят – 12 июля н.ст. (Петров день) или 21 июля н.ст. На протяжении, по крайней мере, XVIII-XX вв. (а на самом деле и в более отдаленное время) окончание весенне-полевых работ в мае – никак не могло приходиться не период летнего солнцестояния (22 июня н.ст.).

Посев яровых в Удмуртии производят в первой декаде мая, сев озимых – в середине августа, поэтому июльский гербер не может являться праздником «благодарения в честь окончания посадочно-посевных работ», ибо он отмечается в большом промежутке между этими работами. Яровые у нас дают всходы в третьей декаде мая, озимые – в третьей декаде августа, через неделю после посева⁹, следовательно, гербер в июле никак не может отмечаться «в честь взшедших хлебов». Даты гербера, приводимые этнографами (12 или 21 июля) близки к области периода созревания озимой ржи 16-23 июля и молочной спелости яровой пшеницы и овса 15-30 июля¹⁰. Разумеется, в это время «просить у богов хорошего урожая» бессмысленно – урожай озимых уже бывает весь налицо, урожай яровых также виден в полном объеме, и увеличиться никак не может.

Гербер отмечается в фенологический период раннего лета, и нельзя согласиться с тем утверждением, что лето в этот период «достигает своего разгара». Гербер даже чисто с формальной точки зрения вовсе не последний летний праздник – после него удмуртами отмечается, уже в период полного лета, еще и праздник нового урожая *выль* (Ильин день, 2 августа).

Свидетельства источников

Складывается впечатление, что современные авторы в своих описаниях как минимум не принимают во внимание общеизвестные данные фенологического календаря. Поэтому, как и во многих подобных случаях, для прояснения ситуации приходится обращаться к работам дореволюционных этнографов, современников описываемой ими традиции. Наиболее подробно пишет о гербере исследователь обрядности глазовских удмуртов Николай Первухин (и его описание объективной стороны, разумеется, весьма отличается от той картины праздника, что можно наблюдать теперь). «Ныне праздник “Дзэк-гэрбэр” <‘большой гербер’> совпадает с христианским праздником Св. Петра и Павла (29 июня), но совпадал ли он прежде, этого сказать нельзя. Во всяком случае, этот

праздник доставлял вотякам отдых после пашни и посева ярового и перед началом сенокосной страды... к вечеру представители семей идут в *дзэк-квалу* <‘большую куалу’> с приготовленными припасами ...и обычным порядком разъедают здесь кашу, причем *дзэк-попом* <‘старшим жрецом’> читается молитва об избавлении от града, червя, пожара и сильных ветров, а также о ниспослании силы, ловкости и здоровья в предстоящий сенокос. Утром 30 числа хозяйки снова стряпают блины... к молению этого дня, которое носит название “*джэзг утчан*” т.е. смотрины ржи, или “*джэзг сектан*” – чествование ржи»¹¹. Помимо ‘большого гербера’, существовал и ‘малый гербер’, *Почи гэрбэр*, знаменовавший окончание сенокоса и приуроченный к Ильину дню¹², т.е. ушедший еще дальше в лето. При этом обряды, связанных с рожью (*джэзг утчан*, *джэзг сектан*), упоминаются¹³ неслучайно: дата праздника, 12 июля н.с., в соответствии с фенологическими наблюдениями есть канун созревания озимой ржи в Удмуртии. Молитва, читаемая в этот день, перечисляет природные факторы, которые враждебны именно созревшему урожаю зерновой культуры: град, червь, пожар и ветер. Обряд смотрин, или чествования ржи, совершаемый на второй день гербера, по определению не имеет ничего общего с давно прошедшей пахотой. Кроме того, Первухин приводит такие тексты молитв, произносимые во время весенних обрядов: «...пусть до гербера каждая соломина вырастет в 12 колен!», «...в гербер, когда мы выйдем работать-трудиться, во время кошения и просушивания сена, во время метания стогов, дай нам лёгкости и силы!»¹⁴.

И для северной (Первухин) и для южной традиции на рубеже XIX-XX вв. наблюдатели указывают одно и то же время празднования гербера – Петров день¹⁵, когда время завершения пахоты давно уже миновало: пашня и посев совершаются за два месяца до того.

Тем не менее, гербер, несомненно, праздновался и весной. Тот же Иоанн Васильев указывает: «Петров день (также) *Геры бер* – посемейный праздник, ради окончания пашни»¹⁶. Здесь обращает на себя внимание не только явное противоречие между датой и приуроченностью праздника, как это имеет место и у Первухина, но также квалификация его как *посемейного*, в то время как Первухин рисует этот праздник *общинным*.

Как будто и этимология слова *гербер*, выводимого из слов *геры* ‘соха’ (объяснить превращение слова *геры* в слово *гер* не составляет труда) и *бер* ‘зад; то, что сзади’, указывает на весенний характер праздника: обычно в использовании слова *гер(ы)* ‘соха’ видят метонимию и обозначение пахоты, а компонент *бер* толкуют – не без существенной грамматической натяжки – как синоним удмуртского послелого *бере* ‘после’¹⁷. В таком случае все слово должно обозначать, по-видимому, ‘(праздник) после пахоты’.

Каким образом можно совместить столь разноречивые указания? Принципиально важной представляется информация Бориса Гаврилова, исследовавшего локальные традиции удмуртов Казанской губернии. Гаврилов, точно так же, как и Первухин, упоминает не об одном, а о двух герберах, *большом* и *малом*, но при этом дает иные датировки и указывает на иную приуроченность, а главное – рассматривает сами праздники в контексте череды сакральных действий, совершаемых удмуртами в течение года – *молений*, во время которых в жертву приносится *каша с говядиной*. «Общие моления, происходя от частных, – пишет Гаврилов, – совершаются всем селением, чем и разнятся от частных, потому что бывают те же жрецы, та же обстановка и цель, какие бывают при частных, за исключением места: общие совершаются в полях, частные – в куалах. Эти общие курбоны совершаются после посева льна, в конце мая или в начале июня и по окончании сенокоса, у больших рек, возле которых большею частью бывают луга... Если же речки маленькие, то общих жертв при них не бывает и вотяки таких селений ограничиваются уже совершением только частных курбонов, причем каждое семейство колет в своей куале молодого барана, обещанного в начале сенокоса, который съедается тут же, в знак благодарности за благополучное окончание сенокосения, при такой же обстановке и обрядах, при каких совершаются частные родовые жертвоприношения. После этого пируют, называя свое пиршество *почи гэр бэр*, в отличие от настоящего *гэр бэр*, празднуемого вскоре по окончании посева»¹⁸.

Вышесказанное, по-видимому, позволяет снять противоречие в определении гербера то как общинного, то как посемейного праздника. Далее, оба исследователя сходятся на том, что важные операции сельскохозяйственного цикла отмечались у удмуртов специальным жертвоприношением. Время совершения тех из них, что были приурочены к окончанию сева, началу или завершению сенокоса, могло именоваться *гербером*, при этом если один праздник именовался собственно *гербером* или *большим гербером*, то следующий за ним мог именоваться гербером *малым*.

В позднейшее время гербер, по-видимому, приурочивался в основном к началу сенокоса. Почему же именно эта технологическая операция выделялась среди прочих специальным праздником? Во-первых, в силу особого значения сенокоса в жизни крестьянина. Анализ актов купли-продажи, залога и аренды сельскохозяйственных угодий в XIX в. показывает, что и продажная цена, и оценочная стоимость и цена аренды сенокосов в десять раз превышает аналогичные показатели для пашни¹⁹. Это можно объяснить тем, что продуктивность сенокоса в стоимостном выражении была больше продуктивности пашни: используя сено, можно

было создать гораздо более значительную прибавочную потребительную стоимость (калорийные продукты для семьи) и меновую стоимость (товар на рынок). За сено (или за продукты животноводства, полученные через это сено) можно было выручить на рынке гораздо больше, чем за зерно, полученное с той же площади при меньшей трудоемкости сенозаготовок. Причина того, что крестьянин, особенно живущий в глубинке, не мог узко специализироваться, отказавшись от земледелия в пользу кормопроизводства, состояла, прежде всего, в неразвитости товарно-денежных отношений и чрезвычайной трудоемкости хранения и перемещения сена и продуктов животноводства на рынок.

Этот летний праздник открывал очередной фенологический сезон – *полное лето*, то есть он не был ни весенним, не предосенним (последним летним). Наш вывод относительно субъективного и фенологического содержания этого праздника вполне согласуется и со свидетельством Татьяны Миннихметовой о том, что в Унинском районе Кировской области в наше время гербер приурочен к 21 июля. У нас нет, к сожалению, в руках источников по агроклиматической ситуации в Кировской области, но Унинский район расположен на широте Дебесского и Красногорского районов Удмуртии (в северной климатической зоне), а по данным многолетних наблюдений, дата созревания озимой ржи для этих районов – 22-23 июля²⁰.

Реальной основой праздника является здесь уже не отдых от весенних трудов, а подготовка к уборочной страде, в том числе путем отправления обрядовых действий из области охранительной и производственной магии – крестьянин испытывал потребность в верховном заступничестве в деле сохранения плодов его годовичного труда (зерна и сена).

Во-вторых, помимо декларируемой сакральной стороны, устраиваемое во время такого гербера моление имело, как представляется, и вполне прозаическое назначение.

Вообще, праздники, приуроченные к технологическим операциям были общинные и семейные так как и сами технологические операции были общинные и семейные. Например, общеизвестно, что в условиях поземельной общины и трехполья действовал принудительный севооборот – каждое общинное поле (яровое, озимое, паровое) было разделено на полоски. Пользователи всех полосок должны были совершать каждую из операций до посева одновременно. То есть, вегетация растений одного вида на всех полосках данного поля должна была происходить синхронно. И стартовый сигнал к этим операциям давался через общинный праздник. Либо финал операции отмечался праздником, который был для каждого домохозяина своеобразным отчетом о проделанной вовремя работе, и демонстрацией его лояльности по отношению к интересам общи-

ны. Ведь если хозяин полоски не мог обработать почву и засеять ее, это должны были бы сделать его соседи по полю, либо община в складчину, причем руководствуясь вполне меркантильными соображениями – незасеянная полоска зарастала сорняками, которые засоряли все поле, снижая урожайность, и увеличивая трудоемкость за счет прополки.

Сенокос же есть операция, сроки выполнения которой на той или иной площадке не оказывают негативного влияния на продуктивность соседних угодий. Следовательно, сенокос – это проблема одной семьи, и у общины нет производственной необходимости предписывать своим членам время начала сенокоса, и освящать эту команду своим и божественным авторитетом посредством праздника. Однако начало сенокосной страды бывало отмечено общественным молением²¹. Видимо, потому, что за этим праздником в жизни селянина следовал период напряженнейшего, почти круглосуточного труда. Буквально за несколько дней с середины июля до начала августа ему надо было управиться и с сенокосом, и с уборочной и с посевом озимых. Промедление с любой из этих технологических операций оборачивалось недобором урожая и грядущей голодовкой. Поэтому на страду выходили все трудоспособные, и работали до упаду. Это было для них то, что обозначается (скомпрометированным на сегодня) термином «битва за урожай». И этнографические источники, и простое знакомство с крестьянским бытом говорят нам, что повседневная крестьянская пища содержит в основном растительные компоненты. Все составляющие ежедневного рациона, за исключением молока, имеют низкую калорийность, почти не содержат протеинов, бедны жирами и углеводами. Кроме того, в страду просто некому заниматься приготовлением еды, которая требует длительной обработки (к слову, летом крутую кашу или мясо в домашней печи ежедневно не сварить и хлеб каждый день печь не станешь, поскольку в избе и без того жарко; логично, что семья во время гербера ест кашу с говядиной там, где она была приготовлена – в *куале*, которая используется в качестве летней кухни). У русских крестьян региона для страды запасались пищевые ресурсы в виде высококалорийных консервов, годных к употреблению при минимальном приготовлении (предки одного из авторов этих строк хранили в погребе солонину, заготовленную для страдных дней еще зимой – вся она съедалась для поддержки сил членов семьи именно в эти дни). В условиях общинной жизни и отправления жертвенного культа у крестьянина, однако же, нет острой необходимости консервировать мясо, чтобы получить усиленное питание перед страдой. Ведь он может участвовать в общественном молении, в ходе которого получит свою порцию мяса жертвенного животного. Таким образом, поедание ритуальной, прежде всего мясной пищи, а также масла, давало удмуртскому общиннику, осо-

бенно бедняку, возможность ввести в организм столь необходимые именно в нужный момент протеины и жиры, получение которых иным путем было бы для него в это время затруднительно или невозможно. И.Васильев прямо указывает, что пиршество перед сенокосом продолжалось 2-3 дня²².

Заключение

Итак, в разных локальных традициях гербер отмечался в разное время, мог отмечаться дважды (как '(большой) гербер' и как следовавший за ним 'малый гербер') и быть приуроченным к разным технологическим сельскохозяйственным операциям; притом в других локальных традициях к этим же операциям могли быть приурочены праздники с иными названиями. Летний гербер соотносился, как правило, с днем Петра и Павла (29 июня с.ст.), и субъективная сторона его заключалась в производстве магических обрядов и действий с целью сохранения урожая озимых на корню на период его созревания и уборки. После праздника начинался сенокос и уборочная страда. Праздник приходился на «рабочую межень» – дни естественной паузы в технологическом цикле земледельца («перед Петровым днем недели на две полевые работы прерываются»²³).

На сегодняшний день понимание реальных основ и функций праздника гербер в значительной степени утрачено. Едва ли возможно сейчас восстановление понимания гербера как праздника, открывающего сенокос, поскольку сроки проведения гербера существенно сдвинулись к весне: если в XIX в., напомним, его праздновали 12 июля н.ст. (а кое-где и 21 июля), то теперь празднуют месяцем раньше (на юге Удмуртии и в северном Татарстане обычно празднуют *гырон быдтон* – аналог весеннего гербера, букв. 'окончание пахоты' – в первой декаде июня, в первое или второе воскресение месяца). В таком виде он символизирует скорее окончание весны как фенологического и календарного сезона. Даже там, где гербер (под названием *гырон быдтон*) празднуют в июле (как это было, например 10 июля 2004 г. в Менделеевском районе Республики Татарстан) для обоснования празднования приводятся фантастические объяснения явно позднейшего происхождения²⁴.

Причины всех этих преобразований на поверхности – это интернационализация быта сельчан, коренные изменения в технологии сельскохозяйственного труда, эрозия религиозной составляющей праздника, разногласие локальных традиций, усложнившее понимание сути гербера. Все это привело к фактическому слиянию воедино в народном сознании нескольких различных праздников. Когда народный художник Удмуртии Семен Виноградов призывал в 1990 г. к установлению, нового по сути, праздника, в котором слились бы *гербер* (Петров день), *гершыд* (Троица)

и *гырон быдтон*²⁵, такое слияние во многих местах уже произошло на практике²⁶ и несколько лет спустя было институционализировано в виде упоминавшегося уже республиканского фольклорного фестиваля «Гербер».

Любопытно, что такие же в точности преобразования претерпел татарский *сабантуй*: сместилась дата празднования, в результате чего сабантуй, по сути, слился с праздником *джиен* и стал интернациональным. Интернационализация праздника в особенности печалит националистически настроенную интеллигенцию как среди татар по отношению к сабантую, так, увы, и среди удмуртов по отношению к герберу²⁷. Справедливости ради надо заметить, что практически все участники гербера из числа неудмуртов, равно как и изрядная часть удмуртов, воспринимают этот праздник только как очередной повод к веселью, и совершенно не представляют себе тех обстоятельств, при которых этот праздник возник, и того смысла, который он нес в старые времена. А ведь это в перспективе может привести к окончательному вырождению праздника и его полной утрате.

Очевидно, помимо совершенно необходимой популяризации исторических аспектов летнего гербера как праздника, отмечавшего подготовку к сенокосу и уборке злаковых, необходимо и некоторое переосмысление старинного праздника с учетом его современного состояния. В такую работу вполне могли бы включиться не только этнологи, но и работники культуры на местах, стараниями которых гербер ежегодно проводится, являясь важным инструментом в деле укрепления этнической толерантности и пропаганды удмуртской культуры.

¹ Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии. – Казань, 1906. – С. 37.

² Владыкин В.Е., Христорождина Л.С. Этнография удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 84.

³ Васильев И. Указ. соч. – С. 37.

⁴ Buch Max. Die Wotjaken. Eine ethnologische Studie. – Helsingfors, 1882. – S. 128.

⁵ Владыкин В. Е., Перевозчикова Т. Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. – Ижевск, 1990. – С. 60-61.

⁶ Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. – Ижевск, 2004. – С. 64.

⁷ Попова Е.В. Календарные обряды бессермян. – Ижевск, 2004. – С. 125.

⁸ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1880. – С. 157; Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений. Т. 3. Кн. 1. – Ижевск, 1998. – С. 91; Васильев И. Указ. соч. – С. 86; Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск, 1977. – С. 49.

⁹ Агроклиматический справочник по Удмуртской АССР. – Л., 1961. – С. 76-78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II-й. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. – Вятка, 1888. – С. 68-70.

¹² Там же. – С. 24.

¹³ Там же. – С. 69-70.

¹⁴ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III-й. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). – Вятка, б. г. – С. 8,11.

¹⁵ Wasiljev J. Übersicht... – S. 142.

¹⁶ Васильев И. Обзорение... – С. 86.

¹⁷ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С. 192.

¹⁸ Гаврилов Б. Произведения... – С. 164.

¹⁹ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. – Ижевск, 1939. – С.110-113.

²⁰ Агроклиматический справочник... – С. 76.

²¹ Васильев И. Обзорение... – С. 37.

²² Там же. – С. 22.

²³ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V. Следы языческой древности в суевренных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы. – Вятка, 1890. – С. 51.

²⁴ «...“Гырон быдтон” проводится на лугу в самое красивое время – в период цветения. По поверьям удмуртов, их Бог “Вось” 1 июня из молитвенного храма “Купалы” улетает на луга и возвращается обратно в Петров день (12 июля). Поэтому в этот период они молятся не в храме, а на природе. И, чтобы Бога ненароком не обидеть, случайно не задеть, с 1 июня по 12 июля запрещено рвать цветы и луговые травы» // Официальный сервер Республики Татарстан.

http://www.tatar.ru/?DNSID=c7a9912c461f21bf12b2a191eb10768e&node_id=2818

²⁵ Виноградов С. Гербер – калык праздник // Советской Удмуртия. – Ижевск. 1990. – 22 июня. – С. 4.

²⁶ Ср., напр.: Владыкин В.Е., Христорождова Л.С. Этнография удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 87,

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С. 187.

²⁷ «...У русских есть “Каравон”, у чувашей – “Уяв”, у мордвы – “Балтай”, удмурты празднуют “Гырон-Быдтон”, марийцы – “Семык”. А что есть у татар? Сабантуй? – вопрошает Сираджи. Сабантуй давно превратился в интернациональный праздник... Для меня важно, чтобы у татар появился национальный праздник... Важно, чтобы этот праздник вели на татарском языке, чтобы русские на нем были гостями. Чтобы хотя бы один день в году прошел без водки и свинины» // Мусина А. В поисках утраченного? Одно сабантуя маловато будет // Вечерняя Казань. – Казань, 2004. – 16 июня. «У председателя организации “Удмурт Кенеш” Валентина Тубылова – свое мнение: «...Некоторые говорят: Гербер – государственный праздник. С говорящими так я не согласен. “Семык” марийцев – это что, тоже государственное мероприятие?.. Гербер – праздник удмуртского народа. Ну а интернациональной дружбе можно посвятить какие-нибудь другие мероприятия» (пер. с удм.) // Виноградова Е. Тон чебер, Гербер! // Удмурт Дунне. – Ижевск, 2001. – 14 июня.

Об идентичности удмуртов: повседневность и культура в XX веке

Национальная идентификация является характерной чертой повседневности для всех граждан многонациональной России. Кроме того, она составляет основное содержание деятельности национальных, либо национально ориентированных деятелей науки, культуры и искусства. В значительной степени их деятельность финансируется центральным и местными бюджетами.

Реидентификация удмуртского народа в настоящее время происходит в разных формах. Например, путем создания литературных новеллов, когда под видом аутентичного фольклора¹ издаются сказки, в массе своей записанные в XIX в. этнографом Н.Г.Первухиным от учащихся школы-интерната и изданные им тогда же на русском языке². В другом случае написанное на русском же языке в начале XX в.³ в стиле «Песни о Гайявате»⁴ авторское произведение П.Г.Худякова после перевода на удмуртский язык преподносится читателю как оригинальный героический эпос⁵.

Национально ориентированные археологи, раскапывающие городища на севере республики, утверждают, что в средневековье у удмуртов существовала княжеская власть, а городища были резиденциями князей⁶. Правда, пока там не находится материальных свидетельств княжеской власти. Да и с интерпретацией имеющихся артефактов дело обстоит неблагоприятно: к примеру, на основе обнаруженных удил и стремян деятели науки заключают, что лошадь здесь использовалась в качестве тягловой силы⁷. Это дает основания для констатации полного отрыва авторов таких умозаключений от жизненных реалий; общеизвестно, что стремяна есть предмет верховой, а не гужевой упряжи.

Работы современных этнографов, посвященные дохристианским верованиям удмуртов, представляют довольно эклектичное описание множества явлений, которые интерпретируются авторами как остатки чуть ли не всех известных науке культов; тотемизма, шаманизма, культа предков, солярного культа, культа священных деревьев и предметов, промыслового культа, золатрии и т.п.⁸

Современные исследователи календарной обрядности утверждают (см. рис.1), что праздник начала сева происходил у удмуртов в апреле, то есть когда поля еще покрыты снегом⁹, а окончание весенне-полевых ра-

бот отмечалось в Петров день, то есть, через два месяца после их реального завершения¹⁰.

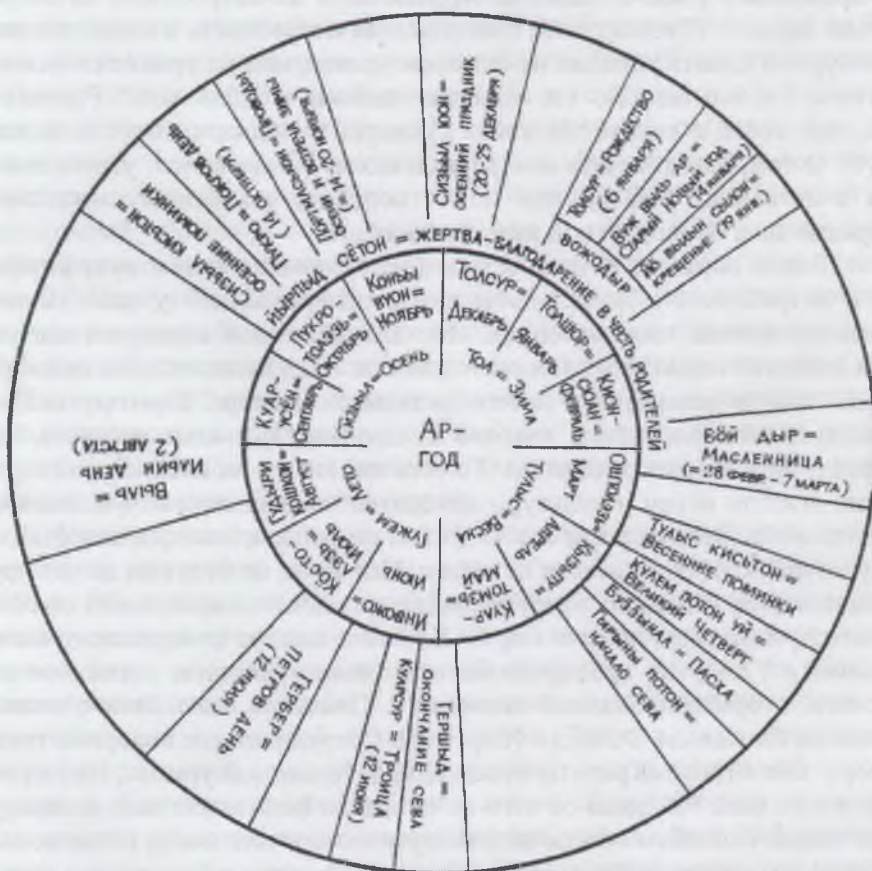

Рис. 1. [8, С.45] Даты по новому стилю. Троица, помещенная авторами диаграммы на 12 июня, в реальности является Великим двенадцатым переходящим праздником, и фиксированной даты не имеет.

Список историко-культурных констатаций, производимых историками и культурологами, можно продолжать и продолжать. Множество таких многократно переизданных постулатов, находящихся в неразрешимом противоречии не только со свидетельствами исторических источников, но и с общеизвестными фактами и доводами здравого смысла, может свидетельствовать лишь об одном: налицо пропасть отчуждения между деятелями культуры и ее носителями. В самом деле, если удмуртский историк не знает, как запрягают лошадь, и в каком месяце у нас сеют это еще полбебды. Ведь он этому не учился. Проблема в том, что никто

из соплеменников не поправил его. Почему? Видимо оттого, что историко-культурный диалог имеет место быть в городе, а удмурты традиционно проживают у нас в сельской местности, и их потребности зачастую весьма земные. И реализуется повседневная потребность в национальной культурной идентификации на бытовом уровне, или на уровне сельского клуба и библиотеки. Но что находит селянин в библиотеке? Рассказ о том, как сеять в апреле? И какой сценарий праздника имеет сельский клуб? О том, как отмечать посевную в июле¹¹? Разумеется, утрата доверия к источнику информации может породить у коренного населения безразличие к национальной культуре вообще.

Таким образом, потребность в идентификации существует у народа, а потребность в деятельности по идентификации – у национально ориентированной интеллигенции. Ибо для последней категории доступным является только этот род деятельности. Ведь национальная интеллигенция почти незаметна в производственном секторе. Поэтому она не участвует ни в получении доходов от продажи сырьевых ресурсов Удмуртии, ни в их распределении. То есть вместе с основной массой населения деятели науки и культуры находятся в отношении отчуждения от бюджетообразующих ресурсов. С другой стороны, и частных инвестиций в культурную сферу мы пока не видим. Наверное, не будет их до тех пор, пока инвестор не найдет сферу столь же привлекательную, какой сегодня является, например, добыча нефти. Конечно, на заре новорусского капитализма в Удмуртии предпринимались попытки создания элементов национально ориентированной экономики. Появился даже банк с национальным названием «Азвесь» (Серебро). Сотрудники его говорили тогда автору этих строк: «Кредиты будем давать только удмуртам». Но где сегодня этот банк? И следа от него не осталось. Ведь никто еще не придумал, каким способом обеспечить возвратность и платность кредита, выданного по национальному признаку. Много раз мы слышали, что казенный менеджмент эффективен в тяжелой индустрии, в машиностроении и на массовом производстве. А в области культуры диктат неприменим. Но как быть сейчас, если традиционная социальная структура удмуртов досоветского периода была разрушена коллективизацией, а колхозы добыты «экономическими реформами»? Теперь даже у жителей одной деревни, у соседей нет единого материального интереса. Вместо прежней общины или колхоза в национальной деревне сегодня многоукладная экономика, хозяйствующие субъекты которой (остатки колхоза, частники и бюджетники), не только не кооперируются, но даже не образуют пока симбиоза, а тянут в разные стороны.

Есть ли сегодня материальная основа для культурной и этнической реидентификации удмуртов? Для этого вернемся к теме, с которой нача-

ли: было ли оно, великое культурное прошлое удмуртского народа? Было, скажем определенно, причем, не в средневековье, а сравнительно недавно, на памяти наших прадедов. Взять хотя бы царскую Россию – тюрьму народов. Министерства культуры у удмуртов не было, как не было и самой Удмуртии, а национальная культура была. Разве не парадокс? Нет, для историка это закономерность. Ибо в условиях того государства удмурт не был отчужден от продукта своего труда, и, следовательно, заплатив подати, он самостоятельно распоряжался ресурсами, в том числе и ресурсами на собственное культурное развитие. В те годы никакой национальной этнограф, с его теорией, как и когда надо «правильно» праздновать, и какие песни петь, просто не был нужен носителю культуры. Н.Г.Первухин сообщает: «...изредка, между поселениями вотяков находились среди болот, в малодоступных чащах, поляны, называвшиеся “губер-вось”, что значит: места общественного народного моления. Сюда к “бадым квала” лишь в известный год собиралось к определенному дню, как показывают старики, по несколько десятков тысяч из разных уездов»¹². Значит, массовый праздник являлся тут инструментом национальной и культурной идентификации.

Утилитарная функция массового праздника ясно выступает при цитировании еще одного документа – это отчет Вятского губернатора за 1850 г.: «В торговле хлебом между вотяками существует **особого рода связь**, у вотяков **средние цены на хлеб везде одинаковы**. Ниже условленной между собой преждевременной цены они никогда не продают своих произведений, хотя бы и были вызываемы неблагоприятными обстоятельствами к дешевой продаже хлеба. Такое редкое единодушие сверх утвержденной цены на хлеб удерживает еще и купеческий класс в границах, благоприятствующих земледелию. Напротив того, в уездах, населенных русскими крестьянами, где находится самое значительное число ярмарок и базаров – цена на хлеб бывает непостоянна, она перемещается быстро, смотря по обстоятельствам и нуждам продавцов и согласно требований на хлеб»¹³.

Зададимся вопросами: «Где и когда сотни (или тысячи) производителей зерна могли встретиться для переговоров о совместной ценовой политике?»; «Почему о таких встречах не было ничего известно ни властям, ни ученым-этнографам?»; «Почему ценовое соглашение исполнялось всеми неукоснительно?».

Ответ на все эти вопросы появляется, если выдвинуть гипотезу о том, что такие, выражаясь по-современному, «бизнес-митинги» проводились именно во время массовых праздников. Тут, находясь в массе участников, члены неформального комитета по ценам (делегаты от деревень) могли лежать под деревом, покуривая трубочки и обсуждать свои

проблемы. А православному священнику, этнографу, да и вообще любому постороннему, который подходил с вопросом «А что вы тут делаете, а?» они вполне невинно отвечали: «Празднуем, батюшка, вот, водку пьем. Разве нельзя?». Такой ответ устраивал, и священника, и этнографа, и урядника. Поэтому, когда этнографы писали о неумеренном и повальном пьянстве на удмуртских праздниках¹⁴, членам неформального хлебного синдиката это было только на руку, и они вполне сознательно могли поддерживать эту легенду, которая маскировала истинное содержание общественных собраний. Их вполне устраивало и тиражируемое в ряде публикаций мнение об удмуртах, как о деградирующем этносе¹⁵, от которого нельзя ждать разумных коллективных действий – ведь этнографы всегда описывали только внешнюю сторону народной жизни, не касаясь ее скрытых (прежде всего, экономических) пружин.

Почему ценовой договор выполнялся участниками неукоснительно? Да потому, что он был освящен совместным молением, он был достигнут перед лицом языческих богов (вспомните клятвы христиан на Библии и крестное целование!) и отступника ждала не только людская, но и небесная кара. На наш взгляд, неформальный хлебный синдикат полностью был уничтожен лишь после утверждения колхозного строя, и физического уничтожения квалифицированных носителей традиций, прежде всего жречества. А с утверждением государственной монополии хлебной торговли исчезла и экономическая основа какого-либо неформального лидерства в удмуртской среде.

Таким образом, нам представляется, что отмеченные современные явления отчуждения в сфере культуры детерминированы вполне определенными условиями экономики, а в сохранении сложившейся ситуации заинтересовано, прежде всего, национальное профессиональное «историко-культурное жречество». Вместе с тем, при изменении экономической ситуации, с распространением отношений собственности в сфере землепользования и с развитием крестьянской кооперации можно ожидать возрождения удмуртской культуры на аутентичном субстрате. Именно такая культура может послужить базисом для широкой национальной реидентификации.

---

¹ На наш субъективный взгляд, тексты, записанные когда-то этнографом, сильно пострадали от «литературной обработки» и представляют из себя пересказ в четвертой степени. Обработчик, видимо для оправдания своего участия в культурном процессе так стилизует народную речь: «Спрыгнул Инмар на землю, нашел кочку повыше и поприглядней других, срезал под корень. К ней приладил кочку покороче, небольшую, шишкастенькую, в срезе потоньше – голова получилась. Насадил соевое изделие на четыре сучковатых прутика...». См.: Мифы, легенды, сказки удмуртского народа. Литературная обработка Н.П.Кралиной. – Ижевск, 1995. – С. 14.

² Н.Г.Первухин записывал сказки по-русски, так как, по его словам, «учащиеся школы не могли даже на родном вотяком языке передавать содержания их достаточно связно и понятно без поправок учи-

теля». См.: Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV: Следы языческой древности в образах произведений устной народной поэзии вотяков. – Вятка, 1889.

³ Худяков М.Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. – Ижевск, 1986. Худяков М.Г. Песни об удмуртских батырах // Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью зарпала (Дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). – Ижевск, 1997.

⁴ Napolskikh V.V. On the literary sources of M.G.Khudjakov's song of udmurt heroes // Dynamics of tradition (perspectives on oral poetry and folk belief). *Studia fennica folcloristica*. Vol.13. – Helsinki, 2003. – p. 280-288.

⁵ Худяков М.Г. Дорвыжы. Удмурт батырлык эпос. – Ижевск, 2004.

⁶ Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX-XIII вв.: Монография. – Ижевск, 1998. – С. 240.

⁷ М.Г.Иванова говорит дословно следующее: «На Иднакаре собрано большое количество костей, пригодных для исследования. Оказалось, что они принадлежали крупному рогатому скоту, лошадям, мелкому рогатому скоту, свиньям, собакам. Домашних животных разводили для получения мяса, молока, масла. Лошадь использовалась в хозяйстве в качестве тягловой силы. Об этом говорят детали конской упряжи – удила и стремяна». Лагунова И. Чепецкие древности // Известия Удмуртской республики. – 2004. – 19 февраля.

⁸ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

⁹ Приведенная нами круговая диаграмма помещена в качестве «календаря» в публикации: Владыкин В.Е., Первозчикова Т.Г. Головой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель»: материалы к народному календарю // Специфика жанров удмуртского фольклора. – Ижевск, 1990. – С. 44-95. В том же виде и в том же качестве она вошла в капитальную работу, посвященную религиозно-мифологической картине мира удмуртов: См.: Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина... – Вкладка с иллюстрациями без указания № стр. Находим мы эту диаграмму и в статье посвященной календарным обрядам. См.: Владыкин В.Е., Первозчикова Т.Г. Ар дырьёслы сизем удмурт сям-нергсос // – Кенеш. – 2001. – № 5-6. – С. 5. Таким образом, за десять лет приведенное изображение, несмотря на его явные фактические ошибки, по меньшей мере, трижды в неизменном виде было опубликовано его авторами. Как в первом, так в последующих изданиях отмеченные нами неточности в указании времени праздника весеннего сева и даты праздника Троицы не были исправлены. Объяснить этот казус мы можем лишь отсутствием должного внимания как научного сообщества, так и читающей публики к культурному наследию удмуртов.

¹⁰ Коробейников А.В. Сахарных Д.М. Гербер: о традиционном летнем празднике удмуртов //Режим доступа: [<http://www.ethnonet.ru/lib/0802-05.html>]

¹¹ Гербер приглашает гостей. Методическое руководство для проведения праздника. – Ижевск, 1992.

¹² Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II: Идоложертвенный ритуал древних вотяков. – Вятка, 1888. – С. 4.

¹³ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. – Ижевск, 1939. – С. 108.

¹⁴ Очевидец пишет следующее: «Перед каждым праздником, который они проводят в пьянстве и необузданном разврате, каждый вотяк молится в своем шалаше». См.: Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1906. – С. 37.

¹⁵ Владыкин В.Е. Из истории этнографического изучения удмуртов // Записки УдНИИ. Вып. 22. – Ижевск, 1970. – С. 126; Малиев Н.М. Антропологический очерк вотяков. – Казань, 1874.

Числовой код в бесписьменных культурных традициях (на материале музейных собраний по народам Амура)¹

В любой бесписьменной традиции числа, числовые показатели используются не только для фиксации, оценки количественных характеристик тех или иных явлений культуры. Числа выполняют, по меньшей мере, две логико-семиотические функции, важные для воспроизведения традиционного менталитета, который не может обходиться без наработок мифологического мышления (допонятийного, но опирающегося в своем движении на строгую сетку кодов).

Во-первых, числа в бесписьменных культурах нередко используются в качестве классификаторов, наряду с дихотомическими категориями и природными элементами – на это указано К. Леви-Стросом². Именно в этой функции они могут маркировать различие в ритуальных практиках мужского / женского – например, у нивхов этому соответствует противопоставление 3 / 4, у хантов и манси – 5 / 4; а также в фольклоре – своих / чужих (последнее прослежено нами в мифоэпических текстах нивхов)³. Некоторые явления культуры маркированы «священными», или «шаманскими» числами – таковыми их порой называют сами исследователи, имея в виду, что таким образом в данной традиции знаменуется некое особое свойство этих явлений. Такое маркирование, на наш взгляд, также в основном направлено на выполнение классифицирующей функции.

Во-вторых, числовой код более чем какой-либо иной обладает способностью к осуществлению ментальных переходов от одного к другому аспектам этнографической реальности. Тем самым происходит их объединение, сопоставление, и образуется единое семантическое поле. Ранее нами показано, что у нивхов, чукчей и эскимосов число 5, нередко представляющее рефреном в их фольклоре, служит символизации, с одной стороны, анатомических элементов (5 пальцев руки, 5 оконечностей тела), а с другой – пятичастного мироздания⁴. Числа, значимые в фольклорных текстах, могут воспроизводиться и в ритуале: акционально, в количестве повторяемых действий, и овеществленно, в количественно охарактеризованных деталях ритуального предмета.

Два плана проявления числового кода – вербально-акциональный и предметный – прослежены нами, опираясь на собрания петербургских музеев (РЭМ, МАЭ, ГМИР). Назовем обнаруженные типы композиции

ритуальной пластики, содержащей числовые показатели, а затем охарактеризуем в этом направлении собрания музеев Хабаровского края, изучавшиеся в 2005 г.

- *I тип.* Определенное количество однородных элементов образуют неотъемлемую визуальную характеристику в целостном телесном облике онгона: навершие его головы в виде гребня, или его ноги, пальцы, уши, телесные отверстия. Совокупность этих элементов означает некое качество изображенного персонажа.
- *II тип.* Определенное количество однородных автономных фигур, которые, потенциально, могут быть извлечены из данной композиции, образуют ее как целое либо добавлены (привязаны) каждая к главной фигуре.
- *III тип.* Внесение числового показателя путем намеченного мысленного разделения предмета на несколько частей или добавления к нему нескольких элементов, не имеющих автономного характера, а только используемых для маркирования числом.

Подтип I-1: композиция *городо* (название применяется нанайцами, ульчами). Числовой показатель представлен группой духов-помощников, помещенных в виде навершия на плоскую поверхность головы главного персонажа. Главный персонаж может быть антропо- и зооморфным. Его миниатюрные помощники почти всегда антропоморфны, нередко разделены на две неравные группы (4 и 5; 3 и 4; 1 и 2) — остроголовых, лицо которых передано двумя скосами, и имеющих плоскую голову. У нанайцев, ульчей первые — это изображения *бучу*, горных существ — посредников между людьми и небесным миром, а вторые — *маси* (~мане), покровителей дома⁵. Подобные предметы могут использоваться в шаманском камлании или в качестве лечебного онгона, обычно от болезней головы или «от сумасшествия», иногда и с дополнительной функцией. Предметы с такой композицией можно обнаружить и в традиционной культуре нивхов.

В собраниях петербургских музеев по нанайцам нами обнаружено 24 таких предмета. Количество духов-помощников — чаще всего 9 (в двенадцати из 24 предметов), реже — 3, 6 (эти варианты совокупно — в восьми предметах) или 7 (в четырех). Отметим, что такую же тенденцию — преобладания количества 9 и, в меньшей мере, количества 3 духов-помощников в композиции *городо*, выявила Т.А.Кубанова на основе изучения нанайской ритуальной скульптуры, хранящейся в Музее изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре (в составленном ею каталоге их соответственно девять и шесть)⁶. В петербургских собраниях по другим тунгусоязычным народам региона подобных предметов 14, в том числе девять ульчских. В их композиции преобладает показатель не 9, а

3: он представлен в пяти случаях и еще в трех – его удвоенный вариант, т. е. 6.

В этнографических собраниях Хабаровского края рассматриваемый подтип представлен повсеместно; у идолов-сэвэнов нанайцев, ульчей часто имеется навершие из 9, реже 3 духов-помощников главного изображения, иные навершия, с 4,5, 7 или 8 головками, суть единичные экспонаты. Отметим присущие некоторым экспонатам особенности композиции – и уникальные, и, вместе с тем, усиливающие семиотическую значимость названной статистической тенденции.

1. Духи-помощники располагаются на голове главной фигуры в три яруса, идущих ступенчато (второй – сзади и выше первого и т. д.), нанайцы, МТ №677/25, 781/3. Таких всего два идола, у одного его помощники не имеют обозначенных черт лица, а у другого обладают глазами и ртом, что передано тремя округлыми выемками. В первом случае как бы воспроизводится формула $9 \times 3 (=27)$, а во втором – $9 \times 3 \times 3 (=81)$ выемка на лицах помощников). И утроению, и удевятирению числа 9 можно привести аналогичные ментальные операции из ритуальной практики нанайцев. Так, по данным А.В.Смоляк, при лечении детей и беременных нанайский шаман изготовлял связку из 9 прутьев, каждый из которых был скреплен в виде обруча; при превентивном камлании во время эпидемии к приходу шамана в каждом доме устанавливали по 9 белых флажков, чтобы на них «садились злые духи». При лечении психически больного на него требовалось надеть 9 одежд и 9 шапочек, чтобы в них запутались изгоняемые духи болезни, а в сложных случаях действия шамана повторялись $81 (=9 \times 9)$ раз. Иногда шаман с самого начала приказывал изготовить 81 антропоморфную фигурку, чтобы в них поочередно вгонять злых духов⁷. По наблюдениям И.А.Лопатина, в шаманском предмете *мойгани*, состоящем из проволочных змей, их было 9 или 27 (трижды 9), и столько же – 27 исследователь насчитал маховых перьев орла, нашитых на спине, плечах в костюме одного из шаманов⁸.

2. Кроме остро- и плоскоголовых антропоморфных помощников на голове главной фигуры встречаются иные изображения – группы из трех элементов:

- три птицы – помещены на голове ульчского антропоморфного сэвэна, изготовленного для лечения психических расстройств, МХШБ;
- птица посередине, а по бокам антропоморфные бюстики, с плоской головой, птица обмотана белой тряпичей (признак, указывающий на связь с миром мертвых), КМН №3350, ульчи (?);
- посередине рог, по бокам антропоморфные бюстики, с плоской головой, КМК №2691/3, нанайцы (?)

- из трех прямоугольных выступов на голове зооморфного персонажа средний заметно выше боковых; эта тройца элементов, торчащих вверх, дополнена троицей, обращенной вперед: penis'ом и, на уровне груди, двумя верхними конечностями персонажа; предмет принадлежал великому шаману, способному путешествовать в мир мертвых, применялся при болезнях рук и послеродовых осложнениях, МТ №677/31, нанайцы.

Подтип композиции I-2, где числовой показатель представлен акцентированными однородными элементами облика, встречается редко. В петербургских собраниях:

- берестяная женская фигурка – «старуха с 7 ушами», оберег младенца от звона женских серег, МАЭ №5530-9, нанайцы;

- зооморфная фигурка из гнилушки, снизу в нее вбиты 8 колышков – изображают ноги, согласно собирателю, применялась от зубной боли, РЭМ №2566-64, негидальцы;

- охранитель дома – небольшой антропоморфный идол, в нижней части которого заметны 3 параллельно идущих элемента – ноги и penis, а в верхней 3 округлых элемента, характерных для женских персонажей – голова и округло воздетые к груди руки, обозначена также пуповина, РЭМ №5169-113, нивхи.

В собраниях Хабаровского края находятся несколько примеров рассматриваемого подтипа, в них акцентировано количество 4 или 3:

- антропоморфное женское изображение, у которого глаза обозначены голубыми бусинами, груди бугорками, руки воздеты и направлены фронтально, на ладонях и стопах по 4 пальца, спереди посередине корпуса вбиты 4 шпонки, ГМДВ №6877/2, удэгейцы;

- металлические плоские антропоморфные персонажи с ромбической головой, без рук, с треугольными ногами и треугольником- penis'ом, МИИК, №13215, 13216, нанайцы (?);

- *маси* – антропоморфный охранитель дома, трехпалые стопы изображены в виде жабы и черепахи, МИИК № 2723, ульчи; отметим, что в фольклоре тунгусоязычных народов региона трехпалость присуща другому благожелательному персонажу – *Калдзюму*, обитающему в горных пещерах и покровительствующему младенцам, а жаба – посредник между людьми и горным миром;

- черепаха с 3 головами, ГМДВ №10043/3 и МТ 3231/37, нанайцы.

Отметим, что соприсутствие черепахи и жабы усиливает связь персонажа с числами 3 и 9, если учесть, что в фольклоре народов Амура жаба в качестве транспортного средства помогает добраться до горного мира, преодолевая препятствия, характеризуемые троекратностью и 3 x 3 и то, что в китайской мифологии в трехлапую черепаху превращается один

из первопредков – Гунь, тщетно пытавшийся противостоять потопу, возводя плотины в течение 9 лет⁹.

Подтип композиции II-1 – связка или иное объединение в целокупность нескольких однородных фигурок. Воздержимся от обзора связок амулетов: далеко не всегда можно и предположить, объединены ли они некой организующей идеей или же таков был способ хранения этих предметов их владельцем. Охарактеризуем лишь те предметы, которым присуща отчетливая структурно-конструкционная цельность:

- нанайские обручи *солбон*, состоящие из 9 соединенных тальниковых прутьев (5 и 4 с разных сторон, завершающиеся на концах 5 или, соответственно, 4 звериными головками), МАЭ № 5747-304, 1765-214, 215; подобную конструкцию имеет ульчский обруч *дэлэдэ*, но он связан таким образом, что у каждого диаметрально отстоящего конца находятся по 9 головок, через него ежемесячно в течение первых 9 месяцев протаскивали новорожденного, чтобы уберечь от смерти, настигавшей младенцев в той же семье, МБ;

- нанайские железные прорезные амулеты от болезни легких *мойгани*, в композиции которых обычно присутствуют 9 змеек, имеются в РЭМ, МАЭ, ГМДВ; в ульчском селе Булава, в частном собрании хранится подобный предмет – *сэлэче*, вырезанный из цинка, также объединяющий в своей конструкции 9 фигурок земноводных (3+3 мелких змейки, симметрично с каждой стороны, по одной крупной змее с каждой стороны в обрамлении и в центре внизу, под фигуркой *маси* – ящерица;

- нанайский амулет от болезни глаз – треугольная рамка, на нижней планке которой закреплены в специальных прорезях 9 идольчиков, из них 4 с острой, а 5 с плоской головой, МАЭ №3348-33;

- ульчская шаманская повязка на голову, состоящая из трех порознь сплетенных из соломы, а затем соединенных косичек, две из них идут вокруг, а третья по верху головы, на каждой косичке имеется изображение змеи, вырезанное из рыбьей кожи, и деревянное изображение птицы; у места схождения трех змеиных головок и трех птиц еще закреплены три деревянных идольчика, у одного из них на голове 3, а у другого 4 бюстика помощников; итого как бы встречаются на лбу шамана 9 автономных фигурок плюс 7 только что упомянутых миниатюрных помощников, МХШБ; подобная трехчастная повязка, с птицами и змеями, могла применяться и не шаманом, от болезни головы.

Композиция подтипа II-2: группа однородных предметов добавлена к главной фигуре. В МАЭ имеется соломенный предмет – изображение духа болезни, состоящее из двух фигур, мужской и женской, к которым привязаны 9 фигурок: 3 «работника», 3 кошки, 3 утки. В той же коллекции подобная композиция присуща соломенному «большому отцу» –

хозяину подземного мира, к нему привязаны сделанные из того же материала 9 фигурок, по 3 тех трех видов, МАЭ №1765-105, 297. Здесь, как и в композиции II-1, подразумевается значимость обоих чисел – 3 и 9.

Соприсутствие этих же чисел заложено в композицию нанайского сэвэна – идола с 9 головками помощниками, на груди которого подвешены 3 предмета; нижняя часть каждого из этих трех имеет сердцевидную форму, а верхняя – это зоо- или антропоморфное изображение, МИИК №9896. Идол с подвешенными на груди тремя предметами – такая композиция известна и ульчам: 3 «сумочки» из рыбьей кожи, как бы с содержимым – благами для дома – подвешены на нитках к хранителю дома *маси*, МБ №60. Отметим, что в данном случае опять, как и упоминалось ранее, свойства другого благодетельного персонажа – *Калдзяму-Калгаму* (в сумочках Калгаму – великана на длинных ногах, с острой, вытянутой на конус головой, трехпалого, хранятся талисманы охотничьей удачи, в некоторых версиях эти талисманы находятся в его мошонке¹⁰) перенесены на персонаж хранителя дома.

В рамках этого же композиционного подтипа обнаруживается и цельность, самодостаточность количества 9 – именно столько подвешивали металлических трубочек и / или колец к поясу шамана (ульчи – МБ №146, ГМДВ 2864 / Э-582), а также некая логико-семиотическая связь количеств 7 и 9. Так, на ульчском поясе от ревматизма, изготовленном в конце XIX в. из х/б ткани и кожи, были нашиты 7 деревянных антропо-(1) и зооморфных (6) фигурок. В составе подобного предмета, сделанного в 1970 г., тоже первоначально были 7 фигурок из рыбьей кожи, и в их числе тоже только одна антропоморфная, однако позднее автор (она же владелица) сочла необходимым для повышения действенности пояса, увеличить количество фигурок до 9, добавив еще двух жаб, ГМДВ №10136 / 5, 9964 / 1¹¹.

Композиция III включает подтипы. Первый – числовое маркирование путем разделения предмета на несколько частей (характерно для нерабочей поверхности шаманских колотушек нанайцев, ульчей – посредством изображения земноводных разных видов и / или использования разных цветов в раскраске этой поверхности). Второй – маркирование путем нанесения группы гравированных или рисованных изображений, насечек, проделывания отверстий, подвешивания разноцветных полосок ткани. Так, у ульчей существует амулет от болезни головы – деревянное антропоморфное изображение головы, на лбу с трех сторон сходятся головками гравированные змеи, как бы образуя лечебную повязку на голове (подобную выше описанному предмету из соломы), МБ №878 и МХШБ.

Среди амулетов ульчей встречается вырезанное из рыбьей кожи изображение змеи, вдоль тела которой посередине проделаны 9 отверстий; есть и аппликация подобного предмета, но с 10 отверстиями, на шаманскую колотушку. Есть и другой способ задействия отверстий: вырезанное из кожи изображение двух сплетенных змей, образующих своими телами 3 кольца, нашито на полоску ткани – для ношения на груди, МБ. Немотивированные ни конструктивно, ни формой предмета отверстия изредка встречаются в композиции и других амулетов ульчей – например, на зооморфных головах, с 4 или 5 отверстиями, расположенными по дуге, причем только два из них используются для продевания несущей нити, КМК №9374/5, 9374/6.

Нанайские идолы иногда дополнены изображениями, отметками, выполненными краской или карандашом. Так, по корпусу деревянного тигра, с обеих сторон могут прочерчиваться 9 поперечных линий, 5 на туловище и 4 на хвосте, МТ 31333/3. На бумажном заднике треугольной рамки (с двумя идольчиками на нижней планке), сделанной от болезни глаз, нарисованы 9 крестиков, символизирующих, согласно интерпретации знатоков, жалящих насекомых (с. Джари, частное собрание).

Наиболее распространенный прием числового маркирования, во многих случаях автономный от фигуративных элементов изображения, – это произведение насечек, или порознь с обеих сторон предмета, или в виде последовательности параллельных углов, сразу на обе его стороны. В различных музейных собраниях по нанайцам можно увидеть сэвэн *Онголяку* – изготовлявшееся при расстройстве желудка антропоморфное изображение, со сквозным продольным отверстием в корпусе и выступающими от похудания ребрами, обычно передаваемыми посредством насечек. У ульчского предмета *Онголо*, с тем же назначением и композицией, могла быть зооморфная голова и вместо одного сквозного отверстия – две глубокие ямки, на горле и внизу. Встречаются предметы с таким числом насечек: 4 и 4 на боках – нанайцы, МИИК № 9911; 5 и 5 на боках и 9 на спине – ульчи, с. Кольчем, частное собрание; 7 и 9 на разных боках – нанайцы, КМН №683. Интересно, что такой же комбинацией – 7 и 9 насечек с разных сторон – маркирован в ульчском собрании (МХШБ) тигр с длинным хвостом, перевозящий всадника.

На ульчских ритуальных тарелочках, имеющих форму рыбы с овальным углублением, также нанесены насечки. Встречаются такие варианты: по 8 с каждой стороны, 6 и 7 с разных сторон, ХМДВ № 1027, 1018; 9 – только с одной стороны, КМК № 10344 / 32; 12 и 6, МИИК № 4341. Вот какие варианты насечек на нанайских деревянных изображениях черепахи, параллельными углами, но все же не всегда одинаковым количеством на разных сторонах: 9; 14 и 15; 5 (соответственно, МИИК

№10128, ГМДВ №10043 / 3, МТ №231/ 37, последние два экспоната – уже упоминавшиеся трехголовые черепахи). Отметим, что сочетание 14 и 15 насечек встречается также в маркировке другого сэвэна – в изображении птицы, выполненном стилистически сходно с черепахой, КМК № 9233/ 22.

Разнообразие чисел в маркировке ритуального предмета насечками отнюдь не свидетельствует об отсутствии какой-либо их заданности, но скорее о том, что могут подразумеваться различные значимые числа, среди которых заметны 5, 6 (вероятно, в качества удвоенного 3), 9 (автономно или в сочетании с 7).

Обобщая представленный материал, подчеркнем, что в особенности такие числовые показатели, как 9 и 3 – для всех рассмотренных композиционных типов – играют значительную роль в структурно-знаковой организации ритуального предмета. Весьма важна и их взаимодополнительность либо заменимость с числом 7. Необходимо отметить и то, что семиотическая прагматика, т.е. целительная направленность и сила предметов, обладающих числовыми показателями, во многих случаях связана с телесными отверстиями. Либо эти предметы излечивают от болезни глаз, ушей, нормализуют пищеварение (нормально соединяя два отверстия), помогают при нервно-психических расстройствах, когда одна из душ, выйдя через телесное отверстие, украдена или заблудилась; либо они благодаря своей форме как бы образуют отверстие, в которое помещена голова больного, опоясано его тело. Полагаем, что воспроизведение чисел 3, 7 и 9 в ритуальной практике, с учетом их возможного соприсутствия, заместимости и связи с мотивом отверстий восходит к трем вариантам целостной совокупности телесных отверстий индивида: 3 жизненно необходимых (рот и два нижних), 7 информационных – головы и полное количество отверстий в теле индивида-мужчины.

Взаимосвязь значимых признаков с поразительной отчетливостью предстает в авторской работе, выполненной для Художественного музея ДВ резчиком Николаем У., 1958 г. р., прежде проживавшим в с. Булава и длительное время выполнявшим заказы на изготовление лечебных идолов, амулетов по рецептам, сформулированным шаманами. Опишем кратко его изделие. Зооморфная (медвежья?) голова продолжена антропоморфным туловищем. В полой голове имеется 7 отверстий: ушные, глазные, рот и два удлинённых отверстия на щеках. Руки как бы прижаты к корпусу, их форма передана сплошными отверстиями в боках, при этом линией выреза обозначены по 3 пальца; на ногах, переданных объемно, по 5 пальцев. Наконец в кубическую полость туловища мастером вложена правильная сфера с 9 равномерно расположенными по ней сквозными отверстиями. Эта работа названа ее автором «Без души» (ХМДВ №1993).

Поистине, здесь обнажена логико-семиотическая схема, объединяющая признаки: звериное / человеческое, содержимое / содержащее, мотив телесных отверстий числа 3/5 и 7~9, наконец, виртуальные передвижения души из тела и обратно. И в нашем анализе, и в данной философско-художественной работе резчика идолов числовые показатели служат семиотическим каналом связи между телом индивида – вместилищем его душ и мирозданием, вместилищем духов, изображаемых, маркируемых с той или иной степенью иконографической конкретности, в композиции ритуальных предметов.

Сокращения:

РЭМ – Российский Этнографический музей
МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН («Кунсткамера»)
ГМИР – Государственный музей истории религии
ГМДВ – Государственный музей Дальнего Востока
ХМДВ – Художественный музей Дальнего Востока
МИИК – Музей изобразительных искусств, г. Комсомольск
КМК – Краеведческий музей, г. Комсомольск
КМН – Краеведческий музей, г. Николаевск
МТ – районный музей в с. Троицкос Нанайского р-на
МБ – районный музей в с. Богородское Ульчского р-на
МХШБ – Музей в Художественной школе с. Булава Ульчского р-на

¹ Доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта РФФИ № 04-06-80061. Композиционные типы ритуальной пластики (выделенные на основе прежде проведенного изучения петербургских коллекций) анализируются на материале собраний Хабаровского края. Делается вывод о вседушной роли числового кода для построения ментальной схемы, связывающей тело индивида и мир духов.

² Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М., 1994. – С. 225-227.

³ Островский А.Б. Сезонные варианты модели мира в традиционной культуре нивхов // Культурное наследие народов Сибири и Севера. – СПб., 2000.

⁴ Островский А.Б. Числовой код в мифологическом нарративе культур Тихоокеанского севера // Этнографическое обозрение. – 2003. – №2.

⁵ Кубанова Т.А. Ритуальная скульптура нанайцев. – Комсомольск-на Амуре, 1992. – С. 51, 73.

⁶ Там же. – С. 5, 61-70.

⁷ Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). – М., 1991. – С. 168, 169, 172.

⁸ Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения РГО. Т. 17. – Владивосток, 1922. – С. 229.

⁹ Мифологический словарь. – М., 1990. – С. 165.

¹⁰ Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амурсахалинского региона. – Владивосток, 2003. – С. 249-250.

¹¹ Информацию о последнем предмете и его фотографию см.: Мельникова Т.В. Традиционная одежда нанайцев. – Хабаровск, 2005. – С. 130-131.

Творчество Николая Дьяконова: лирический герой и эпоха.

Николай Михайлович Дьяконов – коми драматург, артист, режиссер – внес весомый вклад в развитие театрального искусства республики. Его драматургическое творчество можно разделить на три периода. Первый период охватывает конец 1930-х – начало 1940-х годов. В это время совместно со С.И.Ермолиным были написаны шесть драм.

Лирическая комедия «Свадьба с приданным» конца 1940-х гг. (первоначальное название «Свадьба») составляет отдельный период в творчестве Н.Дьяконова.

Комедия «Квартет Николая Курочкина» (начало 1960-х годов) знаменовала начало третьего периода. В последующие годы были написаны лирические комедии «Эжва дорса букет», «Нивушка-Нива», сатирическая комедия «Куим багатыр» (Три богатыря), водевиль «Кб́ка войö» (В кукушкину ночь), комедия «Зарни медальон» (Золотой медальон) и ряд одноактных комедийных пьес.

Н.Дьяконов предпочитал писать пьесы в жанре комедии. Он был единственным коми драматургом, который на всем протяжении своего творческого пути был верен избранному жанру. В своих произведениях автор проявлял оптимистический задор, склонность к добродушному юмору, демонстрировал изобретательность в создании комедийных ситуаций, которые призваны были вызвать улыбку и добрый смех зрителей.

Комедия «Свадьба» была опубликована в журнале «Войвыв кодзув» в 1948 г. Известно, что в это время на всей территории Советского Союза продолжались репрессии. Эпоха конфронтации еще не завершилась. Литературоведение и критика по-прежнему ратовали за сатирическую комедию, которая была призвана быть оружием против антинародных сил, и приветствовали те произведения, в которых доминировал беспощадный и злой смех.

В лирической комедийной пьесе Н.Дьяконова «Свадьба с приданным» присутствовал смех иной. Взаимоотношения между персонажами были лишены антагонистического, враждебного начала. Хотя некоторые критики, требовавшие острого непримиримого столкновения между героями, относили пьесу к разряду бесконфликтных, но конфликт в комедии, несомненно, имелся.

Первая постановка спектакля по пьесе «Свадьба с приданным» была осуществлена 12 марта 1950 г. Московским театром сатиры. В 1953 г. спектакль был экранизирован студией «Мосфильм» и имел феноменальный успех. «В начале десятилетия в театрах самых различных регионов шли комедии драматурга из Коми АССР Николая Дьяконова «Свадьба с приданным» (особенно популярным оказался спектакль столичного Театра сатиры в постановке Бориса Равенских), осетина Асахмета Токаева «Женя», грузинки Марии Бараташвили «Стрекоза», узбека Абдуллы Каххара «Шелковое сюзане» («На новой земле») и другие»¹. В этих и других комедиях послевоенного времени, как отмечал далее исследователь драматургии Б.Бугров, нельзя не заметить общей черты – «максимализма в оптимистическом восприятии происходившего, когда хотелось быстрее приблизить это солнечное Завтра, насладиться этим долгожданным мирным временем»². Лирическую комедию «Свадьба с приданным» и другие пьесы, в которых ярче отразилась творческая индивидуальность автора, нежели жизненное правдоподобие, можно отнести к комедиям-сказкам. Это «комедия, сотканная из ярких поэтических узоров, как бы боящаяся зацепить своим трепетным крылом грубую действительность и ушедшая в мир фантастики и дерзкого вымысла; сказка – это светлая радость, мечта...»³. Это определение наиболее точно раскрывает эстетическую сущность лирической комедии.

Несомненным достоинством Николая Дьяконова как драматурга было то, что он смог отрешиться от принципов конфронтационной литературы. Он сумел возвыситься над устрашающей действительностью и создать жизнеутверждающую комедию, претворяя в ней (а затем и в дальнейшем творчестве) свой идеал единения людей, занятых общим созидательным трудом.

Общеизвестно, что комедия «Свадьба с приданным» в 1950-е гг. была поставлена во многих театрах страны и странах Восточной Европы. Страницы периодической печати тех лет отражали ее триумфальный успех. И в то же время, естественно, были критические высказывания, как по поводу героев, так и в отношении некоторых сценических решений. Многие рецензенты конфликт комедии видели в борьбе между новым и старым, отсталым и передовым, что являлось данью времени – эпохе величайших свершений и злодеяний.

Основу конфликта лирической комедии следует искать в сфере чувств и переживаний действующих лиц. Главные герои комедии «Свадьба с приданным» Ольга Степанова и Максим Орлов, бригадиры соседних колхозов, бывают непримиримыми друг к другу, чему виной максимализм молодости. Ссоры между ними происходят на производственной почве. В своей работе Максим, как человек, побывавший на вой-

не, ругает за дисциплину, а Ольга больше надеется на агротехнику.

Драматург создает сцены, которые убедительно подтверждают, что молодые люди по-настоящему любят друг друга. После ссоры с Максимом Ольга обращается то к парторгу Муравьеву, то к деду Авдею.

ОЛЬГА. Максим! (Бежит за Максимом.) Максим! (Возвращается назад и бросается к Авдею.) Дедушка! (Прижимается к его груди.)

АВДЕЙ. Ну что?

ОЛЬГА. Люблю!..

АВДЕЙ. Знаю, знаю... Зачем вы друг друга мучаете? Я никак не пойму.

(Здесь и далее перевод диалогов подстрочный).

Важным является то, что девушка делится своими печалью не со своей матерью и сестрой, а с чужими людьми. Таким образом, драматург реализует свою идею единения людей. Его герои, несмотря на случающиеся размолвки, доброжелательны, доверчивы, великодушны, открыты друг для друга.

Как и в любой комедийной пьесе, в комедии «Свадьба с приданым» главный герой – смех. Дьяконовский смех – добрый, мягкий, снисходительно-прощающий. Пьеса насыщена теплым и веселым юмором. Почти для каждого образа драматург находит черту, формирующую его комедийность. Упрямство Ольги, беспочвенная ревность Максима, постоянное самолюбование Курочкина, кокетство Любы Бубенчиковой, чрезмерная увлеченность деда Авдея своим делом, лукавство единоличницы Лукерьи призваны вызвать улыбку.

Лиризм пьесы основан на возвышенной любви персонажей к родной земле, к своему труду. Беспредельность этой любви раскрыл режиссер Б.И.Равенских в спектакле, поставленном в Театре сатиры: «Спектакль «Свадьба с приданым» ставился как спектакль-песня о родной земле, о хлебе, о творческом труде колхозного крестьянства, о большой, настоящей любви. Спектакль должен говорить зрителю: все, что делается в изображаемом колхозе... делается во имя счастья нашего народа, для торжества мира во всем мире... Добиваясь целостности идейно-художественного звучания спектакля, мы искали точную пропорцию соотношений комедийных, лирических и торжественно приподнятых моментов... Поэзию и лиричность спектакля мы видели не только в оформлении, музыке или в любовных сценах, но и в обыденных, на первый взгляд, вещах...»⁴. Можно убедиться, что в сценической версии пьесы удалось удачно и полнокровно претворить задушевный лиризм, возвышенность чувств героев, их миролюбие и доброжелательность.

Надо отметить, что общественно-политическая атмосфера времени написания пьесы была отмечена продолжением острой борьбы за социалистические преобразования. Писателям предлагали «решительно пере-

строиться, покончить не на словах, а на деле с бесконфликтностью в драматургии, не бояться изображать злое и вредное, лечить сатирой общество, клеймить людские пороки»⁵. Герои «Свадьбы с приданным» исполнены искреннего дружелюбия. Максим Орлов не на словах, а на деле вместе со своими колхозниками помогает труженикам соседнего колхоза. Пирогов освобождает для него пост председателя. Неугомонный нарушитель дисциплины Николай Курочкин, несмотря на жажду лидерства, является всеобщим любимцем. Единоличница Лукерья Похлебкина, не принимавшая участия в колхозной жизни, усажена за свадебный стол.

Таким образом, требование правдоподобного отражения непримиримой борьбы в первой лирической комедии Н.Дьяконова было оттеснено его желанием представить картины жизни людей села, основанных на своих представлениях о добрых и светлых человеческих взаимоотношениях.

В последующих комедиях «Квартет Николая Курочкина», «В кукушину ночь», «Три богатыря», «Букет с берегов Вычегды», «Нивушка-Нива» происходит дальнейшее развитие художественного принципа, основанного на тяготении драматурга к лирической романтизации характеров и к юмористическим формам изображения.

В своих комедиях драматург создавал особый мир, в котором действуют немного странные (с точки зрения жизнеподобия) персонажи с неумеренно возвышенными чувствами, совершающие алогичные (с точки зрения целесообразности) действия и поступки.

В сатирической комедии «Три богатыря» драматург создает сцены неугомонной радости Фили Колоскова и изображает недоумение других персонажей.

ДУНЯША. Забрался на пожарную каланчу и стал орать: «Я папа! Я папа!» Хотел спрыгнуть оттуда, но мы успели подхватить.

ЛЕШКА. Затем сиганул в столовую и там всех перецеловал.

ДУНЯША. И даже лохматую собаку Василия Анисимовича.

ЛЕШКА. А повара чуть не кинул в котел с клюквенным киселем.

ДУНЯША. После этого вытаращил глаза и сиганул через окно.

Во всей комедиографии Н.Дьяконова можно найти много подобных сцен. Драматург настойчиво искал для героев различные комические ситуации, чтобы выразить полноту кипучей энергии молодых героев, но энергии не разрушительной, а развлекательной.

Литературовед и критик В.Латышева, анализируя комедию «Букет с берегов Вычегды», отметила искусственность ситуаций, их неправдоподобность⁶. Действительно, неординарность конфликтной ситуации, неправдоподобность ряда положений, в которых оказываются персонажи, пафосность речи действующих лиц создают впечатление нарочито-

сти. Но именно подобное изображение составляет главную особенность творческой манеры Николая Дьяконова.

Драматург наделяет Сеню Лялина («Букет с берегов Вычегды») поэтическим видением. Герой предвосхищает будущее. И оно в его фантазиях и мечтах прекрасно. Сеня уговаривает свою тещу, живущую на юге, поехать на северную новостройку.

ЛЯЛИН. Родная земля больше всего дорога, Вера Михайловна.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Не спорю. Ну и каков твой букет?

ЛЯЛИН. Пять красивых цветов-микрорайонов. Но как цветут!.. Самый первый – «Весна». Если бы вы знали, сколько черемух растут в этом районе! Понимаете, Вера Михайловна, какой вкусный запах распространяется, когда начинает цвести черемуха! Обо всем можно забыть!

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Да, да, я уже слышу запах черемухи.

ЛЯЛИН. А весенняя Вычегда – как море! Весь город всю весну здесь отдыхает. Когда садится солнце, звучит музыка, слышны песни. А при закате под каждым деревом юноши и девушки воркуют. (После небольшой паузы.) Другой цветок – «Лето». Здесь небольшая березовая роща. А там много цветов. Белые, синие, красные.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Молодая березовая роща!

ЛЯЛИН. Говорливые листья березы день и ночь шепчут про любовь!

Филя Колосков («Три богатыря») обладает не менее восторженным мировидением. Герой трудится ради будущего своих сыновей-первенцев – Ильи, Добрыни и Алеши. «Через несколько лет мои богатыри будут купаться в молоке», – гордо утверждает молодой отец. Но он не только мечтает об изобилии, но готов работать, не покладая рук.

Если в комедии «Свадьба с приданым» на переднем плане лирические переживания героев, то в последующих пьесах конфликт из лирической сферы исчезает. Любовные взаимоотношения перестают быть основой конфликтов. Автор разрабатывает тему первой влюбленности. Благодаря ей художественная ткань пьес пронизывается мотивом светлого лиризма. Влюбленные Сеня и Лира Лялины («Букет с берегов Вычегды»), Филя и Устенька Колосковы («Три богатыря»), Нива Пырейкина и Федор Морошкин («Нивушка-Нива») являются опорой, настоящими помощниками друг другу. Первая любовь представлена как цельное чувство, как возможность самосовершенствования. Она рождает веру и надежду в сердцах героев.

Филя восхищается своей женой Устенькой, которая родила тройню: трех сыновей. Драматург создает ряд сцен, в которых показывает, как он заботится о своей семье, оберегает Устю от излишних тревог, от необдуманных поступков. В юмористическом свете показана некоторая наивность Фили, его неумение реально оценить ситуацию.

Сеня привозит с юга свою невесту, бывшую однокурсницу, Лиру, которая превосходно играет на скрипке. В качестве свадебного подарка он преподносит ей ключи от новой квартиры. Лира сразу же как бы входит в роль жены. Автор пьесы затем отводит ей эпизодическую роль. На первый план выходят взаимоотношения Веры Михайловны и Лысанова. Мать Леры, чувствуя себя обманутой, рвется обратно домой. Драматург показывает, что все ее попытки оказываются безуспешными.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА (за сценой). О, господи боже, куда ты меня тащишь?

ЛЫСАНОВ (тоже за сценой.) Домой, домой, дорогая Вера Михайловна.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. В дом зятя я и ногой не ступлю.

ЛЫСАНОВ. А я на руках донесу.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. А я тебя сапогами изобью! (Визжит.)

Почти все персонажи прилагают усилия, чтобы Вера Михайловна осталась. Пьеса заканчивается ее восторженной фразой, адресованной Лысанову: «Лысук, пиши слова. Во мне рождается очень красивая музыка о букете с берегов Вычегды!..»

Таким образом, тема первой любви в комедиографии Н.Дьяконова выписана так же художественно убедительно, как и тема честного и добросовестного труда. Авторский юмор при этом – особенный. Его можно отнести к такому виду, который «порождается некоторым благосклонным добродушием» и «сопровождается именно чувством душевного тепла»⁷.

Надо отметить, что во всех комедиях, написанных в 1960-1980-е гг., усиливается критическое начало, что приводит к видоизменению конфликтного противостояния персонажей. Ведущими во всех пьесах являются молодые герои – задорные, полные энтузиазма и желания честно и добросовестно трудиться.

Драматург изображает отрицательные явления, встречавшиеся в жизни. Он высмеивает равнодушное отношение руководителей к земле, их карьеристские устремления, очковтирательство, формализм. Начальник ТЭЦ Баля Степан («Букет с берегов Вычегды») вместо организации трудового процесса выносит выговоры, из-за чего специалисты покидают стройку, а сам он не способен прочитать чертеж. Руководители колхоза Люлич Васька, Октябрина, Палич Микул («Три богатыря») вместо того, чтобы возделывать землю, продают лес южным районам и слывят миллионерами. Образы нерадивых руководителей представлены в ироническом свете. При этом драматург создает лишь эпизодические сцены их обличения, а больше внимания уделяет утверждению иного стиля взаимоотношений между героями. Филя Колосков развенчивает мнимую славу колхоза, достигаемую за счет продажи леса, и вместе с друзьями бе-

рется за выращивание картофеля. Молодой инженер Лялин избегает вступать в спор с начальником управления Баля Степаном, а пытается сам разобраться в причинах аварии, которая произошла на стройке отчасти по его вине. Герой приходит к неординарному решению: пишет приказ-клятву, в котором обещает строить коммунистические объекты. Демобилизованный из армии Федя Морошкин без ведома бригадира и директора совхоза организует уборочно-транспортный отряд, чтобы задействовать простаивающую в отделении технику («Нивушка-Нива»).

Комедийные пьесы Николая Дьяконова напоминают, что литературное творчество – это искусство вымысла, искусство фантазии. В своей комедиографии драматург создавал свою художественную реальность – мир иной, не совсем похожий, но и не настолько фантастический, чтобы быть неузнаваемым. В образах своих героев он отразил многие тенденции времени, выразил личностное отношение к жизненным проблемам, особенности своего оптимистического, жизнеутверждающего мироощущения.

---

¹ Бугров Б. Герой принимает решение. Движение драмы от 50-х годов. – М., 1967. – С. 9.

² Там же. – С. 17.

³ Н.М.Федь. Искусство комедии или мир сквозь смех. – М., 1978. – С. 43.

⁴ Опыт работы Московского театра Сатиры над советской пьесой (Свадьба с приданым). – М., 1953. – С. 4-5.

⁵ Фролов В. Муза пламенной сатиры. – М., 1988. – С. 220.

⁶ Латышева В.А. Конфликт и характер в коми драматургии. – Сыктывкар, 1973. – С. 70.

⁷ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М., 1976. – С. 126.

Творческое наследие Каллистрата Жакова в контексте музейной экспозиции (по материалам этнографической экспозиции Национального музея Республики Коми)

Экспозиция Национального музея Республики Коми «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX веков» была открыта для посетителей в начале 2002 г. При ее создании творческая группа поставила перед собой сложную задачу показать мировоззрение крестьян коми на рубеже XIX–XX столетий. Для этого на основе легенд и преданий коми был разработан сценарий, постепенно открывающий перед посетителями жизненный путь пары – охотника Алексея и его жены Лизы, и одновременно показывающий народную культуру, а также представления коми об устройстве мира. В процессе создания экспозиции на первый план вышли вопросы восприятия коми крестьянами невидимого, сакрального мира, а также отражение религиозного и мистического опыта в образах героев сказаний, воплощение этого опыта в обрядах, ритуалах и в мире предметов. Бесценным источником материала такого рода для авторов концепции и сценария экспозиции стало творчество писателя, философа и этнографа К.Ф.Жакова. Цель данной работы – рассмотреть основные сказочные сюжеты из наследия писателя, которые легли в основу концепции и сценария экспозиции, раскрыть их значение для понимания традиций коми народной духовной культуры, показать созвучность, актуальность «вечных» вопросов для людей как XIX, так и XX столетий. Эти задачи решаются на примере опыта совместной работы всей творческой группы научных сотрудников (Т.А.Пьянкова, О.Н.Смирнова, В.Б.Липин) и художников (А.В.Самойлов, Н.П.Бурдаев) по музейному моделированию комплексов предметов и символов народного искусства.

Наследие К.Жакова столь же многогранно и богато, как и его личность. Высокую оценку творчества писателя давали многие его современники. В их числе можно назвать известного социолога Питирима Сорокина, который считал, что в очерках и рассказах К.Жакова содержится множество материалов для исследований этнографов и историков культуры. По его мнению, «всякий, хоть немного знакомый с зырянами, читая произведения К.Ф.Жакова, сразу заметит что-то зырянское, свойственное этому народу. Переплетаясь с личными мотивами и настроениями,

эти особенности народной души составляют одно гармоничное целое и вводят нас в тайники жизни маленького народа»¹.

Обращаясь к творчеству К.Ф.Жакова, наш современник литературовед В.Н.Демин отметил: «Что касается художественного мышления К.Ф.Жакова, то во многом оно определяется философией и поэтикой сказки»². Он приводит в подтверждение слова самого Каллистрата Фалалеевича: «Душа моя была разбита на две части: на сказку и на звездное небо»³. Ю.Г.Рочев с позиций советской фольклористики попытался проанализировать работу К.Ф.Жакова по собиранию фольклора коми, а также его публикации произведений устной народной словесности. По мнению Ю.Г.Рочева, личный архив писателя не позволяет выяснить, записывал ли К.Ф.Жаков с голоса, со слов исполнителя или по памяти. Подлинных записей образцов фольклора, сделанных рукой автора, сохранилось мало, в тоже время в его литературных произведениях обнаруживается обилие фольклорного материала. С точки зрения коми фольклориста, иногда авторские изменения совсем незначительны, а в некоторых случаях от оригинала остается только «сюжетный каркас, который изобилует несвойственными для народной речи описаниями, детализацией, пояснениями. Для читателя, особенно российского, становится все ясно и понятно: и обстановка, и причинно-следственная обусловленность поступков героя предания, и художественная цельность произведения»⁴. Ю.Г.Рочев также заметил, что во многих рассказах и очерках, написанных от первого лица, автор называет себя собирателем песен и сказок. Ю.Г.Рочев пришел к выводу, о том что художественные произведения Жакова насквозь проникнуты народным духом, представляют собой философское осмысление народной истории, и так же как «Калевала», близки к устному народному творчеству, прежде всего к коми фольклору⁵.

Действительно, именно проявление подлинно народного духа и народной души делают неповторимыми этнографические очерки К.Жакова, его рассказы, сказки, роман «Сквозь строй жизни» и философскую работу «Лимитизм. Единство наук, философии и религии». В его произведениях гармонично сочетаются реальность и волшебство, мистическое восприятие сказителя и тонкий психологизм ученого. Творчество К.Ф.Жакова рассматривалось с разных позиций, но, по нашему мнению, менее всего внимания было уделено соотнесению его наследия со сказительскими традициями. Вероятно, это связано с тем, что сохранилось мало сведений, как о самих сказочниках коми, так и о формах бытования сказительских традиций, передаче знаний из поколения в поколение. Путешественники и исследователи XIX и XX столетий в большинстве случаев кратко упоминают о том, что в начале XX в. в среде коми охотников на промысле ценились люди, умеющие рассказывать охотничьи былички,

сказки, знающие старинные предания, легенды⁶. К.Ф.Жаков в своих очерках и рассказах описывает некоторые встречи со сказочниками коми. Так, рассказ «Коквицы» в определенной степени представляет собой зарисовку с натуры работы самого К.Ф.Жакова как фольклориста, когда он записывал сказки и легенды в этом селе. Местные крестьяне сообщают ему: «У нас найдутся сказочники. Степ Вань, Пиль Вань мастера сказки сказывать: зимой на мельнице только их и слышно. Врут да врут, смеху-то сколько. Выше же их всех слепой Пронь». И далее он проникновенно описывает, как слепой старик целый день рассказывал сказки приезжему гостю и собравшимся крестьянам: «Уже к вечеру солнце пошло, уж румянцем вечерним озарило оно отдаленные леса за рекой Вычегдой, а Пронь все утешал нас разнообразными сказаниями. И мужики, и бабы стояли под полатями и слушали, многие руки приложили к щекам и, сидя на лавке, предались тихой грусти, дети заплакали и унялись и вновь заплакали, а конца не было поэме Прокопия»⁷. Судя по рассказам Жакова, когда он приезжал из Петербурга собирать фольклор, в деревнях и селах было еще много хороших сказочников коми. В то же время Каллистрат Фалалеевич отмечает угасание сказочных традиций, забвение сюжетов, которые сам он помнил с детства, исчезновение сказителей в некоторых деревнях. Например, рассказ «Эжол» начинается с детских воспоминаний о сказочнике Мите, услышанных от него волшебных сказках, легендах о жизни народа коми и его богах до проникновения христианства. Спустя много лет встреча с Митей принесла разочарование, потому что друг детства под давлением жизненных забот стал совершенно равнодушен к поэзии сказок и преданий. В этом рассказе явно видится, какой глубокий след сказки детства оставили в душе К.Ф.Жакова и какую значительную роль сказки и сказочники сыграли в формировании его мировоззрения и таланта⁸. Конечно, сейчас трудно восстановить процесс изучения коми фольклора К.Ф.Жаковым и представить обычаи, некогда существовавшие в этой области народного быта коми. Тем не менее, можно хотя бы частично восполнить этот пробел, сравнивая дар К.Ф.Жакова как сказителя и достигнутые им вершины с некоторыми современными исследованиями устного народного творчества, в том числе с работами К.П.Эстес, доктора философии и сказительницы в одном лице. Она получила начальное представление о рассказывании историй и сказок в детстве от своих венгерских родственников – крестьян. Почти столетие спустя, подобно К.Ф.Жакову, соединив поэтический дух народной сказительницы и талант ученого-психоаналитика, К.Эстес глубоко исследовала суть творчества сказителя, опираясь на опыт предков и свой собственный. Она пришла к выводу, что сказка в народной традиции – это лекарство, а их рассказывание в повседневной жизни крестьян было своего рода целительством, особенно по ее наблю-

дням в трагические годы Второй мировой войны и какое-то время после ее окончания. По ее мнению, «сказка в любом случае вырастает только из тяжелого труда – умственного, духовного, физического и совокупного. Она никогда не дается легко. Ее невозможно просто «подобрать» или изучить в свободное время». Ее суть не может родиться или храниться в тепличных условиях, она не может достичь глубины в восторженном, но нерешительном уме, не может жить в общительном, но пустом окружении. Сказку нельзя «изучить». Ее можно усвоить методом ассимиляции, если жить рядом с теми, кто ее знает, кто ею живет и кто передает ее другим, главным образом в потоке обыденных повседневных задач, а не подчеркнуто ритуальных знаний. Целебное снадобье сказки существует не в вакууме. Оно не может существовать в отрыве от своего духовного источника. Его нельзя получить с наскока. Сказка приобретает целостность, если прожить в ней реальную жизнь. Сказка приобретает яркий свет, если вырасти в ней»⁹. В своих работах К.Эстес рассматривает другие функции сказки: обучающую, развлекательную, а также связь сказки с традиционными обрядами, символическое значение и сказок, и ритуалов. Она отмечает, что в подлинной сказочной традиции «рассказ начинают с того, что мобилизуют душевное содержимое, коллективное и личное»¹⁰.

Рассматривая творческое наследие К.Ф.Жакова со столь высоких позиций, можно с уверенностью сказать, что все сказки, легенды, сказочные сюжеты, записанные К.Ф.Жаковым дословно, а также в той или иной степени обработанные автором, сказки внутри литературных произведений и авторские литературные сказки – по сути своей творчество народного сказителя. При этом мы намеренно оставляем в стороне принятые в современной науке жанровые различия. Ко всем произведениям К.Ф.Жакова полностью применимо еще одно определение К.Эстес: «Ведь сказка – не просто сказка. В самом сокровенном и истинном смысле она есть чья-то жизнь. Именно высшая сила, присутствующая в жизни человека, и то, что он пережил, заключенное в сказке знание, делают эту сказку лекарством»¹¹. Эти слова созвучны высказыванию самого К.Ф.Жакова: «Я волею в сказочную форму глубокое содержание действительности, действительность подниму я до волшебной сказки, и дам, таким образом, миру нечто совершенно новое»¹².

Во многом благодаря этим достоинствам произведений К.Ф.Жакова концепция и сценарий экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX в.» обрели и подлинно народный дух, и глубину смысла, и захватывающие повороты сюжета, которые вызывают интерес посетителей разного возраста и склада характера. Из сказок и преданий, найденных у К.Ф.Жакова, в экспозицию полностью введены три сюжета: «Йиркап и голубой олень», «Рос» и «Парма Степан»¹³. По мнению коми фольклориста Ю.Г.Рочева текст первого записан К.Ф.Жаковым дословно, второго – подвергся незначительной литературной обработке. «Парма Степан» – это рассказ,

сюжет которого гармонично сочетает сказку и быль. Все три сказания выросли из реальной жизни коми крестьян того времени. Каллистрат Жаков, впитав в себя с детства дух и целительную силу народной сказки, прочувствовал и пережил их, как часть судьбы своего народа, обогатив их знаниями российского ученого. Понимание сказки как лекарства, обретения через нее подлинного знания народа коми о сути человеческой души старалась передать в пространстве музея творческая группа сотрудников и художников современными средствами. Сила воздействия народной сказки столь велика, что она помогает человеку увидеть сказки в своей жизни, ощутить силу своего духа.

Многих героев сказок, рассказов К.Ф.Жакова волнуют вопросы о смысле жизни и предназначении человека в этом мире. В духовной культуре каждого народа эти вопросы занимают ключевое место. Ответы на них при этом в значительной степени зависят от осмысления той картины мира, которая является доминирующей в духовной традиции народа в определенный период его истории. В конце XIX – начале XX вв. в культуре коми главное место принадлежало христианскому мировоззрению, причем большинство населения следовало традициям русской православной церкви, а меньшая, но довольно значительная часть исповедала старообрядчество. Особенностью картины мира коми того времени можно считать включение внутрь этой доминирующей системы более древних элементов дохристианской мифологической картины мира. Сюжет легенды об охотнике Ёиркапе и голубом олене корнями уходит в глубокую древность, его основа – миф о небесном олене, несущем на золотых рогах солнце, и небесном медведе, который гонится за ним, чтобы забрать солнце. Образы мифа описывали природные явления – моменты солнцеворота, смену времен года. В XIX в. эти образы приобретают иной смысл и иную окраску. В легенде перед нами предстает образ коми охотника и его отношения с миром. Дословный текст, записанный К.Ф.Жаковым и позднее другими исследователями, не позволяет сразу понять все тонкости взаимоотношений героев и связи событий¹⁴. Если взглянуть внимательней, то становится очевидно, что рассказ о погоне молодого охотника за оленем-девушкой переключает внимание на возможные нарушения в отношениях мужчины и женщины, а также в их отношении к собственной природе, душе, чувствам своим и другого человека. Эту легенду можно отнести к разряду сказаний, обучающих, что «не надо делать», помогающих своими образами молодым людям постигать суть жизненного цикла, в народном понимании цикла жизни-смерти-жизни. Кроме того, в этой легенде нашло отражение явление, существовавшее в культуре коми того времени, а именно – верования, связанные с разного рода колдовством и колдунами. Охотник Ёиркап, человек смелый, силь-

ный, без крайностей демонизма в характере, но прибегающий к колдовству ради достижения своих целей, стал прототипом Алексея, главного героя музейного сценария. В экспозиции представлен самый драматический момент легенды об Йиркапе. В центре подиума стоит девушка в наряде просватанной невесты, у ее ног только что сброшенная шкура оленя, рядом та же девушка, но уже в подвенечном уборе. Над фигурами девушек на стойках, напоминающих уходящие ввысь деревья, находятся головные уборы замужних женщин, с изображениями золоторого оленя, как явными, так и очень стилизованными. Слева к девушкам подходит охотник в полном снаряжении, а справа на девушку в подвенечном уборе нападает его двойник – мужчина в медвежьей шкуре. Символика девичьих и женских головных уборов вводит посетителей в мир образов народного свадебного обряда, а драматизм сцены вызывает ощущение опасности, связанной с нарушением запретов, сложившихся в коми крестьянской среде.

Сказка «Рос» органично вошла в сюжет музейного сценария, рассказывающего о судьбе пары. Это сказка о девочке, которую украл злой банный дух, подбросив взамен полено, которое все принимали за больного ребенка. Затем девочку, уже девушку спас молодой охотник. По своему глубинному смыслу это сказка о женской судьбе, о разных сторонах личности женщины. В этой сказке есть образ девочки – беспомощного младенца, попадающего во власть нечистой силы. Есть в ней образ молодой девушки, нашедшей силы и способ уйти от банного духа, преодолев все трудности. Есть здесь образ матери, которая всеми силами добивается исцеления ребенка. Как полагается в сказочной традиции, здесь имеется старуха колдунья, замыслившая месть отцу ребенка. В варианте, записанном К.Ф.Жаковым, этот образ сливается с образом матери девушки, которая произнесла недобрые слова о младенце, что и стало причиной несчастья. В сказке есть еще один образ матери, которая мудрым советом помогает сыну избежать козней злого духа и спасти девушку. Все эти персонажи каждый по-своему рассказывают о женской природе и предназначении женщины в народном понимании, об испытаниях, которые ожидают женщину в познании жизни-смерти-жизни в ее повседневных семейных делах. В экспозиции эта сказка представлена в комплексе «Материнская любовь в культуре коми». Здесь нет игровой сцены и манекенов, есть только банька, срубленная из бревен, где в лотке из бересты лежит одинокий младенец, а в уголке напротив, укутанном домоткаными холстами, дожидаются малыша колыбели и незатейливые игрушки. Все остальные герои сказки невидимы для зрителя, как невидимы для нас порой те нити, которые связывают судьбы детей и родителей. По сюжету, опубликованному К.Ф.Жаковым, девушку спасла любовь парня и его со-

гласие на венчание в церкви. Мы же подобрали материал о святых источниках, у которых по поверьям можно было умолить Богородицу даровать исцеление от болезней и колдовской порчи. Сбоку от бани находится большая фотография обетного креста в полную высоту. Крест поставлен у исцеляющего источника во имя Пресвятой Богородицы – и здесь образ Вселенской Матери можно увидеть только глазами человеческой души. Вот так и в сказке, и в музейной экспозиции, как в сознании народа, переплетаются христианство и язычество.

Рассказ «Парма Степан» начинается с достаточно известного у русских и коми сказочного сюжета о жизненном пути человека, о поиске своего предназначения. Вторая часть основана на подлинной истории жизни мужчины коми со всеми реалиями той эпохи. Рассказ «Парма Степан» отворяет дверь в великую тайну жизни и смерти в Божественном цикле творения. В нем К.Ф.Жаков повествует о судьбе трех братьев, подробно описывая романтическую историю одного из них, при этом лишь кратко говоря о судьбах двух других братьев. Судьба трех братьев – три пути-дороги в жизни. Коротко их можно обозначить так: путь первый – развитие и становление человека в семье, путь второй – духовное подвижничество в лоне церкви или в качестве старообрядческого наставника, отшельника, человека святой жизни, путь третий – накопление личного опыта через мирскую жизнь в обществе.

Разумеется, в ту эпоху в мировосприятии крестьян коми уже сложился определенный идеал христианской жизни, смыслом и целью которой согласно вероучению было спасение бессмертной человеческой души через любовь к Богу и ближнему. На основе общего идеала сформировались представления о воплощении христианского образа жизни в судьбах людей. Определить свой путь в жизни, сделать выбор можно было разными способами. Здесь мы назовем три из них, достаточно широко распространенные в среде коми крестьян в XIX – начале XX вв.: вещие сны, гадания, обращение к «святым людям», старцам. Вещий сон – мотив часто встречающийся в фольклоре коми. В жизни к снам относились и относятся очень осторожно, стараясь не преувеличивать их значения, но к особым вещим снам относились внимательно. В нашей полевой практике нам приходилось встречаться со случаями, когда, по мнению людей, необычный сон предвещал то или иное событие в жизни семьи, деревни, или под влиянием такого важного сна совершались необходимые поступки, действия¹⁵. В вещих снах часто являются души умерших родственников, предков. В рассказах о сновидениях нередко приводятся христианские сюжеты¹⁶. Существовали способы вызывания вещих снов, особенно во время святочных дней. К.Жаков так описал один из них в рассказе «Парма Степан»: «Отец нам сказал, что вотчины мало у нас, и каждый

должен избрать какое-нибудь ремесло, и приказывал нам, чтобы мы по очереди и в одиночку ночевали в пустой новой избе и рассказывали бы ему свои сны, какие мы увидим. Старшему брату приснилось, что он в поле пашет землю. «Быть тебе земледельцем и сидеть дома и кормить меня», – сказал старик. Второй брат увидел во сне большую книгу, и отец послал его учиться к староверам. На третью ночь я пошел в новую избу. Мне приснился старик с длинной седой бородой, который мне сказал строго: «Труд и лишения встретишь ты в жизни и горе на старости лет». «Тебе странствовать», – отец сказал, и с тех пор три года живу я в чужих людях»¹⁷.

Второй способ определить путь в жизни в то время был связан со святочными гаданиями. Гадания находились в противоречии с нормами православия. Более вероятна их связь с дохристианскими верованиями у коми, поскольку в дни зимнего солнцестояния по народным поверьям возможны контакты с миром умерших. Представления коми о загробном мире имеют много особенностей, в том числе и почтительное отношение к духам предков¹⁸. Чтобы выделить эти особенности мировоззрения коми, в сценарии нашей экспозиции мы изменили сюжет о вещем сне, добавив гадание с «покойником» и оставив прежним смысл предсказаний. Такой обряд гадания описан в 1920-е гг. этнографом А.С.Сидоровым, представлен он и в материалах Т.Е.Утилы, опубликованных П.Кокконен¹⁹. У коми в этом обряде участвовали только мужчины, так как это считалось опасным. Гадание происходило следующим образом: один из гадающих изображал покойника, его обмывали, обряжали, укладывали на лавку, как умершего человека, в руках он держал зеркало, в изголовье находилось еще одно. А.С.Сидоров писал: «Считается, что будущая судьба человека символически выражается в его внешности заранее: одни должны выходить с гробом, другие с венцом, третьи с ребенком и т.д. Мнимый покойник будто бы видит это и должен рассказать каждому гадающему свое о нем впечатление»²⁰.

В экспозиции мы постарались создать художественный образ народного гадания как способа поиска пути в жизни. В комплексе «Святочное гадание» воспроизведен фрагмент интерьера заброшенного крестьянского дома, в котором развернута сцена гадания по описанию А.С.Сидорова. Комплекс «Рождество Христово у коми в конце XIX – начале XX в.» повествует о судьбе старшего брата, о становлении человека в православной семье. В сознании коми крестьян путь жизни в семье был путем достойным, требующим немалых душевных сил и духовного труда. Как предупреждение потомкам звучит повествование о судьбе младшего из братьев, которому были предсказаны странствования, лишения и горе на старости лет. Мотив странствования на наш взгляд в более широком значении представляет собой поиск смысла жизни в тех случаях, когда человеку не хватает опыта и знаний самостоятельно разо-

браться в ценностях, которые хранит его род, и которые предлагаются окружающим миром. О судьбе младшего брата рассказывает небольшой комплекс «Одинокый странник»²¹. Жизненный путь второго брата, которому по сюжету предсказано стать наставником староверия, подвижником христианской веры, мы планируем показать в разделе, посвященном народному православию коми.

Общее направление, в котором развивалось осознание смысла жизни, доминанту той эпохи К.Ф.Жаков выразил тонко и поэтично: «Жизнь есть величайшее терпение и стремление к Богу – вольное и невольное»²². В его произведениях обнаруживается прочная связь с народной сказительской традицией, которая учила каждого человека видеть сказки в своей жизни, исцеляя, таким образом, свою душу, дух и саму жизнь. В его сказках и рассказах отразилось народное восприятие «вечных» вопросов об отношениях мужчины и женщины, о предназначении женщины, о поиске смысла жизни мужчины, характерные для конца XIX столетия. Темы, затронутые К.Ф.Жаковым, актуальны и сегодня. Наш опыт строительства экспозиции по традиционной культуре показывает, что музейные средства и способы позволяют синтезировать силу и мудрость сказок с символикой предметов народного искусства и быта. В свою очередь, такой подход позволяет привлечь внимание посетителей к мировоззрению народа и дает возможность увидеть ответы на «вечные» вопросы с иной точки зрения.

¹ Сорокин П.А. Грезы Севера // Арт. – Сыктывкар, 2001. – № 3. – С. 103.

² Демин В.Н. Жаков К.Ф. как явление финно-угорской культуры XX века // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 55. – Сыктывкар, 1993. – 1993. – С. 9.

³ Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Ч.1. – СПб.: тип. Тов. «Грамотность», 1912. – С. 49-50.

⁴ Рочев Ю.Г. К.Ф. Жаков и фольклор // К.Ф.Жаков. Проблемы творчества. – С. 53.

⁵ Там же. – С. 55.

⁶ Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. – М., 1983. – С. 61.

⁷ Жаков К.Ф. Парма Степан // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра : рассказы, очерки, сказки, предания. – С. 199-200.

⁸ Там же. – С. 193-197.

⁹ Эстес К.П. Бегущая с волками. – Киев, 2003. – С. 448-449.

¹⁰ Там же. – С. 451.

¹¹ Там же.

¹² Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. – С. 73.

¹³ Жаков К.Ф. Под шум северного ветра : рассказы, очерки, сказки предания. – Сыктывкар, 1990.

¹⁴ Коми легенды и предания. – Сыктывкар, 1984. – С. 44-45.

¹⁵ Смирнова О.Н., Чувьоров А.А. К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. – СПб., 2002. – С. 80.

¹⁶ Шарапов В.Э. Сны и сновидения в фольклоре коми // Арт. – Сыктывкар, 1997. – С. 222-229.

¹⁷ Жаков К.Ф. Парма Степан. – С. 82.

¹⁸ Налимов В.П. Некоторые черты языческого мирозерцания зырян // Памятники Отечества. Земля Коми. – 1996. – № 36. – С. 169-185.

¹⁹ Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. – СПб., 1997. – С. 233-234. Uotila T.E. Syrianishe texte Suoma laisugrilainen Seura. Band III. – Helsinki, 1989. – С. 199-200.

²⁰ Сидоров А.С. Указ соч. – С. 233-234.

²¹ Смирнова О.Н. Мужчина и женщина вышли из темноты забвения // Мир музея. – 2003. – № 6. – С. 28-35.

²² Жаков К.Ф. Лимитизм. Избранные главы. // Арт. – Сыктывкар. – № 3. – 2001. – С. 93.

Человек и мир в путевых записях академика Палласа¹

Научное наследие и биография акад. П.С.Палласа неизменно привлекали историков российской академической науки и конкретных научных дисциплин, вклад Палласа в которые бесспорен. Данное сообщение посвящено исторической реконструкции методологической позиции Палласа как исследователя-путешественника, его субъективного мироощущения, отраженного в классическом труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Именно в этих аспектах, как мы полагаем, Паллас предстает выразителем духа эпохи, в силу масштабности научной рефлексии способным отчетливо артикулировать свою позицию.

Российские академические экспедиции XVIII в. предпринимались как масштабные комплексные проекты, ориентированные на всестороннее обследование территорий Российской империи. При планировании экспедиций учитывались также запросы Вольного экономического Общества, Медицинской коллегии, Берг- и Коммерц-коллегий. Паллас принимал активное участие в разработке экспедиционных инструкций, фактически – программ, по которым путешественникам предстояло работать в пути.

По программе экспедиций можно установить базовые аспекты исследования, которое имело четко выраженную прикладную направленность. Путешественникам рекомендовалось изучить территории по ходу маршрута на предмет их использования для сельского хозяйства, торговли, рудного дела. Также следовало примечать характерные для каждой местности приемы народной ветеринарии и медицины, применение лекарственного растительного сырья, особенности ландшафта и климата.

Самостоятельный исследовательский блок представляло описание обычаев и обрядности народов, населяющих обследуемые территории, памятников древности².

Можно было бы с полным основанием сказать, что такой подход требовал специалистов различного профиля, однако в XVIII в. просвещенный наблюдатель должен был в единственном лице быть компетентным во всех перечисленных аспектах фундаментального и прикладного знания. Так, в состав экспедиционного отряда Палласа входил рисовальщик, чучельник, три студента, егерь и капитан³, т.е. вся научная часть программы возлагалась на него одного. Таким образом, путешественник, особенно в малоисследованных местностях, оказывался наедине с миром

неодушевленной природы, растительного и животного царств, в окружении неизвестных или малоизученных народов.

Отсутствие предварительной концептуализации наблюдаемого как основы для формирования единиц наблюдения Паллас возводит в принцип: «Сколь ревностно я в моей науке справедливость наблюдаю <...>, столь во всем оном описании моего путешествия я не выступал из нее ни наималейше: ибо по своему понятию взять вещь за другую и уважить больше, нежели какова она есть в самом деле, где прибавить, а где утаить, я считал за наказания достойный проступок против ученого свету, наипаче между натуралистами, где известно, что важное или полезное что открыть не состоит во власти естествонаблюдателя: он ничего более не может, как <...> передать нам свое точнейшее наблюдение⁴. Такой крайний объективизм имел еще одно измерение – Паллас предполагал дальнейшее развитие практики и научного знания, контуры которого в его эпоху еще не просматривались. Он писал: «И хотя всякое путешествие за естественными наблюдениями еще вдвое того более откровений учинило, нежели сколько имеет, однако большая из них часть не так скоро нам изящную свою пользу покажут; напротив же многие вещи, кои ныне не за великие ставятся, нашим потомкам важными быть могут»⁵.

Таким образом, в отношении к наблюдаемому ученый-наблюдатель выступает, по мысли Палласа, бесстрастным регистратором всего доступного наблюдению. Однако был ли Паллас на деле таким бесстрастным регистратором? В литературе, посвященной академику-энциклопедисту, стиль его путевых записок признается «сухим». В частности, эту точку зрения реплицирует публикатор писем П.С.Палласа В.И.Осипов⁶. Текстуальное изучение «Путешествия...» опровергает эту оценку, по крайней мере в аспекте выражения Палласом личного эмоционального отношения к наблюдаемым объектам живой и неживой природы, ландшафту. Кратко это отношение можно охарактеризовать как восторг и умиление. Обратимся непосредственно к тексту III тома «Путешествий», в котором отражены картины наиболее далеких краев.

«Множество оленей и других диких зверей, еще более различных птиц в сие вешнее время делали страну столь приятной, что приятнее и уединеннее желать больше не нужно, и я нигде в моей жизни лучше не видывал. Таковое восхищение, а наипаче многие хорошенькие травки <...>, уже в полном своем цвету стоящие, столько меня привлекли, что я тут при одном ключе <...> ночевать остановился»⁷. В этой записи видно субъективное переживание отрадности наблюдаемой местности, богатства ее природы. Паллас, внесший фундаментальный вклад в ботанику как ученый, наблюдает растения, одновременно восхищаясь их красотой. Так, фиксируя произрастание одного из видов ириса, он пишет, что тот

«роскошествовал» по пескам вокруг озера⁸, другой вид ириса называет «прекрасным»⁹. Направляясь для обозрения месторождения железной руды, путешественник ярко описывает картины природы: цветущую траву, стаи летающих птиц – голубых кедровок¹⁰. Индивидуальность этим описаниям придает сочетание почти высокопарных эпитетов с действительно сухим обозначением латинских названий видов растений и животных. Нельзя исключить, что эмоциональный энтузиазм был обусловлен возрастом путешественника, которому в то время было едва за тридцать.

В части описания этнографических реалий «обских остяков» Паллас изложил наблюдения члена экспедиции студента Зуева. Обширный обзор, инкорпорированный в текст «Путешествия...», представляет собой одну из первых попыток установления особенностей быта, занятий, одежды малочисленных народов Сибири, в терминологии Палласа «обских остяков» (собирательное название хантов, кетов, селькупов). Восстановим аспекты этих реалий, которые Паллас полагал необходимым изложить. Наиболее подробно представлена информация об одежде в соответствии с сезоном (нижняя, верхняя, обувь), обряды жизненного цикла (рождение, похороны), приметы, лечебная магия, моленные места и соответствующая им обрядность, традиционные способы заготовки продуктов¹¹. Таким образом, мир повседневности коренных обитателей Сибири восстановлен достаточно полно. Примечательно, что аспект социальной организации практически не выявлен, поэтому общая картина выглядит несколько статичной, вневременной.

Более динамично и с элементами прагматизма Паллас зафиксировал наблюдения, сделанные в г. Кяхте – крупном центре российско-китайской приграничной торговли. Его субъективное отношение по сравнению с описаниями природы практически не выражено в эмоциональном аспекте, но четко представлена конструктивная позиция по улучшению условий для российской торговли. Так, Паллас предлагает учредить в Кяхте купеческое общество для изучения ценообразования и выявления оптимальной конъюнктуры для российских товаров¹².

Несомненную историческую ценность представляет полная номенклатура товаров китайского приграничного рынка с оценкой качества конкретных предметов торговли (шелка, чая, фарфора). Небезынтересно упоминание о фарфоровых изделиях и украшениях, декор которых был ориентирован на европейский вкус, т.е. они предназначались исключительно для вневосточного рынка¹³.

Описание этнографических реалий, доступных наблюдению в Кяхте, носит прикладной характер и призвано ориентировать российских купцов и чиновников в деловых контактах с китайцами. Так, из элемен-

тов одежды вычлняются те, которые фиксируют социальный ранг человека (хрустальная пуговица и павлинье перо на шапке – чиновник); обрисованы черты характера китайцев, проявляющиеся в деловых контактах (в отношениях с русскими – лукавы, скрытны, солидарны между собой); досуговые занятия (шашки, карты), формы гостеприимства (угощение чаем, табаком, алкоголем); явные предпочтения в пище (овощи, плоды, сласти) и виды пищи, употребление которой не афишировалось для иностранцев (мясо собак, лягушки, саранча)¹⁴. В этой картине бытописания Паллас – не холодный регистратор, а человек с четко проявленной прагматической направленностью. Если восстановление реалий жизни малочисленных народов Сибири носит несколько статичный характер, то кяхтинские зарисовки более динамичны, просматривается нацеленность на практическое взаимодействие с этими реалиями.

Итак, текст «Путешествий...» Палласа, написанный представителем интеллектуальной элиты своего времени, позволяет реконструировать отношение человека к миру как исключительно положительное с оттенком прагматизма – мир живой природы, ландшафты прекрасны, но созданы как будто специально для того, чтобы быть использованными человеком в своих целях. Концептуально наблюдатель еще не обусловлен, не скован рамками дисциплинарно конкретизированных научных задач, поэтому картина наблюдаемого дается как системная, но аналитически нерасчлененная целостность. Собственная позиция Палласа, особенно в части ответственности перед последующими поколениями ученых, вызывает интерес как заявка на историзм и идею развития в подходе к истории научного знания.

---

¹ Доклад подготовлен в рамках коллективного проекта «Академик Петр Симон Паллас (1741-1811) – последний из энциклопедистов XVIII в.», поддержанного РГНФ (грант 05-03-03133а).

² Научное наследие П.С.Палласа. Письма. 1768–1771. Сост. В.И. Осипов – СПб., 1993. – С. 9-10.

³ Муравьев В. Дорогами российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. – М., 1977. – С. 20.

⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т.3. – СПб., 1788, С. 1.

⁵ Там же. – С. 2.

⁶ Научное наследие П.С.Палласа. – С. 16.

⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т.3. – С. 315.

⁸ Там же. – С. 295.

⁹ Там же. – С. 307.

¹⁰ Там же. – С. 221.

¹¹ Там же. – С. 50-84.

¹² Там же. – С. 186.

¹³ Там же. – С. 195.

¹⁴ Там же. – С. 170-186.

**Два скульптора (Ю.Г.Борисов и В.Н.Мамченко) – одно время
(1950-е - 1960-е годы)**

Ю.Г.Борисов (1928-1977). Лауреат Государственной премии Коми АССР за 1969-1970 гг. за лучшие произведения литературы и искусства: «Зарни ань» («Золотая мать»), «Подружки», «Портрет полярного исследователя В.А.Русанова». Лауреат Государственной премии Коми АССР за создание в г. Сыктывкаре памятника «Вечной славы воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (в составе авторского коллектива).

В.Н.Мамченко (1929-2006). Заслуженный деятель искусств Коми АССР (1971). Дважды Лауреат Государственной премии Коми АССР (1970, 1984 гг.). Лауреат Государственной премии Республики Коми (2001). С 1999 г. – академик, действительный член Петровской академии наук и искусств. Заслуженный художник Российской Федерации (2005). Награжден медалями: «Житель блокадного Ленинграда», «Память 300-летия Санкт-Петербурга» (2004), «Памятная медаль в честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» (2004), «Орденом Дружбы» (1996).

Юрий Григорьевич Борисов и Владислав Никанорович Мамченко – основоположники профессиональной скульптуры в Республике Коми.

Их биографии имеют много общего: родились в деревне – Владислав Мамченко 28 февраля 1929 г. в Смоленской области (д. Шугайлово), Юрий Борисов 15 июля 1928 г. в Коми АССР (с. Турья). До переезда к родственникам в Ленинград Ю.Борисов воспитывался у своей бабушки А.Н.Обросовой (д.Серегово). Мальчиками оба оказались во время войны в блокадном Ленинграде. Ю.Борисов был эвакуирован с детским домом по «Дороге жизни» в деревню Толстикovo Ляховского района Горьковской (Владимирской) области. В.Мамченко поступил в ремесленное училище, где, обучаясь, точил детали для фронта. Во время бомбежки складов на Ржевке в апреле 1942 г. получил ранение обеих глаз. Пролежал месяц в военном госпитале на Моховой, во время обстрела чудом остался жив: неразорвавшийся снаряд попал в кушетку, на которой незадолго до этого лежал Владислав. Был прооперирован стареньким профессором, вернувшим ему зрение. По октябрь 1942 г. находился в блокадном Ленинграде до эвакуации семьи в Сибирь. В 1944 г. В.Мамченко возвращается в Ленинград.

Ю.Борисов¹ и В.Мамченко учились с 1946 по 1951 гг. в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И.Мухоминой

на отделении художественной обработки металла по специальности «*ученый рисовальщик по художественной обработке металла*». В 1951 г. Борисов приезжает в Сыктывкар и работает (1952-1957) в средней школе преподавателем рисования и черчения. В.Мамченко по распределению работал в Управлении по делам архитектуры г. Душанбе (Таджикистан). По приглашению Ю.Борисова В.Мамченко в 1953 г. приезжает в Сыктывкар. Почти одновременно Мамченко (1957) и Борисов (1958) вступают в члены Союза художников СССР.

Время определило художественную судьбу и нравственный строй творчества художников. Первые их совместные монументальные работы середины 1960-х гг. – в духе укоренившихся стандартов: «*Пионер*», «*Пионерка*» возле Сыктывкарского дворца пионеров и школьников, «*Шахтер*», «*Лесоруб*» у Республиканского художественного музея, фигуры спортсменов возле Дома физкультурника на городском стадионе; станковые работы (*Портрет Героя Советского Союза Н.В.Оплеснина*). Сотворчество этих двух современников продолжалось до кончины Ю.Борисова в 1977 г. Их последней совместной работой стал памятник «*Вечной славы воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945*», законченный В.Мамченко в 1984 г.

Творческое содружество этих двух скульпторов уникально: в истории коми изобразительного искусства это был единственный и плодотворный дуэт. Два таких разных творческих начала, объединенных одним временем, одной судьбой, соединила Республика Коми. Ю.Г.Борисов явился первым коми профессиональным скульптором, которым были созданы памятники (*Герою Советского Союза С.М.Черепанову* в с. Новый Бор, *исследователю Севера В.А.Русанову* в г. Печора и др.), первым скульптором, получившим признание за рубежом². В.Н.Мамченко можно назвать знаковой фигурой в истории художественной жизни Республики Коми. На протяжении всего своего творческого пути он создает галерею портретных изображений людей высокой нравственной чистоты, силы духа, понимая творчество как миссию; действует в соответствии с законами внутренней необходимости.

Для перемен в области пространственных искусств огромную роль сыграло Постановление Совета министров СССР о строительстве и архитектуре (1955). Материалы декоративно-прикладного искусства активно входят в область монументальной живописи и скульптуры. Это время увлечения природными свойствами материала (металл, дерево). Природные камни, рельефы из цветных цементов, нержавеющей стали широко применяются в жилых микрорайонах Эжвы, Сыктывкара. С их помощью преодолевалась стандартность застройки. Появляется новая пластика (мозаичные панно и рельефы из нержавеющей стали на ДOME культуры

бумажников п. Эжва (1966-1967)³; барельефы из нержавеющей стали Ю.Борисова «Образование – наука – труд», «Ученые – свет» на здании педучилища № 1). В 1966 г. Борисов и Мамченко работали над оформлением центральной площади и зданий четвертого жилого квартала Эжвы⁴.

Важная общественная тема: самобытность, своеобразие, поиски своей идентичности. Это выражалось на тематическом уровне. С середины 1960-х гг. в творчестве скульпторов появились произведения со своеобразным национальным колоритом: у В.Мамченко – серия «Люди тундры», у Ю.Борисова «Зарни ань», где материал (гранит) являлся своего рода символическим эквивалентом темы национальных образов территории. В.Мамченко не обошло характерное для этого времени увлечение декоративностью. Широта взглядов на традиции прошлого («Зима», «На страже») явилась своеобразным ответом на документальную сухость 1940-х – 1950-х гг.

Скульпторы в 1960-е гг. обращаются к забытым материалам: дереву (Ю.Борисов «Коми охотник», 1955; «Семья», 1966; В.Мамченко «Доярка», 1963.); крашеному гипсу (Ю.Борисов «Подсобница», 1963.); меди (Ю.Борисов «Оленевод», 1969; «Коми поэт В.Савин». Конец 1960-х гг.).

Перемены 1960-х гг. в идейной и стилистической направленности коснулись всех видов пространственных искусств. У станковых форм, в том числе и скульптуры, официальная установка на «идейность, партийность, народность» не менялась. Власть держалась привычных форм «деятельности в области изобразительных искусств», ей нужна была пропагандистская установка. Единственным заказчиком и покупателем произведений искусства в стране было государство. Давление государства было, но именно «государственная система финансирования и поддержки создавала реальные возможности осуществления перемен в монументальном искусстве»⁵. Финансовые договоры давали определенную обеспеченность художникам. Судьба художников зависела от Союза художников, от чиновников идеологических отделов ЦК КПСС, от комиссий и др. факторов. Борисов и Мамченко были востребованными художниками (у них были не только оформительские, но и творческие заказы).

В 1960-е гг. складывается традиция посещения мастерских художников. В.Мамченко являлся той фигурой, вокруг которой собирались не только коллеги, но и поклонники его творчества. В общей мастерской В.Мамченко и Ю.Борисова (с 1962 г. до конца 1960-х гг. с ними работала Тамара Краева⁶) собирались не только художники (В.Х.Эдельгаус – «лучший друг»). Аудитория расширялась за счет литературных (поэта В.Кушманова)⁷, театральных (актрисы Н.А.Сурковой)⁸, музыкальных кругов. Часто бывал у них священник Кочпонской церкви Владимир Жохов⁹, с семьей которого В.Мамченко был дружен долгое время. «Каждое

мало-мальски свежее... скульптурное произведение вызывало волну рассуждений о границах выразительности...»¹⁰. В 1960 г. В.Мамченко, заинтересованный человеческим типом, создал скульптурный портрет отца Владимира¹¹. В протоколах Союза художников отмечалось, что этот поступок «ложится пятном на коллектив». В статье, опубликованной в «Молодежи Севера», выбор моделью священника был «осужден» и оценивался как «недостойный советского художника и члена Союза, аполитичный и политически вредный»¹².

Идейная и пластическая программа «сурового стиля» требовала от художников не только нового тематического репертуара, но и достоверности, узнаваемости (зритель был воспитан на изобразительно-узнаваемой форме). Большие выставки показывали искусство как наглядное пособие, обслуживающее идеологию. Произведения оценивались под этим углом зрения, и каждый художник это знал и учитывал (или игнорировал, но знал)¹³. Сказанное относится к творчеству Борисова и Мамченко. Увлечение в конце 1960-х гг. «ленинской темой» не обошло скульпторов. «Возврат к ленинским нормам» сопровождался идеализацией людей и нравов первых послереволюционных лет. В собрании Национальной галереи Республики Коми кроме портретов имеются несколько вариантов памятника В.И.Ульянову-Ленину¹⁴, выполненных В.Н. Мамченко эмоционально-искренне. Ю.Борисов также много работал над «ленинианой».

Борисов и Мамченко не шли на разрыв с системой изобразительности, как, впрочем, большая часть поколения 1960-х гг. Начало творческой деятельности двух скульпторов приходится на конец 1950-х – начало 1960-х гг. – новый период в истории отечественной скульптуры. В это время в культурной жизни страны – литературе, музыке, кинематографе, изобразительном искусстве – началось движение, вызванное надеждами на коренные изменения в жизни общества. Этот период вошел в историю под названием «оттепель». Программное стремление создать искусство строгой нравственной чистоты, естественности и простоты действий, образов и идей завладело В.Мамченко и Ю.Борисовым. В первых своих работах они обнаруживают интерес к темам и ценностям повседневной жизни, к будням (В.Мамченко «Доярка», «Портрет девушки», Ю.Борисов «Подсобница»), к человеку-современнику (портреты поэтов В.Кушманова, И.Молчанова, выполненные В.Мамченко), Авторы продемонстрировали, хотя и нерешительное, стремление к обновлению образно-пластических возможностей языка скульптуры (В.Мамченко «Ленинградская симфония. Дмитрий Шостакович»). Развитие в сторону освобождения от идеологического давления не могло быть остановлено, од-

нако процесс этот всеми средствами тормозился, новые тенденции скрывались от публики.

Историзм художественного сознания – особенность творчества В.Мамченко. Историческая тема связывается с выражением определенных нравственно-этических симпатий художника. Особый тип художественного подхода мы видим в работе *«Ленинградская симфония. Дмитрий Шостакович»* (1967), когда сам персонаж является предметом эстетического осмысления его времени. Композиция произведения, материал и его обработка (черный шлифованный гранит) – составляют предметно-информационные «указатели», (при отсутствии внешних) направленные на ассоциативный отклик. По духу, по внутренней направленности в этом портрете В.Мамченко испытывает сильное влияние патетической тональности искусства 1960-х гг. в целом, и литовского скульптора Гядиминаса Йокубониса, в частности¹⁵. *«Ничего подобного раньше у Мамченко не было... Для многих, кто знал творчество скульптора, работа была неожиданной, многие ее не приняли... а самого автора она обогатила и резко расширила его творческий горизонт, как будто само небо, о котором мечтает каждый художник, взяло и сдвинуло крышу с того мирка, где жил и работал художник...»*, – писал о портрете друг и поэт Виктор Кушманов. *«Шостакович»* – *«застывшая в черном граните музыка»*¹⁶. Скульптор средствами пластики создал образ полный внутренней экспрессии, монументальный и значительный по содержанию.

В.Мамченко не избежал и тем гражданского звучания (*«Рабочий»; «Коммунист. Евгений Урбанский»*). О последней работе Э.Поповцева писала в 1969 г., что скульптор *«воспевает мужество, беззаветную преданность делу революции, создает образ человека, утверждающего на земле правду и счастье»*¹⁷. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. дает о себе знать тяга к лирическому высказыванию, без идейных нагрузок (лирические героини В.Мамченко – *«Аэлита»*, *«Голова женщины»* (1965. Бронза), *«Портрет девушки»* (1964. Гранит). Все эти образы отмечены гармоничной цельностью. В галерее женских лиц скульптором подчеркнута *«привлекательная ясность бытия»*. Один из лучших пластических образов в монографическом собрании В.Мамченко *«подруга счастья и скорби»*, загадочная, тоскующая *«Аэлита»* (1965. Металл). Так, в докладе на Пленуме обкома комсомола в 1963 г. в *«Аэлите»* ничего не увидели, *«кроме надуманной формы и искажений женской фигуры, в скульптуре ничего другого нет... К своему творчеству необходимо больше предъявлять требовательности, творить для народа и о народе»*¹⁸.

Работы художников *«были откликом и на внешнюю канву, и на внутренний пафос времени, заключенный в обретении свободы личного суждения о мире и индивидуальных ценностях»*¹⁹. Одна из первых работ В.Мамченко, выполненная в граните, – *«Александр Грин»* (1968). Образ Грина²⁰ симво-

личен для творчества художника, образ, который «лично волнует». Мирочувствование, квинтэссенция духовного мира – вечное беспокойство души – роднит писателя и скульптора. Это своеобразный автопортрет художника. «Глаза усталые от зла жизни и тоскующие, видящие где-то вообразжаемый добрый мир, переливающийся причудливыми, невиданными красками»²¹. У В.Мамченко Грин – мыслитель, мрачноватый, человек с тонкой, легко ранимой, замкнутой душой. Портрет как бы открывает зрителю трепетную жизнь мысли и чувства, спрятанную за скорбной сдержанностью облика писателя, за его взглядом. «В его морщинах скрыта вся тоска мира. Такова нервность идеалиста, которого отчаяние часто заставляет опускаться ниже, чем он стоял, – единственно из страсти к эмоциям»²².

Именно В.Мамченко и Ю.Борисов сумели утвердить высокий престиж скульптуры в г. Сыктывкаре, что обеспечило возможность полноценного существования монументальной и станковой пластики. В 1960-1970-е гг. они продолжали формировать и развивать скульптуру в республике. В творчестве художников важную роль в этом играли всесоюзные и республиканские выставки, в которых они начали участвовать (Ю.Борисов с 1953 г., В.Мамченко с 1957 г.). На Всесоюзной художественной выставке 1963 г. получила одобрение «небольшая, внешне скромная, но очень поэтичная»²³ скульптура Владислава Мамченко «Северянка». В статье «Под флагом реализма» В.Поляков отмечал: «Наш коми зритель уже обратил внимание» на работы В.Мамченко (бюст профессора Чернова, Ленина, полную «внутренней экспрессии скульптуру из дерева «Непокоренная» (Д.Каликова)²⁴.

Портрет в творчестве Ю.Борисова и В.Мамченко доминирует над другими жанрами. С их именами связано появление этого сложного жанра в коми скульптуре. Это репрезентативный портрет, камерный, философский, портрет-этиюд. Скульпторы создали галерею портретных изображений выдающихся, в их понимании, людей прошлого и современности. В.Мамченко – мастер психологического портрета. Присущая ему тонкость внутреннего видения человека ощущается в галерее портретов поэтов Бориса Пастернака, Николая Рубцова, Ивана Молчанова, Виктора Кушманова, писателя Василия Белова, композитора Дмитрия Шостаковича, актера Ролана Быкова (все включены в собрание Национальной галереи Республики Коми), в которых скульптор воплотил трепетную гамму настроений, душевных состояний. У Ю.Борисова это портреты художника и просветителя В.Полякова, писателя В.Савина, героя войны С.Черепанова. «Всякий портрет дает одновременно два неразделенных образа – самого художника и его модели»; «мы бессильны воплотить то, что чуждо нам самим», – сказал Э.Бурдель. Между «героями» Владислава Мамченко и им самим существует некое духовное родство, родство взглядов, нрав-

ственных позиций: «*Несмотря ни на что в человеке торжествует светлое начало*».

В 1960-е гг. благодаря Ю.Борисову и В.Мамченку значительно вырос художественный уровень и своеобразие произведений скульптуры Республики Коми. Время середины 1950-1960-х гг., начатое разоблачением «культы личности», «*наделило культуру энергией и перспективой. Высказывание художников прозвучало как слово нового поколения и выражало черты меняющегося кругозора общества*»²⁵.

Творчество художников позволяет представить интересный процесс, «*поставленный историей эксперимент*» становления многонационального искусства.

Национальная галерея Республики Коми является обладательницей уникальной, наиболее полной коллекции, отображающей творчество «энтузиастов»²⁶ Ю.Г.Борисова (20 ед. хр.) и В.Н.Мамченко (68 ед. хр.). Уникальность собрания не только в количестве произведений, хронологической полноте, но и широте жанрового и тематического диапазона работ, разнообразии материалов. Большинство скульптурных произведений художников стали классикой коми изобразительного искусства.

---

¹ Дипломная работа «Электроосвещение библиотеки училища им. Мухиной В.И. Руководитель Устинов Н.Н.

² Работа Борисова Ю. «Коми охотник» («Северный охотник») была показана в 1957 г. на выставке советского искусства в Китае.

³ Авторы Ю.Борисов и В.Мамченко.

⁴ Эскизы согласовывались с институтом «Гипрокоммунстрой» (Москва). – Красное знамя. – 1966. – 15 января.

⁵ Степанян Н. Искусство России XX века. – М. 1999. – С. 238.

⁶ Краева Т.П.. Род. в 1929 г. В Сыктывкар приехала в 1962 г. вместе с мужем графиком Краевым В.И. Участвовала в совместных проектах с Ю.Борисовым и В.Мамченко в конце 1960-х гг. уехала в Алма-Ату.

⁷ Кушманов В.В. (1939-2003), коми поэт и прозаик. Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И.А.Куратова, заслуженный работник культуры Республики Коми.

⁸ Суркова Н.А. (1914-1978), артистка Коми республиканского драматического театра (с 1942 г.). Заслуженная артистка Коми АССР, Народная артистка Коми АССР.

⁹ В конце 1960-х г. уехал из Коми АССР.

¹⁰ Степанян Н. Указ соч. – С. 218.

¹¹ Подарен Владимиру Жохову.

¹² Потапова Т. Грунт на холсте. – Молодежь Севера. – 1989. – 21 апреля.

¹³ Степанян Н. Указ соч. – С. 209.

¹⁴ В 1963 г. проект памятника В.И.Ленину для Юбилейной (ныне Стефановской) площади был одобрен комиссией в Москве. См.: Красное знамя. – 1963. – 30 июля.

¹⁵ Интересен такой факт, что портрет не был принят на зональную выставку в г. Кирове, с 1969 г. находится в собрании Национальной галереи.

¹⁶ Мерц В. Образ и его воплощение // Красное знамя. – 1967. – 18 июня.

¹⁷ Поповцева Э. Все краски жизни // Красное знамя. – 1969. – 17 октября.

¹⁸ Красное знамя. – 1963. – 7 декабря.

¹⁹ Степанян Н. Указ. соч. – С. 206.

²⁰ Вариант – барельеф (медь, чеканка).

²¹ Мерц В. Указ. соч.

²² Грин А. Собр. соч.

²³ Поляков В. Под флагом реализма // Красное знамя. – 1963. – 5 мая.

²⁴ Поляков В. Указ. соч.

²⁵ Степанян Н. Указ. соч. – С. 241.

²⁶ Григорьев Ю. Открытия на выставках // Молодежь Севера. – 1967. – 16 июня.

Г.И.Боровка и Л.Л.Бархаш: линии судьбы¹

В последнее десятилетие у нас в стране и за рубежом заметно усилился интерес к истории отечественной науки эпохи сталинизма. Долгие годы находящиеся под запретом материалы, касающиеся судеб отдельных ученых, стали постепенно доходить до широкой научной общественности. Американский исследователь истории советской науки Л.Р.Грэхэм пишет: «На протяжении XX столетия понятие свободы научного поиска третирировалось в Советском Союзе так, как ни в одной из стран с развитой наукой. В самом деле, трудно найти момент в истории, когда бы с учеными обращались таким образом, как это было в эпоху Сталина. В эпоху сталинизма все советские ученые испытывали на себе жесткий контроль. Многие из них оказались в тюрьме, некоторые умерли в трудовых лагерях. ...Учитывая сказанное, кажется невероятным, что советские ученые в этих условиях смогли столько совершить»².

Следует заметить, что исследователями мало внимания обращалось на изучение значительного пласта науки, которая развивалась силами подневольных ученых при освоении северных регионов нашей страны, в том числе и Коми республики. Кроме того, до сих пор, судьбы многих ученых во многих изданиях и публикациях освещаются, как правило, или до года ареста органами НКВД, или только период отбывания наказания в учреждениях системы ГУЛАГа. В их число вошли Г.И.Боровка и Л.Л.Бархаш. Григорий Иосифович Боровка и Лев Львович Бархаш – представители первого поколения советской научной интеллигенции. Оба жили и учились в столичных городах: Петербурге и Москве. Оба, получив университетское образование, много времени проводили в экспедициях. Судьба свела их на северной земле Коми, в Ухто-Ижемском исправительно-трудовом лагере. Г.И.Боровка создал геологический музей, ставший первым научным музеем в нашей республике, а Л.Л.Бархаш продолжил дело, начатое Григорием Иосифовичем. Судьба Григория Иосифовича Боровки – талантливого и разностороннего ученого сложилась трагически: посвятив все свои силы изучению скифского мира, его культуры и искусства, он ушел из жизни в расцвете творческих сил, став одной из бесчисленных жертв того страшного террора тридцатых годов XX века, в котором исторически преобразалась в очередной раз Россия, унаследовавшая в этой своей переменчивости очень многое от Великой Евразийской Скифии.

Г.И.Боровка был, безусловно, талантливым скифологом. Его книги и статьи по истории искусств и археологии Скифии, изданные в 1920-е гг., до сих пор пользуются вниманием специалистов не только в нашей стране, но и за рубежом. Тем не менее, беспощадное время почти изгладило память об этом человеке. Сегодня, спустя чуть более шестидесяти лет после его гибели, мы почти ничего не знаем о его жизни и деятельности. Те немногие сведения, которые легли в основу данного сообщения, были с большим трудом собраны в архивах Государственного Эрмитажа, Института истории материальной культуры РАН и Федеральной службы контрразведки по г. Санкт-Петербургу. Некоторые сведения о Г.И.Боровке содержатся также в архивах Петербургского филиала Российской Академии Наук, Русского Музея, Государственного Исторического Музея (г. Москва), различных организаций г. Ухты и в семейных собраниях родственников Г.И.Боровки, живущих ныне в Германии. Поисками этих документов занимались научные сотрудники Эрмитажа.

Григорий Иосифович Боровка родился в Санкт-Петербурге 25 февраля 1894 г. в протестантской немецкой семье вольного художника, профессора и директора Петербургской (Петроградской) музыкальной школы Иосифа Александровича Боровки. В 1912 г. Г.И.Боровка поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Его учителями стали выдающиеся русские ученые – М.И.Ростовцев, Б.В.Фармаковский, С.А.Жебелев и О.Ф.Вальдгауер. В университетские годы определился круг интересов Г.И.Боровки – им стал мир античных древностей, преимущественно памятники греческого искусства, а также археологические находки этого времени из Южной России. За пять лет обучения в университете Г.И.Боровка прочитал в различных семинариях доклады и подготовил к изданию несколько статей, среди которых были его доклады о коллекции древностей известных киевских меценатов братьев Б.И. и В.И. Ханенко, о декрете в честь Диофанта и такие его работы как «Мраморные изображения Кибелы, найденные на юге России», «Трон Аполлона в Амиклах. К вопросу о его реконструкции и о до-греческом боге Гиакинфе», «Чертомлыцкий курган». И хотя, к глубокому сожалению, ни одна из этих работ не дошла до нас, сюжет из работы о Чертомлыцком кургане Г.И.Боровка все же опубликовал.

С первых студенческих лет и до конца жизни Боровка был неразрывно связан с Эрмитажем. В 1912-1913 гг. принимал активное участие в составлении инвентарей античных расписных ваз и греческой скульптуры эрмитажного собрания. В 1914 г. Боровка принял участие в археологической экспедиции своего учителя Б.В.Фармаковского в Ольвии, а затем обрабатывал материалы раскопок для Эрмитажа.

В июне 1917 г., окончив с отличием Петроградский университет, Г.И.Боровка решил поступить на службу в Эрмитаж, о чем подал 13 сентября 1917 г. свое прошение директору Эрмитажа графу Д.И.Толстому. Одновременно с этим Совет профессоров историко-филологического факультета постановил предоставить Г.И.Боровке возможность готовиться к профессорскому званию с выплатой ему стипендии сроком до 18 ноября 1919 г. В 1918 г. Г.И.Боровка официально принят на должность ассистента, но числился заштатным сотрудником Эрмитажа, «работающим на дому».

В это время он активно помогал О.Ф.Вальдгауеру готовить к изданию каталог и путеводитель по так называемому Музею Древней скульптуры Эрмитажа. Неопределенное положение Г.И.Боровки в Эрмитаже объяснялось, во-первых, страшной разрухой, наступившей в Петрограде, во-вторых, общей позицией сотрудников музея по отношению к новым хозяевам жизни (увы, эти слова были начисто лишены метафоричности в растерзанном городе, где день и ночь шли обыски, грабежи и бессмысленные убийства, имевшие целью террором запугать его жителей). Власти, как известно, на любые попытки даже пассивной борьбы с нею отвечали полным прекращением финансирования и жизнеобеспечения музея и разного рода «предложениями» о пересмотре его структуры и сокращении штатов. Третьим обстоятельством, по причине которого Боровка провел большую часть 1918 г. на положении заштатного служащего, было то, что хранители и ассистенты Отделения Древностей, за отсутствием коллекций, эвакуированных в Москву, имели свободное расписание посещения своей службы. В январе 1919 г. Г.И.Боровка на два с половиной года стал помощником хранителя Отделения Древностей античного периода – О.Ф.Вальдгауера. В ноябре этого же года он был, по истечении срока, формально отчислен из списков претендентов на получение университетского профессорского звания. Но это была лишь формальность, поскольку Университет в 1919 г. переживал самый тяжелый период своей истории. В условиях, когда большевики отменили научные звания, проведение научных диспутов (защит диссертаций) и провозгласили курс на формирование новой никому не ведомой «пролетарской» культуры руководство Университета, возложенное в тот момент на С.А.Жебелева, не могло представить молодому ученому никаких гарантий и возможностей для его научной и педагогической деятельности. Единственным местом, где деятельность подобного рода хоть как-то поддерживалась государством, была организованная в апреле 1919 г. Российская Академия истории материальной культуры, в которую Г.И.Боровка был принят научным сотрудником по разряду археологии Скифии и Сарматии. С 1920

по 1923 г. он преподавал «по совместительству» в Государственном Институте истории искусств (бывшей Академии Художеств) и на курсах при нем. В 1921 г. Г.И.Боровка стал хранителем отделения эллиноскифских древностей. Он принял самое активное участие в процессе эвакуации эрмитажных сокровищ из Москвы – ездил в новую столицу, сопровождал транспортировку грузов, распаковывал материалы, готовя их к демонстрации на вновь открываемых в Эрмитаже экспозициях.

Все эти годы жизнь ученого была наполнена огромным количеством житейских хлопот, мало способствующих полноценной научной деятельности. Личное дело Г.И.Боровки хранит сотни всевозможных справок, удостоверений и ходатайств, полученных молодым ученым для подтверждения элементарнейших человеческих прав. Эти документы по-своему весьма ценны: они воссоздают своей хроникальной беспристрастностью мрачную картину нелегкой жизни петроградца в первые годы советской власти*. Однако, несмотря на все эти трудности, Г.И.Боровка продолжал упорно работать. Его исследования в эти годы посвящены проблемам истории скифской культуры и искусства.

В 1924 г. перед Г.И.Боровкой открылись новые горизонты на научном поприще: в апреле он командирован на четыре месяца в экспедицию П.К.Козлова для ведения археологических разведок в Монголии. Первые результаты работ поставили перед организаторами экспедиции задачи подготовки и реализации специальных археологических программ. Для этой работы в следующем году, помимо Г.И.Боровки, был привлечен также и С.А.Теплоухов. Решением Комиссии по научным учреждениям при Совнаркомом СССР Г.И.Боровка в 1925 г. стал членом Комиссии при Совнаркомом по организации исследований Монголии, Танну-Тувы и Бурят-Монгольской АССР. Во время экспедиции 1926 г. Г.И.Боровка был принят в действительные члены Троицко-Кяхтинского отделения Географического общества в г. Троице-Савске, где стал фактически преемником неутомимого исследователя археологических памятников Бурятии К.Талько-Гринцевича, уже вернувшегося к тому времени на родину – в Польшу.

В 1927 г. Г.И.Боровка был переизбран (на этот раз Конференцией АН СССР) членом Комиссии по исследованию Монголии, Бурятии и Танну-Тувы. В этом же году за исследования в области скифского искус-

---

* Среди этих документов хранятся ежегодные справки на право проживания на территории РСФСР, на право передвижения по улицам города, на право поездок в окрестности города за продовольствием, на право иметь дома помимо спальни помещенные для библиотеки и кабинета (во исполнение декрета А.В.Луначарского о «разумном» уплотнении квартир научных работников), на право быть освобожденным, как сотрудник государственного учреждения, от принудительных работ, назначаемых классово-чуждым элементам.

ства и археологические работы в Центральной Азии его избрали членом-корреспондентом Германского Археологического Института. В декабре этого же года Г.И.Боровке была предоставлена первая заграничная командировка, в течение которой, помимо решения ряда научных задач, состоялось его свидание с родителями, братьями и сестрами, которые выехали из России через Прибалтику еще в 1918 г.

1928 год стал для Г.И.Боровки поистине кульминационным в его жизни. Укрепляющиеся связи советских и немецких ученых в области археологии выдвинули Г.И.Боровку на видное место в Государственной Академии истории материальной культуры. В июне на него были возложены обязанности Ученого Секретаря II Отделения ГАИМК. За цикл исследований по скифской археологии его избрали действительным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии. Продолжалась и педагогическая деятельность Г.И.Боровки в Университете на Археологическом отделении, где он с 1924 г. читал спецкурсы по эллино-скифским и сарматским древностям. В 1928 г. Г.И.Боровка совершил вместе с эрмитажным коллегой М.В.Доброклонским заграничную поездку в Берлин и Лондон. Причина поездки в Англию объяснялась выходом в свет его первой и, к сожалению, ставшей единственной книги о скифском искусстве.

Следующий год, не предвещавший поначалу бед, начался для Г.И.Боровки с продолжения работы над изучением искусства скифского звериного стиля. С этой целью он в марте ездил в Москву для работы с коллекциями Государственного Исторического музея. В апреле-мае он совершил свою последнюю зарубежную поездку в Германию, где работал в фондах музеев и библиотек и готовил осуществление совместного советско-германского проекта по изучению памятников готской культуры в Крыму. Во время этой поездки Г.И.Боровка осуществлял, по-видимому, и ряд неофициальных поручений своих старших коллег, ведших опасную конспиративную работу по сохранению научных и идейных связей со своими коллегами, оказавшимися в эмиграции. Есть основания предполагать, что именно Г.И.Боровка передал в Берлине издателям текст перевода на немецкий язык книги М.И.Ростовцева «Скифия и Боспор», который был тайно сделан в Ленинграде по просьбе автора его близким петербургским другом Е.М.Придиком. Вернувшись в Ленинград, Г.И.Боровка сразу же попал в круговорот того страшного маховика террора, который был уже вовсю запущен в СССР с целью оправдать сталинский лозунг «великого перелома». На этот раз одним из объектов карательных органов стала Академия Наук СССР и Высшие учебные заведения страны. Встретившись со слабым сопротивлением ученых при проведении в состав Академии видных

партийных деятелей, партия и правительство организовали в ответ беспрецедентную политическую провокацию, сфабриковав целый ряд дел, которые слились в один страшный «академический» процесс репрессий, получивший в истории советской науки имя «дела академика С.Ф.Платонова».

Вся вторая половина 1929 г. ознаменовалась серией «чисток» научных и учебных учреждений, а также музейных и других просветительских организаций. В числе репрессированных археологов, близко общавшихся с Г.И.Боровкой, можно назвать С.И.Руденко, С.А.Теплоухова, М.П.Грязнова, А.А.Миллера. Но в 1929 г. Г.И.Боровка еще не разделил страшную участь сотен ученых, отрешенных от своей работы, арестованных, доведенных клеветой и публичными оскорблениями до отчаяния. Он всего лишь был отчислен из Университета в связи с «введением нового штатного расписания». Трагический финал его «свободной» жизни в стране побеждающего социализма наступил в следующем году, который был объявлен Сталиным «годом Великого перелома». И действительно, 1930 год стал поворотным и в истории всей страны, и в истории тех организаций, где работал Г.И.Боровка. В Эрмитаже, коллекции которого уже два года за бесценок распродавались за рубежом специальными государственными организациями, в это время началось сознательное перетасовывание структурных подразделений.

Начало реорганизации Эрмитажа (за которым стояло, прежде всего, перераспределение его коллекций) было ознаменовано рождением новых структур, несущих на себе отпечаток идеологических нововведений. На волне этих перемен Г.И.Боровка был назначен 1 апреля председателем музейной «Комиссии по доклассовым образованиям и началу формирования классов». Цель этой комиссии заключалась в выработке программ реорганизации музейных экспозиций в духе марксистских установок в области социологии истории и культуры. Разрабатывая ряд программ, фактически сводящих на нет дикие требования нового курса и выступая на заседаниях комиссии с докладами, Г.И.Боровка вел последовательную борьбу за сохранение фондов бывшего Отделения Древностей и организацию на его основе специального Отдела истории материальной культуры доклассовых обществ. На этой почве буквально накануне его ареста у Г.И.Боровки произошел конфликт с И.А.Орбели, который стремился сосредоточить археологические материалы Кавказа в организуемом им Отделе Востока. Специально созданная независимая комиссия Государственной Академии истории материальной культуры под руководством В.В.Струве решила спор двух музейщиков в пользу И.А.Орбели. Это стало последним событием эрмитажной биографии Г.И. Боровки.

21 сентября 1930 г. он был арестован органами ОГПУ по обвинению в шпионаже в пользу германской разведки. В Эрмитаже эта весть отозвалась большим резонансом. Талантливая молодая сотрудница Отделения эллино-скифских древностей Е.Р.Малкина, бывшая очень близким человеком Боровке, когда стало известно о характере обвинения, демонстративно не только уволилась из Эрмитажа, но и вообще ушла из археологии. Впоследствии она несколько лет продолжала поддерживать связь и с Г.И.Боровкой и с его родственниками за границей, переправляя им скучные отрывочные сведения о его судьбе. Не менее достойно поступил и О.Ф.Вальдгауер, который настоял на назначении уже арестованного Г.И.Боровки на должность заведующего скифской секцией во вновь образуемом отделе. Приказ об этом был подписан дирекцией Эрмитажа 1 октября 1930 г. Но все это уже было бесполезно. 22 октября Г.И.Боровка как обвиненный в особо тяжком преступлении был уволен из Эрмитажа. 20 ноября в ГАИМК ему прекратили начислять зарплату, а месяц спустя уволили на том же основании, что и в Эрмитаже.

С этого времени имя Г.И.Боровки начало обрастать легендами и постепенно забываться. Когда в 1968 г. сестра Г.И.Боровки - Лилли фон Штром приехала в Ленинград и попыталась узнать о судьбе своего брата, она услышала от хорошо помнившей его Т.Н.Книпович только лишь грустную историю о том, что ее брат, освободившийся в 1941 г. из лагеря, уехал поправлять свое здоровье в Крым, где его застала война и следы его затерялись. На запрос о судьбе Г.И.Боровки и о местонахождении его архива в Управление Министерства безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области была получена справка следующего содержания: «...Следственное дело в отношении Боровка Г.И. было выделено в самостоятельное производство из следственного дела о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение Свободной России», руководимой академиком Платоновым С.Ф. и «шпионской деятельностью агента германской секретной службы» – Мерварта А.М.* Из материалов архивного уголовного дела усматривается, что основанием для

---

* Мерварт Александр Михайлович – 1887 г.р., уроженец г. Мангсйма, Германия. Работал в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого. 13 января 1930 г. арестован и осужден заседанием Коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. по ст.ст. 58-3, 58-5, 58-6, 58-11 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. 1 октября 1931 г. прибыл из Архангельского пересыльного пункта НКВД в Ухтпечлаг НКВД (п. Чибью), где умер 26 мая 1932 г. от хронического миокардита и туберкулеза легких.

Мерварт Л.А. – 1888 г.р., уроженка г. С.-Петербурга, арестована 8 июля 1930 г. и осуждена заседанием коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. по ст.ст. 58-3, 58-5, 58-6, 58-11 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. 1 октября 1931 г. прибыла из Архангельского пересыльного пункта НКВД в Ухтпечлаг, откуда была этапирована в Бутырскую тюрьму.

ареста Боровка послужили показания Мерварт Людмилы Александровны, данные ею 19 сентября 1930 г., проходившей по так называемому делу академика Платонова.

Обвинялся Боровка в том, что «...является агентом германской разведки, пользующимся своим служебным положением, пребыванием в археологических экспедициях от Государственной Академии Истории Материальной Культуры и АН СССР, для ведения систематического экономического и политического шпионажа. Собираемые сведения Боровка лично передавал руководителю германской разведки по СССР – Йонасу...», т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-6 УК РСФСР. Постановлением Коллегии ОГПУ от 7 октября 1931 г. Боровка Г.И. осужден к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Для отбытия наказания был направлен в Ухто-Ижемский исправительно-трудовой лагерь в п. Чибью. Одиннадцать лет, проведенных в лагере, уместились в автобиографии, написанной Григорием Иосифовичем мелким убористым почерком, на двух листочках из школьной тетради:

«В марте 1932 г. я прибыл в Чибью и с тех пор непрерывно отбывал свой срок здесь, работая в системе геологической службы Ухтижемлага НКВД, а последние годы и преподавателем на геологических курсах до освобождения по отбытию срока.

Под руководством старшего геолога Н.Н.Тихоновича я работал сначала работником геолсектора Управления лагеря, потом заведующим геологическим музеем. Одновременно стал работать и по определению девонской фауны, что привело к поручению мне этой работы в Центральной геологической лаборатории геологоразведочной конторы, где мною выполнялись с момента ее основания функции палеонтолога-макрофауниста по девонской фауне и подготовлена работа по палеонтологической стратиграфии Ухтинского девона.

В порядке личных работ мною за эти годы собрана в районе пос. Ухта небольшая, но интересная археологическая коллекция, дающая возможность увязать следы жизни первобытного человека каменного века, а также более поздних насельников края с геологической историей района за четвертичное время, выражающемся в изменении русла реки Ухты.

В 1934 г. совместно с другим, ныне освободившимся сотрудником музея Н.Г.Порфирьевым, мною была устроена выставка геологического музея в помещении Горного техникума, отражавшая геологию края и историю его геологического исследования, которую, к сожалению, пришлось свернуть в связи с неоднократной переброской музея в другие помещения.

В 1938 г. в качестве члена инициативной группы, возглавляемой тогдашней заведующей петрографической лабораторией ЦГЛ М.А.Кирсановой, мною был разработан и одобрен план устройства краеведческой выставки в Доме культуры поселка Ухта. План нашел одобрение нынешнего начальника политотдела т. Рубана... По линии преподавательской деятельности я работал с 1934 по 1937 гг. преподавателем немецкого языка

в Горном техникуме, а с 1937 г. преподавал до 1940 г. геологические дисциплины в курсовой сети Ухтижемлага НКВД. За учебный год мною в разных курсах были прочитаны следующие дисциплины: минералогия, петрография, физическая геология, палеонтология, историческая геология, геология СССР. 3.Х. 1940 г.».

Часть срока с январь 1939 по сентябрь 1940 гг. Григорий Иосифович провел в лагерных больницах Ветлосяна, затем Сангородка. Освободившись из Ухтижемлага к концу срока 21 сентября 1940 г., избрал своим местожительством г. Калугу, однако был лишен права выезда за пределы Коми АССР. Видимо тогда у него появилась надежда покинуть Ухту и устроиться на работу в краеведческий музей г. Сыктывкара. К слову сказать, в ноябре 1937 г. заведующий геологическим музеем Г.И.Боровка передал в Республиканский краеведческий музей «коллекцию изверженных и метаморфических горных пород» в количестве 32 единиц, сопровождаемую описью:

Название	Место находки
1. Гранит - инв. № 3705	Сев. Тимман, р. Волынга, район Ческой губы
2. Гранит – инв. № 3698	Сев. Тимман, р. Великая, район Ческой губы
3.Рогообманковый гранит – инв. 3703	Сев. Тимман, р. Великая, район Ческой губы
4. Гранит – инв. № 3707	Сев. Урал, р. Распа - июль, верховья р. Илыч
5. Мелкозернистый гранит с эпидотом – инв. 3706	Сев. Урал, верховья р. Ельчирчупс, район верховий р. Илыч; из россыпи
6. Гранит - аплит	Сев. Урал, гора Савкопер, район верховий Илыч
7. Аплит – инв. 3709	Сев. Урал, гора Савкопер, район верховий р. Илыч
8. Гранит-пегматит – инв. № 3700	Сев. Тимман, р. Волынга, район Ческой губы; из россыпи
9. Пегматит – инв. № 3711	Сев. Урал, гора Савкопер, район верховий р. Илыч
10. Гнейсовидный гранит – инв. №3712	Сев. Урал, гора Мань-Хам-Хапер, район верховий р. Илыч
11. Гранито-гнейс – инв. № 3717	Сев. Урал, Сибиряковский тракт...
12. Рогообманковый сиенит – инв. № 3719	Сев. Тимман, р. Волынга, район Ческой губы
13. Рогообманковый сиенит – спис. 14.3. 1944 г.	Сев. Урал, гора Мира-из
14. Слюдистый биенит – инв. № 3724	Сев. Тимман, р. Волынга, район Ческой губы; из россыпи

15. Крупнозернистое габбро –	Сев. Урал, гора Савкопер, верховья Р. Илыч
16. Трапп -	Сев. Тимман, район Ческой губы
17. Диабаз – инв. № 3699	Сев. Урал, верховья р. Илыч; из россыпи
18. Диабаз - 3729	Р. Ухта, промыс. № 2, скваж. №51
19. Диабаз - 3730	Промысел № 3
20. Диабаз – спис. 14.3.1944 г.	Р. Ярега, промысел № 3
21. Туфит (осевший в море вместе с илом ...)	Р. Ухта, промысел № 2
22. Туфит вместе с кальцитом – инв. № 3704	Р. Ухта, промысел №6 Чибью, скважина 31, глуб. 4257
Метаморфические породы	
23. Слабо метаморфизированный глинистый сланец – инв. № 3714	Сев. Урал, гора Ельпер..., район верховий Р. Илыч
24. ----- / ----- инв. № 4104	Сев. Урал
25. Слюдистый сланец - 3721	Район р. Илыч
26. Кварцито-слюдистый сланец - 3720	Сев. Урал
27. Сильнометаморфизированный хлоритизированный кварцитоидный сланец - 3722	Сев. Урал, Сибиряковский тракт
28. Прослойка кварца в слюдистом сланце - 3718	Сев. Урал, верховья р. Илыч
29. Слюдистый (орицитовый) сланец - 3725	Р. Ухта, промысел № 2, из скважины
30. Слюдистый (орицитовый) сланец ... - спис. 14.3.1944 г.	Р. Ухта, промысел № 2 из скважины
31. Кварцито-слюдистый сланец ... - спис. 14.3. 1944 г.	Р. Ухта, промысел № 2, скв. 205
32. Кварцит – спис. 14.3. 1944 г.	Р. Ухта, промысел № 2 из буровой скважины.

Однако судьба распорядилась так, что работать ему пришлось палеонтологом в геологоразведочной конторе Ухтокомбината, а затем в Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Ухты в должности палеонтолога-микрофауниста.

15 февраля 1941 г. в рабочем поселке Ухта открылся геологический музей, созданный коллективом сотрудников ЦНИЛ. Руководитель научной лаборатории Т. Г. Карасик в газете «За ухтинскую нефть» от 30 апреля 1941 г. рассказывает: «Накопившийся годами богатейший фонд музея, имеющий всесоюзное значение, состоит из 30 тысяч с лишним самых разнообразных экспонатов. Лишь недавно этот фонд музея начал приводиться в порядок, но уже сейчас в распоряжении геологов может быть представлено более 5 тысяч систематизированных экспонатов. Ответст-

венной задачей музея является также широкое ознакомление местного населения с богатствами, хранящимися в недрах края и выявленными советскими геологами, с условиями залегания полезных ископаемых, с геологическим прошлым края и земли, с достижениями геологической науки...

Посетитель музея найдет среди экспонатов и горный хрусталь с Урала, и Воркутинский уголь. Он увидит ижемские асфальтиты, ухтинскую нефть, точильный камень с Печоры, барит с реки Цильмы, халцедон с берегов Баренцева моря, бивень мамонта с реки Седью и позвонок кита с Северного Тимана. В музее представлены пласты девонского периода, в которых зародилась Ухтинская нефть, характеризующая эти пласты горные породы, ископаемые животные.

Специальный раздел знакомит посетителя с результатами исследования пород вулканической деятельности. В уголке микрофауны сосредоточены мельчайшие окаменелые раковины, миллиарды которых населяли раньше моря и, возможно, сыграли известную роль в образовании нефти.

Уголок геологической истории края показывает песчаники с волноприбойными знаками, отпечатки чешуи девонских панцирных рыб, раковины плеченогих каменноугольного периода, бивни, зубы, обломки ног и ребер гигантов четвертичного периода, когда наш край попал в зону холодного климата и началось великое наступление ледников.

В музее есть «Уголок юного геолога», созданный самими школьниками, пока в скромных размерах. Но даже теперь образцы, собранные, например, школьником Алешей Артеевым из деревни Пожня, представляют немалый интерес. Пусть гипс, доставленный в уголок школьника Игорем Сергеевым и Шурой Тыриным с берегов реки Чибью, не позволяет еще делать выводы, имеющие промышленное значение, но эти поиски имеют большое воспитательное значение для ребят, проживающих в районе, где так много полезных ископаемых.

Помимо сбора экспонатов коллектив музея завязывает тесную связь с различными организациями, с колхозами, охотниками, стремясь привлечь к поискам ископаемых местное население.

Ухтинский геологический музей уже пользуется некоторой известностью среди местных трудящихся. Правда, массовые экскурсии учителей, колхозников, школьников пока еще исключение. Но нужно надеяться, в музей пойдут не только отдельные граждане, а что наши профессиональные и культурные организации, учтя значение музея, организуют экскурсии в музей, где их встретят внимательно и где обо всем, что есть, расскажет специально выделенный экскурсовод».

5 ноября 1941 г. Григорий Иосифович был снова арестован и осуж-

ден как «социально опасный элемент» (немец по происхождению, заграничные командировки в 1920-е годы, судим за шпионаж) по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Коми АССР при Ухтижемлаге НКВД к расстрелу.

В материалах следствия сохранились показания Г.И.Боровка, в которых он сообщает о своей научной работе в период нахождения в Ухте: «Еще до первого моего ареста я разрабатывал вопрос о правильном понимании встречающегося у Маркса термина «азиатский способ производства». Здесь в лагере я продолжал эту работу. В результате мною были написаны работы объемом примерно в 10 печатных листов под заглавием «Азиатский способ производства и способ производства азиатских обществ по Марксу». Эту работу я в конце 1934 г. представил руководству лагеря для переправки через Гулаг в Гос. Академию истории материальной культуры. В мае-июне 1937 г. я надумал следующее: еще, кажется, в январе этого года были опубликованы материалы правительственной и партийной комиссии по учебникам истории. В связи с этим была напечатана директивная статья члена этой комиссии К.Радека в «Правде» или «Известиях». В этой статье указывалось как недостаток в исторической работе, что вопрос об азиатском способе производства оказался пока неразрешенным. Я и надумал написать Радеку, (хотя он мне совершенно незнаком) письмо с кратким изложением работы, надеясь, что это может повлиять на мою дальнейшую судьбу... Такое письмо я отправил через начальника лагеря. Но кроме этого письма я попросил отвезти Николая Николаевича Тихоновича в Ленинград Малкиной вместе с письмом к ней, в котором просил ее, если она найдет как-нибудь пути к Радеку, посодействовать прохождению и рассмотрению моего письма. Вскоре начались процессы, в которых Радек был осужден, и мои письма не получили никакого движения. Еще один раз я нелегальным образом посылал Малкиной на сохранение другую свою работу – «Заметки о коми языке». Эту работу я отправил осенью 1939 г. через заведующую лабораторией Милицу Александровну Кирсанову. Отправка этой работы обуславливалась тем, что осенью 1939 г. я подлежал изоляции в зону лагерного пункта как заключенный в то время».

Ряд исследователей (А.Канева, В.Потолицын, Э.Морозов и др.) обозначили время гибели Г.И. Боровка в декабре 1941 г. Однако в справке о реабилитации Боровка Г.И., выданной Прокуратурой Республики Коми от 27 мая 2002 г., указано: «Приговор исполнен 29 июня 1942 г. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 11.09.1957 г. приговор от 04.04.42. г. отменен и дело в отношении Боровка Г.И. прекращено за отсутствием состава преступления».

Заканчивая свой рассказ о Григории Иосифовиче Боровка на этой

скорбной ноте, мне хочется верить, что с публикацией данной статьи внимание специалистов вновь будет привлечено к его имени и трудам, и мы в самом ближайшем будущем сможем узнать еще больше об этом человеке, который оставил самобытный и яркий след в истории отечественной науки и в становлении музейного дела Коми республики.

Геологический музей г. Ухты стал одним из интереснейших и самых посещаемых музеев республики. Его посетителями были члены правительства и иностранные делегации, здесь ежегодно проводились научные конференции и обучающие семинары для геологов и студентов. Но известность музею пришла позднее, в 1980-е годы. С 25 января 1946 г. заведующим геологическим музеем был назначен Л.Л.Бархаш. Одновременно Льву Львовичу поручено вести работу и в научной библиотеке. В этой должности «он проявил много инициативы по приведению в порядок библиотеки и карнохранилища», как отмечено в личном деле вольнонаемного работника ЦНИЛ³.

Лев Львович Бархаш родился в г. Курске 27 ноября 1894 г. Отец занимался педагогической работой. В связи с тем, что ему приходилось часто менять место работы, семья проживала то в Курске, то в Харькове, а в основном в Москве. В семье росло четверо детей – поэтому жили без большого достатка. С 16 лет Лев Бархаш начал зарабатывать на жизнь, давал уроки – за стол и квартиру, или за денежное вознаграждение. Окончив в 1913 г. I Московскую гимназию с медалью, поступил в Московский университет на экономическое отделение юридического факультета, предполагая посвятить себя в дальнейшем экономико-географической специальности. Прослушав полный курс Университета и сдав экономические дисциплины, он уехал в г. Фергану, где занимался преподавательской работой в средней школе и, одновременно, начал готовить работу по природным ресурсам Ферганской долины. В 1920 г. Лев Львович был арестован по обвинению в связи с контрреволюционными элементами и осужден к двум годам заключения в северных лагерях. Однако вскоре коллегия ВЧК отменила приговор. Освобожден он был в Москве, где получил предложение пойти на работу в военную школу им. Ленина. Здесь его преподавательская работа проходила с 1922 по 1925 гг. В связи с реорганизацией школы ему пришлось демобилизоваться и начать работать преподавателем в средней школе. Одновременно он сотрудничал с центральной прессой, преимущественно с «Комсомольской правдой». Лев Бархаш даже поступил учиться в филиал Государственного института журналистики при редакции газеты «Комсомольская правда». В 1927 г. он перевелся на географическое отделение Педагогического института им. Либкнехта в Москве, где обучался без отрыва от производства, и окончил в 1931 г.

С 1927 года он окончательно решил посвятить себя исследованию высокогорных областей страны, начав с Кавказа, Алтая, Читинских гор. Одновременно ему пришлось принимать активное участие в организации советского туризма и экскурсий, будучи избранным в состав Президиума Центрального Совета Общества пролетарского туризма и экскурсий, а позднее в состав Президиума Центрального Бюро Краеведения.

С 1929 по 1938 гг. Л.Л.Бархаш регулярно участвовал в экспедициях по исследованию высокогорных областей Советского Союза в системе Академии Наук СССР, а с 1934 г. – по заданиям Наркомата Оборона. Результаты экспедиций были им озвучены в специальных докладах в Московском Доме ученых, в Центральном Доме Красной Армии и в других учреждениях, опубликованы в отдельных брошюрах и книгах, в нескольких десятках научно-популярных статей, опубликованных в 1929-1938 гг. в «Комсомольской правде», «Красной звезде» и журналах «На суше и на море», «Смена» и др. Фундаментальную работу по исследованию высокогорных областей Средней Азии Л.Л.Бархаш полностью закончить до своего ареста не успел. Лишь часть этой работы была использована командованием САВО в специально подготовленном докладе. За работы, проведенные в горах, он несколько раз награждался Наркоматом Оборона.

В период 1932-1937 гг. Л.Л.Бархаш обучался на курсах повышения производственной квалификации по геологии, палеонтологии, гляциологии и геоморфологии под руководством профессоров Д.И.Щербакова, А.Г.Вологодина, К.К.Маркова.

Наряду с выполнением научной работы Лев Львович проявил незаурядные способности в спорте. Еще в 1925 г. он участвовал в военно-испытательном пробеге на лыжах по маршруту Архангельск-Москва, на расстояние около 1400 км, в обмундировании, с вооружением и полной выкладкой красноармейца. За совершение пробега получил поощрение Наркомата Оборона и звание «Заслуженный лыжник РСФСР». В дальнейшем он регулярно выступал в соревнованиях по легкой атлетике и на лыжах, удавалось несколько раз занимать первые места на международных (бег 800, 1500 метров) и всесоюзных соревнованиях. Активно участвовал в альпинистской, легкоатлетической, лыжной секциях Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта, последние годы был судьей на соревнованиях.

В январе 1938 г. неожиданно арестован и осужден 19 августа 1940 г. Особым совещанием НКВД СССР на 8 лет исправительно-трудовых лагерей по п.АСО (участие в антисоветской организации). Наказание отбывал в Ухто-Ижемском исправительно-трудовом лагере, работая, преимущественно, в Ухтинской научно-исследовательской лаборатории и

геологоразведочной конторе. «Не чувствуя за собой вины перед советским государством, т.к. ни в какой антисоветской организации я не состоял, я уверен, что мой арест и осуждение вызваны деятельностью сознательных клеветников и спокойно ожидал, что дело закончится моей полной реабилитацией», – написал в автобиографии Л.Л.Бархаш в октябре 1948 г. День освобождения для него наступил 20 января 1946 г., он продолжал работать в Научно-исследовательской лаборатории.

С 1948 г. Л.Л.Бархаш работал старшим геологом в геологическом отделе треста «Войвожнефть», а в 1953 г. последовало назначение на должность главного геолога конторы бурения №1. В те годы геологами республики разрабатывались новые, перспективные месторождения нефти в Нижне-Омринском и Верхне-Печорском разведочных районах.

В начале 1960-х годов Лев Львович Бархаш вышел на пенсию и с семьей переехал в Москву. О московском периоде жизни этого человека помог узнать «его величество случай». В мае 2005 г. в Национальный музей пришла жительница Эжвинского района столицы С.А.Бурханова, которая, рассказывая о своем отце, погибшем во время боев за Москву, назвала фамилию племянницы Нины Бархаш, которая проживает в Москве. После расспросов, по моей просьбе София Алексеевна связалась с ней, и уже через две недели было получено письмо с рассказом о жизни Льва Львовича в столице. Неутомимый энтузиаст, он многие годы занимался воспитанием детей и подростков в красном уголке при ЖЭКе №6, где вел кружки юного техника, танцевальный и музыкальный. Он считал это очень важным делом, что оно приносит большую пользу обществу, отвлекая детей из неблагополучных семей от улицы. Был активным членом Географического общества, занимался литературной работой. В 1962 г. издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выпустило книгу воспоминаний советских летчиц – участниц Великой Отечественной войны «В небе фронтовом», в которой литературную редакцию нескольких статей выполнил Л.Бархаш. В 1980-е гг. в Москве был открыт музей альпинизма, куда по просьбе его сотрудников семья Льва Львовича передала его книги, памятные подарки и фотографии.

Две жизни – две судьбы. Такие похоже и такие разные, оставившие след в бесконечном море-океане человеческих судеб, прошедших через горнило ГУЛАГа XX века.

¹ Автор выражает искреннюю признательность за оказанную помощь в поиске материалов о Г.И.Боровка и Л.Л.Бархаше работникам архива ИТУ Минюста Республики Коми г. Ухты Ю.Г.Ульяновой и и.о.начальника отдела Прокуратуры Республики Коми Л.Н.Кузнецовой.

² Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М., 1990. – С.480.

³ Архив Управления ИТУ МВД РК г. Ухты. Ф. 66. Оп. 1. Д. 58. Учетная карточка.

Листая старую тетрадь.

**В.А.Варсановьева: исследователь и человек
(по материалам выставки «Земля девственных лесов»)**

В мае 2005 г. исполнилось семьдесят пять лет со дня образования Печоро-Илычского государственного биосферного заповедника. К этой дате в Национальном музее Республики Коми была открыта выставка «Земля девственных лесов». Главной идеей выставки стал показ взаимоотношения человека и природы на разных этапах исторического развития.

Один из разделов выставки «Человек в сохранении первозданной природы для настоящего и будущего» был посвящен людям, которые внесли и вносят большой вклад в становление и развитие заповедного дела в Коми. Большое внимание здесь было уделено выдающемуся ученому-геологу В.А.Варсановьевой.

Вера Александровна Варсановьева была одной из ярчайших фигур первой половины двадцатого века. Прекрасный геолог и геоморфолог, талантливый популяризатор, увлекательными книгами которой до сих пор зачитываются все, кто хочет познать природу. Она – блестящий педагог, воспитавший целую плеяду учеников, общественный деятель, стоявший у истоков движения за охрану природы¹.

Вера Александровна была страстным пропагандистом бережного отношения к природе, много сделала для сохранения Печоро-Илычского заповедника, отстаивая его важное значение в период ликвидации многих заповедников в стране в середине XX в. Благодаря ее настойчивости и энергии, ее огромному авторитету заповедник существует по сей день.

Именно к В.А.Варсановьевой в 1943 г. обратился заместитель председателя Государственного комитета по заповедникам В.Н.Маков с предложением написать общий физико-географический очерк природы Печоро-Илычского заповедника, который стал последней крупной работой Веры Александровны. К сожалению, эта книга так и не была опубликована. Сама автор придавала ей очень большое значение, оценивала ее как главную книгу своей жизни. «Считая необходимым шире пропагандировать идею охраны природы, я решила писать эту книгу, не представляющую собой элементарного популярного сочинения, языком, по возможности доступным для широкого читателя. Если она пробудит интерес к суровой, но прекрасной природе Севера, даст представление о ее

многообразной и сложной жизни и убедит в необходимости ее охраны и заповедания, я буду считать свою задачу выполненной»².

Материалами для представления личности В.А.Варсанофьевой на выставке «Земля девственных лесов» послужили документы личного характера, а именно письма, дневники, а также фотографии, ископаемые остатки, собранные Верой Александровной в 40-е гг. XX века в Припечорье, которые в настоящее время имеют не только научную, но и историческую ценность.

На выставке экспонировались материалы из собрания Национального музея Республики Коми и Института геологии Коми научного центра УрО РАН, где в настоящее время хранится архив В.А.Варсанофьевой.

Наибольший интерес у автора статьи вызвали дневники Веры Александровны. Во время экспедиций В.А.Варсанофьева вела, как и положено геологу, полевой дневник геологических наблюдений, зарисовку, глазомерную съемку; по вечерам и в дни отдыха делала обобщающие записки в дневнике. Была у В.А.Варсанофьевой еще одна тетрадь, в которую заносились важные события, планы, расходы, обещания, адреса, имена, те самые важные сведения на случай, чтобы не забыть. Эти записки – документальные штрихи к портрету геолога³.

На выставке были представлены научные дневники 1930 г. и 1932 г., которые содержат информацию об изучении обнажений реки Илыч, дневник 1953 г. Но особый интерес вызвал полевой дневник Веры Александровны 1924 г.

В 1924 г. в Печорском крае работала экспедиция Геологического комитета под руководством А.А.Чернова. В экспедиции принимало участие шесть научных сотрудников. Экспедиция работала самостоятельными отрядами: бассейн Верхней Печоры с рекой Унья – В.А.Варсанофьева⁴... Это была первая самостоятельная экспедиция Веры Александровны.

20-е годы XX века – начало большого пути геолога с мировым именем. С какими трудностями встретилась молодой геолог в ходе экспедиции, рассказывают записки дневника. Большие проблемы создавало незнание коми языка. «Пришли в последнюю деревню у Малого Патека. Здесь один только дом. Пришлось идти в избу обедать. Опять не знаешь, что там делать, о чем говорить. Они разговаривают по-зырянски, я же все больше молчу...». Конец лета 1924 г. не баловал московскую барышню. «Сегодня ночью я в палатке порядочно замерзла. Утешаю себя тем, что ведь теперь лечат туберкулезных больных холодом, заставляя их спать с открытыми окнами даже при снеге. Так вот будто я в туберкулезном санатории нахожусь»; «Мошки положительно доняли, хоть накомарник одевай. Комары тоже есть, но совсем ангелы против тучи мелких мошек,

которые лезут положительно всюду и в нос и в глаза, и за воротник и в рукава».

Но вопреки всем трудностям было огромное желание работать. «Как тошно сидеть в избе и ждать хорошей погоды. Здесь все работают, для них погода ничего не значит, а я сижу...»; «Хорошо все-таки, что удалось мне побывать здесь. Правда, карбона мало было здесь, но зато поняла я, что совсем неясно мне было на Илыче, именно, поняла происхождение брекчевидного известняка. Нужно еще много подумать над этим образованием. Много еще неясно. Много еще не знаю теоретически. Нужно читать да читать, но само происхождение его теперь вполне ясно. Для обработки его необходимо собрать хорошие образцы и сделать фотографические снимки...». Анализируя работу экспедиции 1924 г. и открытые ранее месторождения угля, А.А. Чернов писал: «Таким образом, в настоящее время начинают выступать на Северо-Востоке Европейской части СССР небольшие контуры большого каменноугольного бассейна, который естественно называть Печорским»⁵.

На страницах дневника много записей о природе Севера. Может быть, именно тогда, в одиночестве, заново открыв северную природу, восхитившись и удивившись ее красотой, Вера Александровна стала неистовым приверженцем организации здесь природного парка. «Я доехала до первых известковых кырт, образующих ворота Щугора. Это грандиозные скалы, вернее, целый ряд скал поднимающихся с обоих берегов Щугора. Место удивительно красивое. Светлый известняк с голубоватым оттенком и с оранжевыми пятнами при ярком солнце и голубом небе создает удивительно эффектную картину. В скалах образовался ряд пещер, узких, длинных, холодных, и когда вылезает из такой пещеры и видишь эту блестящими яркими красками панораму, то ясно чувствуешь, как прекрасен божий мир и как я должна быть благодарна Ал. Ал., что он дал мне возможность так полно насладиться не только геологией, но и красотой Севера...».

Неравнодушной Варсанофьеву оставляет зачастую потребительское отношение местного населения к природе. Так, она обеспокоена отношением местных к кедровым деревьям, что до нее в своих записях отмечали Натт и Ф.Ф.Шиллингер. «Сейчас Евсей увидел на берегу небольшой кедр с большим количеством шишек. Я позволила остановиться срубить. Будем грызть вечером, и ради нашего удовольствия погибнет дерево. Кругом небольшие елки и довольно высокие кедры к счастью для них без шишек, а то бы уже, наверное, пали от топора Евсея».

Дневник Веры Александровны содержит 150 страниц, полтора месяца экспедиционной работы. Последняя запись в дневнике свидетельствует об огромной усталости молодого геолога, тоске по близким. «Сейчас

я ничего не знаю из геологической работы, а просто хочется домой, со-
скужилась».

Но впереди было еще множество экспедиций на Северный Урал (последняя из них состоялась в 1955 г.), итогом которых послужат фундаментальные научные труды. Деятельность В.А.Варсановьевой получила высокую оценку общества, правительства страны, благодарных учеников и последователей. Ей присуждены высокие научные звания и награды, государственные ордена и медали, она первая среди советских женщин получила степень доктора геолого-минералогических наук, ее именем названы ледники и горы, древние организмы.

Таким образом, представив на выставке документы личного происхождения уникального геолога, яркой женщины удалось не только рассказать посетителям об уникальной природе заповедника, но и внести в экспозицию «человеческий» компонент, акцентировать внимание на личностях, неравнодушных, ищущих, сделавших все для того, чтобы красота Севера, земля девственных лесов очаровывала потомков своей редкой первозданностью.

---

¹ Юшкин Н.П. Ученый, педагог, человек // Вера Александровна Варсановьева. – Сыктывкар, 1990. – С. 3-10.

² Варсановьева В.А. Времена года в Печоро-Илычском заповеднике // Вера Александровна Варсановьева. – Сыктывкар, 1990 — С. 99-106.

³ Юшкин Н.П. Указ. соч. – С. 3-10.

⁴ Коми му. – 1924. Вып. 7-10. – С. 105-106.

⁵ Там же.

«Сады Клавдии Дулесовой»
(по материалам одноименной выставки)

На протяжении восьмидесятилетнего периода существования отдел природы Национального музея Республики Коми своей основной задачей считает показ первозданной природы: разнообразия растительного и животного мира, подземных и наземных богатств родного края. Но не менее важной задачей отдела природы является представление в экспозиционной и научно-просветительной работе взаимоотношений природы и человека. В последнее время человек все активнее вторгается в природу, что сказывается на изменении естественной среды. Чаще мы привыкли говорить о негативном воздействии на природу, но человек оказывает и благоприятное влияние на окружающую среду.

В середине XX в. в республике получило широкое распространение садоводство и огородничество. В суровых северных условиях садоводы-любители выращивают не только традиционные овощные, ягодные культуры и картофель, но также успешно получают плоды кабачков, дынь, тыквы, яблок, слив. И традиционно каждый год в конце августа на базе Национального музея Республики Коми проходит выставка «Человек и природа», которая инициирует огромный интерес посетителей. Особое внимание горожан вызывают новые сорта плодово-ягодных культур.

Большой вклад в изучение и испытание новых сортов плодово-ягодных культур внесла Клавдия Николаевна Дулесова. Она более десяти лет своей жизни отдала организации плодово-ягодного сортоучастка, где проводила сортоиспытания большого количества видов и сортов крыжовника, малины, смородины, облепихи, жимолости, земляники садовой и различных редких культур. Благодаря ей были выявлены и районированы в Коми республике самые устойчивые к заболеваниям и суровым климатическим условиям сорта этих культур.

В конце ноября 2005 г. в отделе природы Национального музея РК открылась выставка «Сады Клавдии Дулесовой», посвященная ее 70-летнему юбилею. Клавдия Николаевна Дулесова родилась в коми семье 18 августа 1935 г. в деревне Ракинская Прилузского района Коми АССР. Ее отец Николай Александрович работал главным бухгалтером в Управлении связи Коми АССР, мама — Анна Яковлевна была домохозяйкой. После окончания школы в 1953 г. Клавдия Николаевна поступает учиться в Саратовский сельскохозяйственный институт на плодово-овощное от-

деление, по окончании которого в 1958 г. она получила квалификацию ученого-агронома¹ и была направлена на работу в Северную Осетию.

В 1959 г. вернулась в Сыктывкар, поступила на работу в Коми филиал АН СССР главным агрономом на научно-экспериментальную биологическую станцию. В 1963 г. была переведена в лабораторию геоботаники и систематики растений института биологии. В 1967 г. К.Н.Дулесова поступила в аспирантуру сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, а в 1971 г. защитила диссертацию по теме «Опыт улучшения лугов поймы реки Печоры». Где только не собирала она научные материалы — и в тундре, близ Воркуты, и в районе бассейна Печоры. Клавдия Николаевна изучала процессы формирования луговых травостоев в таежной и тундровой зоне, биохимический состав, экологию, морфологию, особенности роста популяций злаковых трав и специфику их развития в условиях севера. В Академии наук она работала с такими известными деятелями науки как М.М.Чарочкин, В.А.Космортов, И.С.Хантимер. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, К.Н.Дулесова продолжила свои научные изыскания, выезжала в экспедиции, которые сама же возглавляла. Неоднократно ей предлагали руководящие должности, но Клавдия Николаевна всякий раз отвечала отказом: «Хочу работать на земле»². В 1976 г. она стала преподавателем Сыктывкарского сельскохозяйственного техникума. В техникуме Клавдия Николаевна организовала коллекционный участок, где выращивались кукуруза и люцерна, лен и клещевина, маки и стахис, топинамбур и клематисы, а также ягодники и декоративные кустарники. Ее работой заинтересовались многие учебные и научные заведения. К.Н.Дулесову вместе с учениками приглашали на научные конференции в Калининград, Новгород, Ярославль, Ленинград. В период работы в сельхозтехникуме начала осуществляться мечта Клавдии Николаевны: «Наша мечта – превратить Республику Коми в цветущий сад. К сожалению, в наших деревнях и поселках возделывают только картофель да травы. Результаты по возделыванию плодово-ягодных культур и цветочно-декоративных растений пока незначительны»³.

В 1981 г. исполнилась заветная мечта Клавдии Николаевны: она начинает работу на Государственном сортоучастке при Сыктывкарском университете в качестве заведующей. Госсортоучастку по испытанию плодово-ягодных культур была выделена земля площадью 10 гектаров⁴. Это был самый северный сортоучасток в СССР. Для проведения опытов К.Н.Дулесова собирала посадочный материал по всей стране: «Мы бывали не раз на всех сортоучастках Волго-Вятской зоны, Вологодской, Ленинградской, Московской областей, Карелии, Новосибирске, Свердловске, Барнауле, Воронеже, Мичуринске...»⁵. Особенно тесной была связь с

Главным Ботаническим садом СССР (г. Москва), сельскохозяйственными, научно-исследовательскими институтами страны. «Основная цель наших поездок – получение знаний, опыта, навыков, оформление документации по сортоиспытанию. Одновременно приобрели посадочный материал сортов плодово-ягодных культур и цветочно-декоративных растений»⁶. Работа велась почти круглые сутки на протяжении 18 лет существования сортоучастка. По материалам Госсортоучастка районированы три сорта смородины черной, два жимолости, три земляники. Предложены к районированию пять сортов смородины черной. Выделены перспективные сорта смородины черной (17), смородины красной (3), малины (18), земляники (11), жимолости (4), калины (2), гибрида черемухи (4), крыжовника (5), облепихи (6), вишни степной (2), вишни войлочной (1). За период с 1980 по 1998 гг. на сортоучастке высажены и испытаны 25 видов растений, 462 сорта и еще наблюдался 141 сорт плодово-ягодных культур⁷. Кроме испытания новых сортов ягодных культур, Клавдия Николаевна изучала и другие: терн, барбарис, ирга, грецкий орех, айва японская, лещина, лимонник, бузина красная. В междурядьях зеленели лекарственные (валериана, пустырник, зверобой, синюха, марьин корень и т.д.) и газонные травы и цветы⁸. Периметр сортоучастка ежегодно обсаживался рябиной, тополем, дельфиниумом, люпином, баданом, кедром. Из семечек кедра Клавдия Николаевна вырастила пять кедровых деревьев. Ее друзья вспоминают, как однажды летом 1966 г. из Батумского ботанического сада они вывезли огромные чемоданы желудей. Потом из каждого желудя сама Клавдия Николаевна и ее сподвижники старались вырастить по дубку. Выжило всего шесть саженцев.

Клавдия Николаевна Дулесова вела активную пропагандистскую работу в области садоводства, публиковала статьи в рубрике садоводов и огородников на страницах периодической печати, предлагала свои ответы на вопросы читателей, советы по агротехнике возделывания, сортам, переработке. Ею были организованы встречи с садоводами-любителями, оказывалась помощь учащимся по организации пришкольного участка, посадке плодово-ягодных культур.

В 1994 г. Госсортоучасток был передан из российского подчинения в ведение Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми. Вскоре после этого сортоучасток был закрыт. Куда только не обращалась Клавдия Николаевна с просьбами о спасении сортоучастка: «Система сортоиспытания – это единственное предприятие, где строго соблюдается методика, ведется контроль и отчетность. Разрушать эту систему – великий грех! ... Сортоучасток по испытанию ягодных культур нужен для северян – это очаг знаний, надежность и уверенность в сор-

тах»⁹. В настоящее время на землях сортоучаска выращиваются картофель работников университета и овощи для детского дома.

На протяжении всей жизни Клавдия Николаевна Дулессова собирала материалы, связанные с изучением роли растений в жизни человека. Благодаря ей были выявлены и районированы в Республике Коми самые устойчивые к заболеваниям и суровым климатическим условиям сорта плодово-ягодных культур и различных редких растений. Написанные книги, буклеты, статьи, выступления по радио и телевидению в полном объеме дают самые основные сведения о различных культурах, чаще всего выращиваемых на огородах. В них дано все то, что всегда надо иметь под рукой любому огороднику: хоть начинающему, хоть умудренному опытом.

---

¹ Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. Р-1. Оп. 19. Д. 814. Л. 7.

² Дулессова К.Н. Дары земли мосей. – Печора, 2001. – С. 415.

³ ГУ РК «НАРК». Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

⁴ ГУ РК «НАРК». Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

⁵ ГУ РК «НАРК». Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

⁶ Там же.

⁷ Дулессова К.Н. Указ. соч. – С. 415.

⁸ ГУ РК «НАРК». Ф. Р-2388. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

⁹ Там же.

**Археологическая экспедиция Коми республиканского
краеведческого музея под руководством П.Д.Степанова:
цели и результаты.**

К 1930-м годам в Коми крае, благодаря археологическим экспедициям Общества изучения Коми края и Главнауки, были частично исследованы бассейны рек Вычегды, Выми и Печоры. «Белым пятном» на археологической карте Коми оставался район р. Сысолы.

В 1939 г. Коми республиканским краеведческим музеем была организована археологическая экспедиция, которую возглавил Павел Дмитриевич Степанов.

Павел Дмитриевич Степанов – этнограф и археолог, известный специалист по археологии среднего Поволжья. С 1938 по 1940 гг. он работал в Республиканском краеведческом музее сначала в должности научного сотрудника, затем заведующего отделом истории. Подробно его биография была описана В.А.Сова в статье в пятом выпуске трудов Национального музея Республики Коми¹. В состав экспедиции вошли также три студента Коми педагогического института и школьник 10 класса 1-й средней школы г. Сыктывкара.

Целью экспедиции являлись сбор археологического материала и обследование «белого пятна» по р. Сыsole. «Намеченная территория исследования лежала между Кировской и Пермской областями на юге и р. Вымью, впадающей в р. Вычегдой – на севере»².

Экспедиция работала 25 дней (с 1 по 25 июля) и охватила своими исследованиями 250 км от с. Ужга Сысольского района до г. Сыктывкара, обследовались как правый, так и левый берега не далее 3 км от современного русла.

На своем пути экспедиция выявила ряд разнообразных памятников, среди которых преобладали укрепленные поселения-городища. Всего их было обнаружено пять: «Городище» (с. Грива Койгородского р-на), «Кар-йыл» и «Гуль-чунь» (с. Вотча Сысольского р-на), «Кар-мыльк» (с. Ыб Сыктывдинского р-на), «Чудь-гора» (с. Шошка Сыктывдинского р-на).

Урочище «Городище» расположено в конце края, отходящего от общей возвышенности, по которой проходит дорога из с. Ужги в с. Гриву. Поверхность «Городища» неровная – северо-западный конец имеет возвышение. Ориентировка СЗ - ЮВ. В целом оно представляет собой укрепленное когда-то валом место, сохранившееся очень плохо, только в

южном углу сохранилась часть вала, спускающегося на склон общая длина сохранившейся части 61 м. В северном углу городища был заложен шурф, в котором были найдены черепки гладкостенных сосудов, уголь и мелкие камешки. Остатков построек обнаружено не было, на поверхности «Городища» собрано несколько фрагментов неорнаментированной керамики, которая, как отмечает в своем дневнике П.Д. Степанов, могла быть занесена на площадь памятника в более позднее время³.

Городище «Кар-йыл», которое в литературе более известно, как Вотчинское городище, было обнаружено на одном из высоких береговых выступов близ с. Вотча. На территории свободной от посевов, была заложена траншея размером 3 x 2 м, в результате разработки которой было обнаружено жилище сравнительно глубоко расположенное в земле, глубина его до дна очага составляла 1,2 м, для устройства жилища была вырыта яма в материковой глине. Находки на городище представлены обломками глиняной посуды, остатками сгнившего дерева, костей животных, обломком бронзового кованого котелка и изделиями, выполненными из железа: двухконечное кайло, молоток, клин и др. Поверхность городища была распахана и засеяна рожью. Это обстоятельство не позволило восстановить очертания всего жилища с окружающей территорией.

Следующее Городище «Гуль-чунь» было найдено также возле села Вотча. Оно располагалось на мысу, обращенном к р. Сыsole. Поверхность городища не совсем ровная, и также была засеяна. Вал городища «Гуль-чунь» идет полукругом, самая высокая часть вала равняется 2,23 м над самой низкой точкой внешнего рва. На поверхности памятника не было ничего обнаружено, кроме фрагментов глиняной посуды относительно недавнего происхождения. Для выяснения толщины культурного слоя была заложена траншея размером 0,6 на 1 м. При разработке этой траншеи были обнаружены фрагменты глиняной посуды, обломок железного ножа и небольшая бусина из белой непрозрачной стекловидной массы. Так же как на городище «Кар-йыл» из-за посевов, расположенных на поверхности городища, дальнейшие раскопки памятника были невозможны.

Городище «Кар-мыльк» в с. Ыб расположено на мысу, выдающемся в сторону реки, до берега реки не менее 400 м. Следов вала не имеется, сохранился лишь ров. В центре городища был заложен шурф 0,80 x 1,10 м, в результате обработки которого найдены несколько обломков глиняной посуды.

Городище «Чудь-гора» находилось в 1,5 – 2-х км от с. Шошка. Оно расположено на крутом, обрывающемся прямо к реке, правом берегу Сыsole. От поля городище было отгорожено валом в форме полукруга, затем рвом и неопределенной формы сооружением, в настоящее время

представляющим бесформенное возвышение, вытянутое вдоль оси городища. На городище была заложена траншея. При разработке траншеи на глубине 0,15 м были обнаружены следы очага. Основание очага находилось на глубине 0,59 см от поверхности городища. В очаге найдены 3 фрагмента глиняной посуды, кусок бересты, железный нож; в засыпке очага – кости крупных животных, кусочек железа, фрагменты глиняной посуды.

Городища «Кар-мыльк» и «Городище» не имеют четко выраженных черт, характерных для этого типа памятников. Отнесение их к типу городищ, как отмечает в своем отчете П. Д. Степанов, строится скорее на легендарном материале, чем на фактическом⁴.

Остальные три описанных памятника: «Кар-йыв», «Гуль-унь» и «Чудь-гора» имели характерные для городищ особенности, т.е. располагались на выступах, с полевой стороны имели ярко выраженный вал и ров, а также имели культурный слой той или иной насыщенности. Из этих трех памятников схожи «Гуль-чунь» и «Чудь-гора». Отличительной их особенностью является небольшая величина, незначительный культурный слой (что говорит о кратковременности пребывания человека) с вещами схожего типа. Инвентарь городища «Кар-йил» несколько отличается от двух других городищ. Павел Дмитриевич Степанов в своем отчете высказывает мнение о том, что на этом памятнике имеет место смешение двух слоев: одного более древнего, идентичного слоям городищ «Гуль-чунь» и «Чудь-гора», и другого более позднего, относящегося ко времени существования так называемых «затинных городков» (они существовали в XVI-XVII вв. и служили для охраны движения торговцев по реке Сыsole). П.Д.Степанов датировал указанные памятники XI-XIII вв. с оговоркой в отношении городища «Кар-йил», которое он отнес к XIV-XV вв.⁵

Помимо городищ в ходе экспедиции были осмотрены пять могильников: с. Ужга, с. Вотча, с. Визинга, с. Иб, с. Шошка. Среди них не было ни одного древнего могильника, поэтому часть из них была осмотрена поверхностно, а раскопки производились только на могильниках расположенных в с. Вотча и у с. Ужга.

Наибольший интерес из всех могильников, по мнению П.Д.Степанова, представляют захоронения, обнаруженные у с. Ужга урочища «Слудка-Йыв» – конец Слудки, расположенные на одном из холмов, имеющим крутой обрыв к реке. На могильнике было вскрыто четыре могилы, три из которых были разрушены осыпью, и лишь одна сохранилась почти полностью. Ориентировка погребений – Ю.З.-С.В. Подъемный материал могильника был небогат, его составили части деревянных колод (гробовины), человеческие останки, фрагмент «бивы» – кожаного

мешочка для хранения кремня (мог. №2) и остатки берестяного коробка (мог. № 3). Одно из захоронений было детским (мог. №3), покойник лежал на спине, на подстилке из неизвестного материала. Работе мешало то, что буквально вся поверхность могильника на момент проведения раскопок была занята под огород, и лишь вдоль берегового обрыва оставалось не более 1-1,5 метров нераспаханной поверхности.

В с. Вотча могильник был расположен возле здания школы. Здесь было вскрыто одно погребение, которое оказалось детским. Глубина могилы 69 см, ширина 52 см, длина 1,08 м. В могиле находился гроб в виде ящика. В могиле лежал ребенок лет 8-12, головой на Ю.-Ю.З. Кости сохранились плохо, на груди костяка был обнаружен маленький медный крестик.

Еще один вид памятников, обнаруженный экспедицией – это дюнная стоянка, она располагалась в урочище «Важ-Сыктыв-бок» в окрестностях с. Ыб. Культурный слой на дюне был снят на площади 6 кв. м, он составил всего несколько сантиметров. Здесь были найдены обломки глиняной орнаментированной посуды плохой сохранности, камни, кусок красной минеральной краски и обломок наконечника ремня. В обрыве берега реки было найдено большое количество мелких фрагментов глиняной посуды и колечко от кольчуги. На этом памятнике наряду с керамическим комплексом раннего железного века присутствовали предметы, относящиеся к гораздо более позднему времени. Ввиду наличия такого разновременного комплекса вопрос о датировке Степанов оставил открытым⁶.

Также был собран подъемный материал в окрестностях сел Ужга, Гааг-шор, Вотча, представленный в основном фрагментами неорнаментированной керамики.

В ходе экспедиции обнаруженные в районе р. Сысолы памятники заполнили пробел на археологической карте между верховьями рек Камы, Вятки и реками Вычегдой и Вымью.

Часть открытых Павлом Дмитриевичем памятников были обследованы экспедициями Коми филиала АН СССР (КНЦ УрО РАН), в результате которых были получены новые данные об открытых Павлом Дмитриевичем памятниках. Так, в 1970 г. под руководством Э.А.Савельевой производились раскопки на Вотчинском городище (Кар-йыл), по материалам которых оно было датировано XV веком⁷. В 1980-х гг. Сысольским археологическим отрядом было обследовано городище Кар-мыльк, в результате которого были обнаружены следы оборонительных сооружений, чего не удалось обнаружить экспедиции П.Д.Степанова, а время существования памятника отнесено к XVI в.⁸ В 1999-2003 гг. А.Р.Игушевым и М.В.Кленовым производились раскопки городища «Гуль-чунь»,

по материалам которых памятник был датирован рубежом XII-XIII – началом XIII в., и определен как небольшое мысовое поселение, функционировавшее недолгое время⁹.

Павел Дмитриевич Степанов положил начало археологическому изучению района р. Сысолы. Впоследствии открытые им памятники дали важную информацию для изучения проблемы формирования населения в долине р. Сысолы и роли русской колонизации в этом процессе.

КАРТА РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
КОМИ-РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ, ПОД
РУКОВОДСТВОМ П. Д. СТЕПАНОВА, В 1939 г.

ПАМЯТНИКИ

- ГОРОДИЩА**
1 "Городище"
2 "Гуль-чунь"
3 "Кар-йыл"
4 "Кар-мыльк"
5 "Чудь-гора"

МОГИЛЬНИКИ

- 6 с. Ужга
7 с. Вотча
8 с. Визинга
9 с. ЫБ
10 с. Шоска

СТОЯНКИ

- 11 "Важ-Сыктив-бок"

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ

- 12 с. Ужга
13 д. Гагшор
14 с. Вотча

¹ Сова В.А. Степанов П.Д. – музеевед и ученый // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып.5. – Сыктывкар, 2004. – С. 186-192.

² Национальный музей Республики Коми. КП. 9816/2. Степанов П.Д. Отчет об археологических работах по р. Сыsole Коми АССР. – 1939. – С. 1.

³ Там же. – С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Национальный музей Республики Коми. КП. 9816/2.

⁶ Там же.

⁷ Археология Республики Коми. – М., 1997. – С. 754.

⁸ Васкул И.О. Археологические памятники окрестностей с. ЫБ // Вестник культуры Коми ССР. – Сыктывкар, 1991. – С. 30; Клёнов М.В. Первые итоги раскопок городища Кар-мыльк // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке (МАЕСВ, Вып. 10). – Сыктывкар, 1986. – С. 119-123.

⁹ Клёнов М.В., Игушев А.Р. Поселение Гуль-чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока (МАЕСВ, вып. 17). – Сыктывкар, 2005. – С. 78-84.

**Личная жизнь большого человека
в маленьких страничках дневника.**

Человеческая личность – загадка, которую можно разгадывать всю жизнь. Общаясь с человеком, мы можем подмечать положительные и отрицательные черты, можем наблюдать за тем, как он поступает в той или иной ситуации, но мы никогда не можем заглянуть в его душу, узнать, что там творится, что переживает человек. Эту возможность дают нам дневники, которым люди посвящают самые свои сокровенные мысли и желания. Такой дневник недавно попал мне в руки: дневник Исмаила Сыддыковича Хантимера, одного из крупнейших ученых-биологов нашей республики. Я изучаю биографию Исмаила Сыддыковича и историю его семьи на протяжении уже нескольких лет, но, прочитав этот небольшой дневник, который вмещает всего с десяток страниц карманного формата, я смогла взглянуть на личность легендарного ученого с совершенно иной стороны. На пожелтевших от времени страницах выражены размышления о справедливости, эгоизме, большой и страстной любви к женщине, которую он встретил в лагере, и которая стала его женой.

Исмаил Сыддыкович – крупная фигура в научном мире. Татарин по национальности, он прожил большую часть своей жизни в Коми, куда его занесла репрессивная волна печально-знаменитых тридцатых. Окончив Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, он сразу был приглашен заведовать учебной частью Казанского сельскохозяйственного техникума и преподавать в садово-огородном техникуме. Его арестовали в 1929 г. по надуманному обвинению в участии в националистической организации и отправили на Соловки¹. Однако вести дневник он начал спустя год после освобождения из заключения.

Первая запись датируется июлем 1933 г. В это время Исмаил Сыддыкович уже работает в Архангельске. *«...в этих белоснежных лилиях, разбросанных на зеркальной глади тихих озер, среди широких листьев, так нежно, словно улыбка ребенка ласкающий взор, в этом пестром ковре часто грезится мечта, надежда, счастье, и я, убаюкиваемый этим красивым зрелищем, мыслью мчусь в чудные дали... Жизнь, как сны, хороша, нарядна, благородна и чиста!»* Эти мысли поражают обилием чувств. На самом деле, он был отнюдь не мягким и чувственным человеком, по воспоминаниям коллег и друзей он, наоборот, был грубоват и

прямолинеен. Читая эти строки, невольно задумываешься о том, насколько человек любит жизнь, и что, несмотря на еще год назад перенесенные испытания, он не потерял чувство ценности прекрасного. В судьбе Хантимера наступает этап, когда он начинает переосмысливать понятие «свободы». Видимо этому способствуют годы, проведенные в заключении. Он пишет: *«Личность может освободиться от всех оков, приобрести полную свободу действия только тогда, когда она поймет абсолютную неприкосновенность, святость воли и желания других, в какой бы форме оно не проявлялось, только через их безоговорочные признания можно приобрести спокойствие духа, что необходимо для творческой плодотворной работы».*

Может быть, оценивая себя, свой характер и пытаясь анализировать свои поступки, далее он пишет: *«Неприкрытый, откровенный эгоизм благороднее скрытого, не сознаваемого самим субъектом эгоизма. Первое хотя и подло, мерзко, но откровенно и честно, а второе просто глупо, а потому более вредно» (август 1933 г.).*

С сентября по декабрь 1933 г. присутствуют записи только романтического характера. Исмаил Сыддыкович пишет о своей любви к Леонтине Артуровне. Они познакомились в лагере в Кеми. Леонтина приехала туда со своей тетей Верой Александровной Балыц, которая была директором музея почвоведения в Ленинграде, и, как многие представители интеллигенции, была репрессирована. В Кеми В.А.Балыц проводила обследование почв, а Хантимер занимался сорной растительностью².

Исмаил Сыддыкович никогда не любил откровенничать, но все же иногда в разговорах с коллегами проскальзывали некоторые факты, касающиеся истории его семьи. Так, например, его сотрудник, Хмелинин Иван Николаевич вспомнил, что однажды, говоря о Вере Александровне, Хантимер упомянул, что родом она из Варшавы, а отец ее служил там генерал-губернатором³. К сожалению, более ничего неизвестно ни о ее семье, ни о том, где она получала образование, каким образом оказалась в Петербурге. Но, по воспоминаниям внука И.С.Хантимера – О.В.Кублицкого, В.А.Балыц, приходившаяся Леонтине Артуровне приемной матерью, на самом деле была ее тетей. Когда Леонтина Артуровна стала совершеннолетней, ее родители, имевшие немецкую национальность, решили эмигрировать в Германию и предоставили дочери выбор: остаться в Ленинграде или уехать с ними за границу. Леонтина Артуровна не смогла оставить любимый город и друзей, и осталась на попечение тети – В.А. Балыц⁴.

В дальнейшем Исмаил Сыддыкович многому учился у Веры Александровны, она помогала ему в научной работе. Балыц владела французским языком и сделала перевод крупной медицинской работы с француз-

ского (название установить не удалось), за что получила медаль от французского общества (вероятно утеряна). После освобождения В.А.Бальц вместе с Леонтиной и Исмаилом переехала в Сыктывкар, где скончалась в 1943 г. В архиве ЗАГСа удалось найти свидетельство о смерти В.А.Бальц, в котором сказано, что она умерла 8 июля 1943 г. от декомпенсированного миокардита. В 1943-м у Исмаила и Леонтины украли продовольственные карточки, Вера Александровна отдала им свои, поэтому постоянное недоедание подкосило ее (вскрытие показало, что она умерла от истощения). Скончалась она на 73 году жизни. Не удалось найти и ее могилу. Известно, что она похоронена на городском кладбище (что за больничным городком), но никто точно не помнит где (по воспоминаниям коллег Хантимера, где-то возле забора). Сотрудники похоронного бюро сообщили, что у них хранятся документы, начиная с 1950 г., а все более ранние уничтожены, и поэтому если за могилой никто не ухаживает, то вполне вероятно, что там располагаются и вторичные, а, может быть, и третичные захоронения.

В сентябре 1933 г. Хантимер пишет о Леонтине Артуровне в своем дневнике: *«Люблю всем сердцем, с болью, с тоской и с грустью ее нежность, ее удивительную доброту, чуткость и особую, ей присущую широту души. Ее порывы нежности, ее жажду любить, быть любимой, ее жажду ласки, ее беззаботность, взрывы ее восторга и муки ее разочарований – все, все я люблю в ней... Не потому ли такой прилив любви, тоски по ней, что за такое короткое время мы так много успели мучаться, сострадать, переживать сердечную боль, бессонные ночи и самые противоположные мнения друг о друге?»*

Они вырастили трех детей: Изольду, Рустема и Элеонору. Исмаил Сыддыкович всегда хотел, чтобы дети продолжили его дело, но мечту отца воплотила в жизнь лишь Элеонора, она стала микробиологом. В настоящее время она проживает в Москве, до выхода на пенсию работала младшим научным сотрудником в одном из московских научно-исследовательских институтов. Изольда решила посвятить свою жизнь детям, поэтому стала преподавателем эстетики в ГПТУ № 8. Ею был создан «Клуб любителей прекрасного» (КЛП), который ребята посещали с удовольствием. Она устраивала экскурсионные поездки для учеников в Москву, Ленинград, Таллинн. Помимо этого, КЛП регулярно выезжал с гастролями в районы Коми республики. Свои воспоминания Изольда Исмаиловна отразила в авторской книге «Такое трудное счастье...»⁵. К сожалению, Изольда и Рустем уже ушли из жизни, в Сыктывкаре остался единственный внук И.С.Хантимера О.В.Кублицкий (сын Изольды). Он, как и мама, решил посвятить себя искусству и детям. Олег Валентинович работает преподавателем культурологии.

Леонтина Артуровна всегда оберегала Исмаила Сыддыковича, находясь в трудные минуты рядом с ним. Она всегда величала его по имени-отчеству, даже когда он мог вспылить на нее. В сентябре 1933 г. он напишет: *«Если я мучаю ее, если я требователен, придирчив, мнителен – ведь это только оттого, что я ее так чисто, так глубоко люблю. С ней, с ее душой, с ее сердцем мне хочется возвыситься, парить там, где вольная мысль как чистый эфир далеко над землей нам веет и струится»*. В декабре того же года в дневнике появится следующее: *«Какое счастье любить и быть любимым! Боже, сохрани Ее жизнь, дай мне испить эту чашу бесконечного счастья до конца... Когда я воображаю жизнь без нее, то она кажется совершенно невозможной. О, нет, тогда никакая работа уже не спасет...»*.

И.С.Хантимер много сделал для развития сельского хозяйства Республики Коми. Он изучал кормовую базу животноводства, сорно-полевую растительность, разрабатывал рекомендации по рациональному использованию и улучшению лугов и пастбищ, создавал геоботанические карты, гербарии и многое, многое другое. К сожалению, из восьмидесяти его научных работ опубликовано лишь тридцать семь. Н.С.Котелина вспоминала, что из Москвы даже поступало предложение снять фильм о его жизни, деятельности и годах, проведенных на Соловках. Хотел этого и Рустем и всячески уговаривал отца⁶. Но Хантимер наотрез отказался, объяснив это тем, что не считает себя пострадавшим от репрессий, потому что, даже будучи заключенным, он продолжал заниматься любимым делом в отличие от людей, которые погибали на каторжных работах. Очень странно слышать это из уст человека, который был реабилитирован лишь в 1990 г. за несколько месяцев до смерти, прожив, таким образом, больше половины своей жизни с клеймом «врага народа».

Коллеги навсегда запомнили его неутомимым тружеником, который всегда горел работой. Последняя запись в его дневнике такова: *«Однако сколько слабостей в моем характере. Я счастлив, я любим, я достиг всего, о чем мечтал, но я по-прежнему слаб волей и не нахожу в себе достаточной силы, чтобы направить себя в то русло, в котором я желал бы дальнейшего развития...»*. Наверно он искал себя всю жизнь.

¹ Арчегова И.Б., Котелина Н.С. Исмаил Сыддыкович Хантимер. Сср.: Люди науки. Вып. 15. – Сыктывкар, 1996.

² Воспоминания Арчеговой И.Б., д.б.н., коллеги Хантимера И.С. (записаны автором – К.К.)

³ Воспоминания И.Н.Хмелинина, д.б.н., коллеги Хантимера И.С. (записаны автором – К.К.)

⁴ Воспоминания О.В.Кублицкого, внука И.С.Хантимера (записаны автором – К.К.)

⁵ Кублицкая И.И. Такое трудное счастье. – Сыктывкар, 1989.

⁶ Воспоминания Н.С.Котелиной, к.б.н., коллеги И.С.Хантимера (записаны автором – К.К.)

Девичий песенник как документ истории и культуры

В XX в. после революции и гражданской войны, в результате социально-экономических процессов 1920-1930-х гг., Великой Отечественной войны произошли серьезные социокультурные изменения: слом дворянской культуры, смешение различных слоев общества, ликвидация неграмотности, распространение городской культуры в деревне. Все эти явления имели определенное влияние на мировоззрение, интересы и духовное формирование сельской молодежи в 1950-е годы.

Благосостояние и культурная жизнь села напрямую была связана с аграрной политикой КПСС и советского правительства. С середины 1950-х гг. был проведен целый ряд мероприятий по поднятию сельскохозяйственного производства: списание долгов и всех недоимок по сельхозналогу за прошлые годы, снижение взимаемого с колхозников основного налога в 2,5 раза, увеличение закупочных цен на скот и птицу в 5,5 раза, на молоко и мясо – 2 раза, на картофель – в 2,5 раза и др. Были снижены нормы обязательных поставок государству колхозами основных продуктов сельского хозяйства, списана задолженность по поставкам государству за прошлые годы. Вводилось ежемесячное авансирование колхозников за трудодни¹. В результате уже во второй половине 1950-х гг. уровень жизни советской деревни по сравнению с послевоенным периодом восстановления сельского хозяйства несколько повысился. О том, что эти меры привели к некоторому росту благосостояния сельских жителей, свидетельствуют следующие факты. Молодежь в деревнях все больше стала одеваться по-городскому. Это изменение в одежде нашло отражение в песенном творчестве: если в песнях и частушках прежде упоминались валенки, сарафаны, полушалочки, то теперь платье, юбки, пиджаки, пальто, ботиночки, кепки и т.п. Домашняя утварь, изготовленная деревенскими кузнецами, постепенно заменялась на посуду фабричного производства, в семьях колхозников наряду с балалайками и гармошками появились патефоны.

В сельских и районных магазинах можно было приобрести пластинки с записями популярных для того времени песен и танцевальных композиций, таких как вальсы «Амурские волны» и «Березка», танго «Счастье мое» и «Утомленное солнце», медленный танец «Жемчуг», фокстрот «Букет роз», полька «Песенка дятла» и др. На патефонных пла-

стинках были записаны и известные мелодии зарубежной эстрады, например: французская шуточная песенка «Бабочка и мотылек» (рус. текст Г.Фере); песня «Красная розочка» (в исп. Геленой Лоубаловой на рус. и чешском языках); песня Раджа из кинофильма «Бродяга»; «Бесамо Мучо» (на исп. языке в исп. трио «Лос Панчос») и др. Однако Ленинградский завод грампластинок производил больше всего патефонных дисков с записями русских народных песен («Валенки», «Очаровательные глазки», «Липа вековая» и т.п.) и песен советских композиторов: «Спи, мой бэби» (сл. А.Безыменского), «Воспевал я край родной» (сл. Н.Глейзарова), «Пшеница золотая» (сл. М.Исаковского), «Песня старого извозчика» (сл. Я.Родионова), «Приходите свататься» (сл. С.Васильева), «Всегда ты хороша» (сл. Н.Глейзарова), «Песня первой любви» (сл. Г.Регистана) и т.п. В моде были пластинки с песнями в исполнении Г.Виноградова, Л.Утесова, В.Нечаева, Л.Руслановой, К.Шульженко и др.

В связи с идеологическими кампаниями и ожесточением цензуры во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. многие старинные романсы «Вчера вас видела во сне», «Гадание», «Но это только сон» и песни «Златые горы», «Окрасился месяц багрянцем», «По старой калужской дороге», «Чудный месяц плывет над рекою» оказались под запретом как «псевдонародные и антихудожественные»². Демократизация общественной жизни после XX съезда партии способствовала возрождению песенной лирики. Небывалый расцвет советской лирической песни был связан с именами таких советских поэтов как: К.Ваншенкин, Н.Доризо, Е.Долматовский, М.Исаковский, М.Лисянский, М.Матусовский, О.Ошанин, А.Фатьянов, В.Харитонов, Я.Шведов и др. Их стихи сразу же становились песнями и были постоянными спутниками людей. Секрет популярности, к примеру, песен М.Исаковского, заключается в том, что «они задевают самые живые, самые отзывчивые струны человеческого сердца, в них нашли лучшие черты его поэтического дарования – проникновенный лиризм, глубокая человечность, благородство и душевная открытость»³. Эти слова в полной мере относятся и к песням других авторов. Композиторы Н.Богословский, И.Дунаевский, Б.Мокроусов, А.Пахмутова, В.Соловьев-Седой, М.Фрадкин, Т.Хренников и др. создавали к стихам музыку, используя народные песенные традиции, подбирая соответствующую словам красивую мелодию. Так, И.О.Дунаевский считал мелодию душой песни: «На мелодию падает основная авторская задача – увлечь слушателя, вызвать смех, улыбку, слезы, грусть, радость, горе, скорбь, надежду, мрак, просветление»⁴. Советские песни 1950-х гг. покорили сердца людей, стали поистине народными.

Наверное, в каждой семье есть не только сборники песен и романсов, изданные типографским способом, но и самодельные рукописные песенники. Туда переписывали из библиотечных книг и журналов популярные песни, полюбившиеся стихи. Они украшались карандашными виньетками, чернильными ромашками, розочками и другими цветочками. Самодельные песенники были не только собранием модных напевов: по сути, это были те же поэтические альбомы, которые были в моде в XIX – начале XX вв. в столичных светских салонах, уездных гостиных, закрытых пансионах и институтах благородных девиц. В альбомы, которые вели гимназистки и курсистки, записывались пожелания милым подругам, признания в искренней дружбе, стихи модных поэтов⁵. Существовавшая ранее так называемая альбомная культура возродилась в середине XX в виде рукописных песенников.

В нашем распоряжении случайно оказался один из таких девичьих песенников, который был найден среди старых журналов и учебников в старинном крестьянском доме в деревне Щелейки Подпорожского района Ленинградской области. Он принадлежал жительнице этой деревни, выпускнице средней школы поселка Вознесенье Людмиле Т. Необходимо отметить, что записи в данной «Тетради для песен и стихов» имеют четкие хронологические рамки (октябрь 1957 г. – октябрь 1961 г.). Этот исторический период вместил в себя немало важных событий. С 1954 г. шло освоение целины. 4 октября 1957 г. произошел запуск первого советского спутника, а 5 декабря 1957 г. в Ленинграде был спущен на воду атомный ледоход «Ленин». С 1 января 1958 г. был отменен сельскохозяйственный налог с приусадебных хозяйств колхозников. В 1959 г. был осуществлен успешный запуск в СССР многоступенчатой космической ракеты на Луну и состоялся первый визит Н.С.Хрущева в США. В 1960 г. был введен семичасовой рабочий день. С 1 января 1961 г. стала проводиться денежная реформа. 12 апреля 1961 г. произошел полет Ю.А.Гагарина в космос. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии – строительства коммунистического общества в СССР.

Как было написано на титульном листе этого песенника, его начало было положено в октябре 1957 г. в «первую осень после окончания средней школы». Такое уточнение представляется очень важным, поскольку во время учебы в школе занятия подобным творчеством не приветствовались. Учащиеся из деревни Щелейки из-за отсутствия средней школы в родном селе должны были учиться в соседнем поселке Вознесенье, куда они ходили за 15 км пешком, позднее их стали возить на колхозном транспорте. Начиная с первых лет обучения в Вознесенской средней

школе, дети из разных деревень жили в местном интернате. Интернат был фактически закрытым учебно-воспитательным заведением. Полугодное существование в послевоенные годы (Людмила Т. пошла в первый класс в 1947 г.), жизнь вдали от родного дома начиная с 10 лет, одиночество и неприкаянность, стремление найти помощь и поддержку обусловили особенно нежные чувства между школьными подругами, которые нашли свое отражение на страницах данного песенника даже спустя несколько лет после окончания школы. Во время учебы в школе и жизни в интернате, где из-за нехватки мебели и казенного инвентаря учащиеся вынуждены были делить одну койку на двоих, несмотря на строгие запреты и преследования девочки вели песенники-дневники. Среди учениц нередко выделялись те, кто обладал особым талантом рисования и красивым почерком. Такие девочки по просьбе своих одноклассниц или подруг по интернату в знак великого признания их выдающихся способностей оформляли альбомы-песенники для всех желающих. Были случаи, когда педагоги и воспитатели находили случайно забытый в парте или в другом месте такой памятник песенного творчества. Производился розыск забывчивой обладательницы данного предмета, после чего она приглашалась на заседание расширенного педагогического совета школы, где подвергалась унижительной проработке и порицанию. Ученицу публично стыдили за то, что она увлекается чуждыми для советской девушки настроениями, забивает себе голову глупостями, вместо того, чтобы быть сознательной комсомолкой, готовить себя для строительства коммунизма, она мечтает о любви и личном счастье. Окончание школы сняло всякие запреты на ведение песенников, так как выпускницы уже бы не подвластны строгим учителям и интернатским воспитателям.

Песенник Людмилы Т. содержит 67 песен, частушки, стихи, выписки и цитаты из литературных произведений, а также список просмотренных кинофильмов, иногда с указанием даты просмотра. Основная тематика записанных песен сводится к тем главным вопросам, которые волнуют всех людей в начале жизненного пути: любовь, дружба, верность, встречи, расставания. Все песни записаны без указания поэтов и композиторов. Интересно отметить, что записи сделаны разными почерками, песни записывались Людмилой и ее подругами с указанием имени. Почерк Людмилы красивый, ровный, записи делались ею без грамматических ошибок. Записанная песня была как подарок на память при расставании в знак девичьей дружбы, когда уезжали на учебу в город из родной деревни. После некоторых песен сделаны приписки: «Писал скво-

рец, кричал: «Конец»; «Писал зайка, по руке узнай-ка»; «Лучше вспомни и взгляни, чем взгляни и вспомни»; «Вспомни у колодца, когда в ведро вода польется».

На страницах песенника мы встречаем тексты популярных до сих пор и забытых в настоящее время песен: «Подмосковные вечера» (сл. М.Матусовского, музыка В.Соловьева-Седого), «Не забывай» (сл. М.Матусовского, музыка И.Дунаевского), «Когда весна придёт, не знаю» (сл. А.Фатьянова, музыка Б.Мокроусова), «Жди солдата» (сл. С.Острового, музыка Б.Мокроусова), «У Чёрного моря» (сл. С.Кирсанова, музыка М.Табачникова), «Осенние листья» (сл. М.Лисянского, музыка Б.Мокроусова), «Если б гармошка умела...» (сл. А.Фатьянова, музыка А.Лепина), «Огней так много золотых» (сл. Н.Доризо, музыка К.Молчанова) «Песня о рушнике» (сл. А.Малышко, музыка Г.Майбороды), «На крылечке твоём» (сл. А.Фатьянова, музыка Б.Мокроусова), «Тишина» (сл. В.Орлова, музыка Э.Колмановского) и др.

На первом месте в нашем рукописном сборнике стоят песни о любви. Открывает альбом песня «Называют меня некрасивою» (сл. М.Козырева, музыка И.Григорьева). Вряд ли песня с таким названием отражала собственные представления о собственной внешности хозяйки альбома или ее кокетство перед подругами. Скорее всего, песня с таким выразительным названием попала на первый лист песенника случайно, хотя сам текст выдает явное торжество девушки, которую парень «в осеннюю пору дождливую провожает с работы домой», кроме того она получает и другие знаки внимания: чтобы она не озябла, кавалер на плечи ей «осторожно накинул пальто»⁶. Впрочем, вопрос о внешней красоте является одним из самых главных для молоденькой девушки. Вспомним хотя бы ветреную красавицу Оксану, которая «долго принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? – говорила она, как бы рассеянно. – Лгут люди, я совсем не хороша... Я вижу теперь, что я совсем не хороша?». И отодвигая несколько подале от себя зеркало, вскрикнула: Нет, хороша я! Ах, как хороша!»⁷.

Второе место среди записей занимают песни о Родине, о родном крае, родимой стороне. Причем на первый взгляд кажется, что это простые песенки о любви и дружбе, на самом деле за тоской и грустью героя песни скрывается высокая идея патриотического содержания. Например, в забытой сейчас песне «Далеко от дома» есть такие слова: «Обошел полсвета, видел много стран, / Только не про это хочет петь баян. / О родимом крае запоет солдат, / И гармонь его играет на веселый лад. / Был любим когда-то он в родном краю, / Не забыть солдату про любовь свою». Или, к примеру, в «Морской песенке» бывалый моряк рассказывает о своих путешествиях по разным странам и о своей тоске по родному дому: «Эх, не по мне краса

в другом окошечке, / В чужих краях бродил я много дней, / Но не оставил там души не крошечки».

В песнях вся страна олицетворяется с малой родиной, родным краем. В песне «Солдатский вальс» (сл. Б.Царина, музыка А.Воронова) в образе «снежных сибирских белых полей» выступает «Родина-отчизна, с детства сердцу близкая русская земля». Солдат, которому «на границе часто снится дом родной», дает обещание: «Я в края свободные не пушу врага». С этой песней перекликается другая – «У границы» (сл. Н.Карташева, музыка Е.Радыгина). Солдат-пограничник вспомнил родной далекий край, где он встречался и расстался с черноглазой девушкой Марусей. В своей песне он передает милой привет: «Над рекой туман, / За рекой граница, / Может, там в кустах / Рыщет враг волчицей. / Только знай: в наш край любимый / Зверю не прорваться, / А прорвется, так придется, / С пулей повстречаться»⁸.

В «Утренней песенке» из кинофильма «Весенние звезды» тоже есть хорошие, добрые слова о Родине, особенно понятные людям, недавно пережившим войну: «Паровозным гудком растревожена / На просторах стоит тишина. / Хороша в это утро погожее / И светла ты, родная страна... / И вокруг все родное и близкое, / Все добыто в суровом бою. / Никакими словами не высказать, / Как люблю я Отчизну свою». В лирической песне «Родина» (сл. Н.Сусленникова, музыка И.Смыслова) тоже звучит признание в любви дорогой отчизне: «Я люблю тебя, край мой любимый, неизменно по-русски люблю»⁹. Дополняет песенную тему о Родине стихотворение, пронизанное высоким гражданским пафосом и патриотизмом: «Самая прекрасная на свете Родина советская моя!»

Жизнь людей в нашей стране всегда была тесно связана с водно-речной системой. Речной географический фактор (знаменитый путь «из варяг в греки») сыграл важную роль в становлении русского государства. Поэтому неслучайно у нас так много песен, посвященных разным рекам и речкам. Река становится символом родных вольных просторов, в их очертаниях легко угадывается родная страна. Эти песни были популярны среди народа и нашли свое отражение в песеннике: «Лодочка» («Плыла, качаясь, лодочка по Яузе-реке»); «Подмосковные вечера» («Речка движется и не движется, вся из лунного серебра»); «Зажглась заря вечерняя над речкой голубой». Особенно много песен посвящено реке Волге: «И о Волге – красавице русской вдохновенно поет человек»; «Над водой березки, елки, / Дым рыбацкого костра. / Хороши весной на Волге / Золотые вечера» («Волжанка»); «Ой, красивы над Волгой закаты» в песне «Жди солдата»; «Над Волгой звездочка горит, / Поет гармонь трепхрядная, / А за кормой вода бежит, / Бежит вода прохладная» («Волжские припевки»); и вообще «хорошо жить в приволжской стороне» тому парню, который признался: «Полюбил я девушку простую». В песеннике есть песни о сибирской реке Ангаре. Эти песни были

написаны как раз во время строительства Иркутской ГЭС (1950-1958 гг.) и Братской ГЭС (1955-1967 гг.). В песне «Расцветай, Сибирь!» (сл. Э.Иодковского, музыка В.Мурадели) есть такие слова: «Веет свежестью / Ночь сибирская, / Собрались друзья у костра... Ты навеки нам / Стала близкою Величавая Ангара! ... Нет, с Сибирью мы / Не расстанемся, Вера юности горяча – В золотых огнях / Гидростанции / Пусть живет мечта Ильича»¹⁰. Причем слово «Ильича» подчеркнуто. В этом подчеркивании проявился результат коммунистического воспитания молодого поколения на примере жизни и деятельности вождя мирового пролетариата.

В песеннике записано несколько песен на морскую тему «У Черного моря», «Тот, кто рожден был у моря», «Морская песенка», «Чайка». Интересная приписка сделана после песни «У Черного моря»: «13 августа 1956 г. только допели эту песню, и машина кукольного театра опрокинулась на горке в деревни Щелейки. Этот день многим запомнится теперь навсегда».

Возможно, как память о погибшем в 1942 г. под Ленинградом отце в рукописном песеннике Людмилы Т. достаточно широко представлена солдатская тема. Службе в армии, проводам призывников, охране государственной границы посвящены такие песни, как «Далеко от дома», «Солдатский вальс», «На границе», «Жди солдата», «Третья рота», «Пой, солдат, пой». Особенно интересны малоизвестные песни про солдатский котелок и «старенький коломенский беднягу-патефон». Оба эти предмета пострадали во время боев: котелок был измят от того, «что колеса какой-нибудь пушки переехали видно его», а патефон «где-то под Варшавой миной был сражен». Эхо минувшей войны отозвалось в девичьем песеннике песней «Нет, не забудет солдат» («Пусть время проходит, пусть годы летят, друзей фронтовых не забудет солдат»).

Многие песни, записанные в песеннике, можно условно разделить на городские и сельские. Городские песни рассказывают нам о неизвестном «тихом городе», где по соседству живут влюбленные молодые люди, про родную Заречную улицу, что и в непогоду дорога ее жителям, про заводскую проходную, что в люди вывела молодого сталевара, про отдаленный район Москвы, где согласно прописке жила чудесная девушка Тоня. Песенная городская география достаточно разнообразна: это и «вечно юная, зеленая Москва», где днем «летит авто привычно по улицам столичным», а позднее «хорошо идти по ночной Москве»; солнечный город Одесса у Черного моря; Ленинград, в котором «Кировский проспект смеялся с нами, слушая наивные мечты»; Саратов, где на улицах так много золотых огней; Кострома, «чудесный край»; Бухарест, в котором «улицы наряднее невест»; Париж, где поэт далекий друг Ив Монтан.

Сельская тематика также представлена различными песнями. Людмила Т. после школы осталась в деревне и сразу пошла работать в колхоз. Активная, энергичная девушка скоро возглавила полеводческую бригаду, а затем за освоение новых сельскохозяйственной культуры, «царицы полей», оказалась в числе лучших кукурузоводов Ленинградской области. И в песнях соответственно поется о трудовых буднях советской колхозной деревни и ее передовиках: «Знаменит я не речами, / Не красой кудрявою, / А колхозными делами, / Трудовою славою». В песне из кинофильма «В прибрежном колхозе» почетом и уважением пользуется «знатная доярка, бригадир». Многие советские песни о колхозной деревне написаны в поэтическом жанре пасторали. Они рисовали образ мирной добродетельной сельской жизни на фоне прекрасной природы. Песенная идиллия изображала будни новой советской деревни, показывала преимущество и радость коллективного труда. Как только «занялася заря расписная», за оклицей «дружно двинулись в поле артели, труд кипит от села до села, топоры по лесам зазвенели, тишина за курганы ушла»¹¹. Песни должны были помогать строить, жить, верить в светлое будущее, создавать картину всеобщего счастья и благополучия. Вот, например, в песне «За горою у колодца» девка пела о том, что «в колхозе любо жить, если честно дело делать, если труд свой полюбить. А вокруг поля шумели, говорили ей о том, что колхозное богатство смело входит в каждый дом. Ой, могуча наша сила, широки у нас поля, изобильная, родная славься, русская земля!»

Самой известной песней на сельскую тему является песня Матвея из кинофильма «Дело было в Пенькове». В этой песне отражены строгие нормы народной нравственности и общественной морали, традиции и обычаи деревенской общины: «От людей на деревне не спрятаться. Нет секретов в деревне у нас... Но не бойся, тебя не обидим мы, не пугайся земляк земляка. Здесь держать можно двери открытыми, что надежней любого замка». Песня Матвея стала очень популярна в крестьянской стране России и среди ее жителей – крестьянских детей, поэтому не удивительно, что в данном песеннике она тоже нашла своё достойное место.

До середины 1950-х гг. в СССР практически отсутствовала возможность знакомиться с иностранными музыкальными произведениями. Это было связано с тем, что с 1949 г. развернулась идеологическая кампания против космополитизма и «низкопоклонства» перед Западом. Борьба за «коммунистическую идейность» художественного творчества привела к запрету «современной музыки западных композиторов, характеризующейся ритмической назойливостью и изощренностью, бессмысленным шумом и треском, упадочным настроением»¹². Идеологические кампании преследовали цель восстановление довоенного контроля над

обществом, создание «железного занавеса» для сохранения и укрепления сталинской системы. Однако послевоенное «брожение умов» было предвестником кризиса сталинизма и смены политического режима, оно подготовило хрущевскую «оттепель».

Со второй половины 1950-х гг. ситуация изменилась. В 1957 г. в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Визитной карточкой советской делегации на фестивале стала песня «Подмосковные вечера». В 1958 г. в столице прошел первый Международный музыкальный конкурс им. П.И.Чайковского. Фестиваль, конкурс и другие события положили начало контактам советских и иностранных деятелей культуры. Расширение международных культурных связей позволило советским людям познакомиться с современным искусством зарубежных стран: кино, живопись, эстрада. В песеннике Людмилы Т. на русском языке записаны такие иностранные песни, как: латиноамериканские «Светлячок» («Я в Рио-де-Жанейро приехал на карнавал») и «Чико-Чико» («К нам приехал Чико из Пуэрто-Рико»); французская «Маленькая Мари», чешская «Красная розочка». Также приметой потепления международных отношений являются советские песни, например, «Привет Бухаресту» («У друзей не бывал я в Бухаресте, / Но душой мы везде и всюду вместе. / Пусть летит от родных московских мест / Мой привет в Бухарест, в Бухарест»). В песне «Когда поет далекий друг» (сл. Я.Хелемского) говорится о том, что «Задумчивый голос Монтана / Звучит на короткой волне... А песня все ближе, все ближе / Летит и звенит над Москвой. / В ней думы Парижа, / Улыбка Парижа / И голос народа живой... Радущие наше знакомо / Посланице дальних широт. / Желанная гостя, / В России, как дома, / Французская песня живет»¹³. Это хоть и небольшие, но примечательные факты международного культурного сотрудничества после снятия «железного занавеса».

Следует заметить, что в песеннике практически нет заздравных гимнов, прославлявших «партию Ленина, силу народную» и исполнявшихся на официальных праздничных мероприятиях. Возможно, как дань «революционному романтизму» в песеннике оказалась песня из кинофильма «Добровольцы» (сл. Е.Долматовского, музыка М.Фрадкина), поскольку в ней дается рецепт человеческого счастья: «Комсомольцы-добровольцы! Надо верить, любить беззаветно, / Видеть солнце порой предрасветной - / Только так можно счастье найти»¹⁴. В то же время в песеннике оказалась песня «Небо темно-синее», в которой говорится о любовных страданиях девушки, чей парень вечером ушел на заседание в райком комсомола, где «просидит до ночи он над постановлением». Девушка обещает придти в райком и сказать: «Что ж вы заседаете даже в воскресенье? Пусть и комсомольские хоть дела и важные, сердце-то имеет, души – не бумажные».

Нет ни одного значительного события в истории народа, которое не отразилось бы в песенном творчестве современников и потомков. Как отзвук происходящих в стране важных социально-экономических событий в песеннике были записаны две песни, посвященные освоению целины: «Едут новоселы» (сл. Н.Солохиной, музыка Е.Родыгиной): «Родины просторы – горы и долины, / В серебро одетый, зимний лес грустит. / Едут новоселы по земле целинной, / Песня молодая далеко летит... Вьётся дорога длинная, / Здравствуй, земля целинная! / Здравствуй, простор широкий, / Весну и молодость встречай свою!»; а также «Едем мы друзья» (сл. Э.Иодковского, музыка В.Мурадели): «Ехать в степь далекую / И наш черед пришел»¹⁵. Интересно, что в песеннике оказалась студенческая песня «О целине»: «Ну, споемте-ка, ребята, как живем на целине. В дождь и ветер как котят загораем на зерне».

В анализируемом здесь рукописном песеннике большое место занимают песни из советских кинофильмов, особенно популярных в то время: «Весна на Заречной улице», «Девушка без адреса», «Годы молодые», «Песня первой любви», «Солдат Иван Бровкин», «Свадьба с приданым», «Карнавальная ночь» и др. На самых последних страницах песенного сборника можно прочитать перечень фильмов, просмотренных Людмилой Т. в конце 1950 – начале 1960-х гг. Так, дома и в кинотеатрах Ленинграда и Пушкина ей удалось увидеть ленты: «Человек с тысячью лиц», «Простая история», «Идиот», а также «Римские каникулы», «Сергея», «Домой», «Исправленному верить», «Повесть о настоящем человеке», «Чужая беда», «Воскресение», «Чистое небо», «Подвиг разведчика», «День первый – день последний», «Друг мой Колька», «Жизнь начинается» и т.д. В период «оттепели» в кинематографе появился новый тип киногероя – рядового человека, далекого от идеала, но привлекательного своими нравственными качествами, близкого и понятного зрителям. Все действие фильма, как правило, сопровождалось музыкой, переживания и чувства героев передавались с помощью лирических песен, которые, впервые прозвучав с экранов кинотеатров, сразу же становились любимыми напевами советских людей.

Наряду с песнями в рукописном сборнике имеются и частушки. Они занимают десять страниц, тематика их в основном сводится к любовным страданиям (встречи, измены, гуляния): «Девушки советские, спорить-то не надо. Ребята сами выберут, кому какая надо; Я одену платье бело, одевай, подруга, ты. Мы придем, а люди скажут: «Эти обе заняты»; В зале двери открылись, двое в кепочках вошли. Мы с подружкой улыбнулись, кого ждали, те пришли» и т.п. Шесть страниц песенника занимают бесхитростные рифмованные строки местного самодеятельного поэта: «Поверь, что дважды два четыре. Поверь, что вертится земля. Поверь, что есть любовь на свете. Поверь, что я люблю тебя» и т.п.

Характерной приметой времени второй половины 1950-х гг. стал массовый интерес к поэзии. Читатели заново открыли для себя творчество многих русских поэтов, которые не печатались в 1930-1940 гг. Среди таких поэтов был и Сергей Есенин. В середине 1950-х гг. были выпущено несколько сборников стихов С.Есенина, общим тиражом 1200 тыс. экземпляров. Необходимо отметить, что 19 июня 1958 г. вышло постановление Комиссии ЦК КПСС «О неправильном подходе к переизданию сочинений С.Есенина», в котором указывалось, что «в сборники нередко включаются стихи, проникнутые упадническими, религиозными настроениями, отражавшими идейную незрелость и растерянность поэта, не понимавшего смысла перестройки страны на социалистических началах... Все это отрицательно сказывается на коммунистическом воспитании советских людей, особенно молодежи». Постановление запретило выпуск новых сборников произведений С.Есенина в 1958-1959 гг., прекратило подготовку к выпуску четырехтомного собрания сочинений поэта в издательстве «Советская Россия»¹⁶. Жизнь показала что, ранее изданных книг не хватало для всех поклонников творчества крестьянского поэта, поэтому стихи С.Есенина переписывали от руки. Так, в песеннике Людмилы Т. на отдельной странице без указания автора записано стихотворение С.Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья».

Внутренний мир и духовное развитие человека отражают цитаты и выписки из художественных произведений. Самой первой записью является клятва Павла Корчагина из романа Н.Островского «Как закалялась сталь». Целые страницы заняли выписки из повести В.Щербакова «Девушки», Г.Николаевой «Битва в пути», высказывания и мудрые мысли А.М.Горького, А.И.Герцена, Ф.Э.Дзержинского, А.С.Макаренко и др. В песеннике упоминаются книги «Искатели» Д.Гранина, «Даурия» К.Седых, «Студенты» Ю.Трифоновой и др. Все выписки объединяет общая тема: дружба и любовь, поиск смысла жизни.

В советском обществе распространялись нормы коммунистической нравственности, оформленные в Моральный кодекс строителя коммунизма, в том числе такие как: честность и правдивость, простота и скромность в личной и общественной жизни, непримиримость к несправедливости, туеядству, нечестности и т.д. В книгах и журналах давались советы и наставления, как беречь честь советской девушки: «Девушка только тогда сможет добиться уважения, если она будет последовательно оберегать свою независимость, если она не терпит никакой грубости, никакой пошлости, откуда бы ни исходила эта грубость, эта пошлость»¹⁷.

В песеннике на разных страницах также можно встретить выписки назидательного характера: «Трудно жить человеку без друзей, без товарище-

ской помощи и без той всепрощающей любви, когда любят, не рассуждая, преданно. Любовь – это лотерейный билет. Любят по-настоящему очень редко. Из тысячи один раз. А остальные встречи – просто увлечения. Они преследуют пошлые цели. Девушки должны привлекать к себе парней не обилием пудры и красок на лице, не узкой юбкой, а богатой, содержательной натурой» и т.д.

В 1960 г. Людмила Т. поступила на заочный факультет Ленинградского сельскохозяйственного института. Дважды в год выезжала на лабораторно-экзаменационную сессию в г. Пушкин, где жила в студенческом общежитии. В связи с этим в песеннике появились самостоятельные студенческие песни «Султан», «Субботний вечерок» и др. В песеннике есть указания на то, кто исполнял ту или иную песню (студент Лев П. или студентка Валентина К.). Учеба в институте открыла перед Людмилой новую дорогу в жизни. Изменения в судьбе отдельного человека совпали с общественным подъемом в начале 1960-х гг. Для этих лет был характерен социальный оптимизм, вера в силу науки и человеческого разума, устремленность в будущее. При всех ошибках и неудачах это было время больших надежд¹⁸. В одной из последних записанных Людмилой песен «Девчонки танцуют на палубе» (сл. Н.Добронравова и С.Гребенникова, музыка А.Пахмутовой) есть такие слова: «Верят девочки в трудное счастье, не спугнет их не зной, не пурга»¹⁹. Действительно, можно было верить в счастье – впереди была целая жизнь.

Таким образом, проанализировав содержание рукописного сборника песен, можно сделать вывод о том, что девичьи песенники продолжают традиции альбомной культуры прежних лет. Как и в предыдущие годы в песенниках-альбомах большое место занимают нежные чувства, дружеские отношения между подругами, привязанность, стремление оставить о себе добрую память. В то же время вместо стихов салонных поэтов записывались песни о Родине, родном крае, милом друге, о всем том, что заставляет биться сердце в ожидании счастья и любви. Песни 1950-1960-х гг. отразили основные события жизни нашей страны, поэтому песенники интересны для исследователей как художественный документ истории и культуры.

¹ Поцелуев В.А. История России XX столетия: (Основные проблемы). – М., 1997. – С. 372.

² Вавулинская Л.И. Цензура в Карелии в 1945 - середине 50-х гг. // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1999. – С.154-155.

³ Исаковский М.В. Соч. в 2-х т. Т.1 – М., 1961. – С. 23.

⁴ Матусовский М.Л. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. – М., 1982. – С. 480-481.

⁵ Кулакова И. Альбом “лохматого медвежонка” // Родина. – 2004. – № 4. – С. 98.

⁶ Песни труда и любви. Сборник популярных советских и русских народных песен. – М., 1971. – С. 240-241.

⁷ Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. – М., 1982. – С. 95-96.

⁸ Песни труда и любви. – С.161-162, 166.

⁹ Песни 50-х годов. Песенник. – М., 1986. – С. 11.

-
- ¹⁰ Песенник. – М., 1974. – С. 138,189, 202.
¹¹ Песни 50-х годов. – С. 11.
¹² Вавулинская Л.И. Указ. соч. – С. 154.
¹³ Любимые песни: Песенник. – Петрозаводск, 1994. – С.196.
¹⁴ Твои, комсомолец, песни. – М., 1975. – С. 77.
¹⁵ Песни 50-х годов. – С. 22, 25.
¹⁶ Бригадина О.В. История культуры России новейшего времени. – Минск, 2003. – С. 398-399
¹⁷ Честь советского юноши и советской девушки // Полезные советы. – Мурманск, 1960. – С. 30.
¹⁸ История России в новейшее время. 1945-2001 / Под ред. А.Б.Безбородова. – М., 2001. – С. 133.
¹⁹ Песни труда и любви. – С.184.

Из истории поселка металлургов Надвоицы

Среди наиболее представительных и динамично развивающихся направлений в историографии Карелии в последние годы оказалась городская история, однако жизнь городов второй половины XX в. изучена пока недостаточно: не хватает источников, сохраняется особый контроль над освещением недавнего прошлого со стороны государства и финансирующих исследование организаций. В коллективных работах сюжеты по истории последних десятилетий нередко отдавались на откуп журналистам и мемуаристам, однако ситуация начинает меняться¹. Важной вехой в развитии городоведения стала монография О.П.Илюха, А.В.Антощенко, М.Ю.Данкова о самом молодом городе Карелии – Костомукше. Значительно полнее в сравнении с прежними работами освещена история Петрозаводска в послевоенный период в книге «Петрозаводск: Хроника трех столетий». При этом выдерживается общее направление городоведческих исследований последних лет. На наш взгляд, их главная тенденция проявляется в особом внимании к социокультурному потенциалу городского сообщества и его динамике в переломные эпохи, в стремлении понять жизнь городских жителей «изнутри», изучить многообразие социального взаимодействия и культурных практик горожан. В этом же ключе в 2002-2004 гг. велась работа по изучению истории первенца алюминиевой промышленности Карелии Надвоицкого алюминиевого завода и рабочего поселка Надвоицы².

В 1948 г. правительство СССР приняло решение о строительстве в Карелии алюминиевого завода. Главной задачей в 1949-1950 гг. было создание производственной базы и жилья для рабочих. Для строительства временного поселка вблизи деревни Надвоицы отвели территорию в размере 6 га. На ней сооружали общежития барачного типа на 33-50 мест без водопровода и канализации, деревянные одноквартирные жилые дома для инженеров, столовую, баню, амбулаторию. Строительство нередко начиналось без технической документации, не хватало квалифицированных рабочих, мастеров, десятников, прорабов. В первые годы основную рабочую силу составляли заключенные. Когда начали строить канал Волго-Дон, заключенных из Надвоиц срочно перебросили туда. Техник-строитель Г.П.Барсов вспоминает: «Вечером заключенные еще работали на стройке, а утром мы приходим – нет никого. Позвонили начальству, нам ответили: уточним. Оказалось, ночью подали эшелоны, и тысячи заключенных быстро

и без шума увезли». А в Надвоицы стали набирать людей по оргнабору. С 1951 г. лагерь начал перестраиваться и превратился во временный поселок №2 для вольнонаемных рабочих³.

С мая 1951 г. начались работы на промышленной площадке. К середине сентября 1954 г. практически все объекты пускового комплекса были готовы. Начала работу государственная приемочная комиссия во главе с А.М.Эпштейном. 15 сентября была пущена первая ванна, в последующие дни пускалось по 7-10 ванн в сутки. Н.А.Калужский, готовивший завод к пуску, вспоминает: «Мероприятие это проходит без каких-либо внешних эффектов... Гостей в корпус электролиза и на РПП не приглашали, но пришло много народа, и, когда постоянный ток пошел, раздалось дружное "ура", люди жали друг другу руки, поздравляли с первой трудовой победой... В последующие часы аноды начали коксоваться, в корпусе росла загазованность, персонал стал работать в респираторах или марлевых повязках. Желавших посетить электролизный корпус резко поубавилось... А персонал корпуса четко и грамотно делал свое дело». 25 сентября 1954 г. НАЗ вошел в число действующих предприятий алюминиевой промышленности СССР.

Пуск алюминиевого завода в Надвоицах пришелся на переломную эпоху. В начале 1950-х гг. Советский Союз в основном достиг довоенного уровня производства в промышленности – раньше, чем в большинстве стран Западной Европы. В условиях разворачивавшейся НТР управление промышленностью с помощью жесткой централизации, неограниченных полномочий центральных министерств и ведомств, мелочной регламентации становилось явно неэффективным. Хозяйственные реформы 1957, 1965, 1979 гг. провозглашали переход к экономическим методам управления производством, активизацию материальных стимулов высокоэффективного труда. Объективно они подрывали главенствующую роль партийных организаций на предприятиях, ставили вопрос о необходимости политических реформ, которых не желали консерваторы. На наш взгляд, это противоречие в значительной мере определило непоследовательность и, в конечном счете, неудачу реформ.

Вместе с тем нельзя недооценивать достижений 1950-1980-х гг. в создании эффективных технологий и оборудования, не уступающего лучшим мировым образцам, в концентрации и кооперировании, в комплексной механизации и автоматизации производства, в повышении качества промышленной продукции. Наиболее заметными эти достижения были в отраслях, связанных с военно-промышленным комплексом.

Когда Надвоицкий алюминиевый завод начал работу, основные операции выполнялись вручную и требовали большого физического напряжения. Люди страдали от высокой температуры, вредных газов, пыли. При загрузке анодной массы рабочий за смену должен был «перелопа-

тить» 20-25 тонн сырья. Кувалды, зубила, тачки необходимо было заменять машинками, моторами, механизмами.

На заводе развернулась большая работа по механизации трудоемких операций, автоматизации основного технологического процесса. Коренная реконструкция электролитейного отделения позволила заводу начать в 1967 г. выпуск новой продукции – силумина (сплава алюминия с кремнием). Большую часть затрат на производство алюминия составляла электроэнергия, снизить эти затраты призвана была реконструкция ртутно-преобразовательной подстанции. В 1970 г. началась замена ртутных выпрямителей на кремниевые⁴. В 1967 г. Надвоицкий алюминиевый завод вышел на первое место среди алюминиевых заводов СССР по производительности труда⁵. В 1973 г. Государственная аттестационная комиссия разрешила применять Государственный Знак качества на продукцию из алюминия и силумина, выпускаемую на Надвоицком заводе. НАЗ стал первым в Карелии предприятием, вся продукция которого выходила со Знаком качества⁶. Надвоицкий алюминий превзошел по качеству лучшие образцы Канады, США и многих других стран.

В 2003 г. нами были записаны рассказы более 100 жителей поселка Надвоицы о событиях прошлого по методу «устной истории». Устные свидетельства незаменимы при создании истории предприятия, поскольку позволяют фиксировать индивидуальный жизненный опыт разных поколений тружеников завода, представителей разных социально-профессиональных и демографических групп граждан, изучать повседневную жизнь и быт, культуру, психологию людей.

Работая по методу «устной истории», мы не имели права по-своему интерпретировать, а тем более оспаривать суждения своих собеседников. Доминировал принцип невмешательства интервьюера в ход рассказа. В то же время приходилось учитывать законы устной коммуникации. Ведь многое зависело от умения рассказчика облекать свои чувства и мысли в словесную форму. В свою очередь, грамматика и лексика разговорной речи существенно отличается от письменной. Важную роль в диалоге играют невербальные каналы общения: тон голоса, выражение лица т.д. Трудно передаваема эмоциональная реакция, тональность беседы. Все это в записи неизбежно шлифуется, дорабатывается.

Рассказы очевидцев отличались в зависимости от того, какую степень душевной открытости считал возможным автор, насколько он зависит от того, что принято и что не принято рассказывать. В центре внимания респондентов был рассказ о профессиональном становлении и развитии, о деятельности трудового коллектива. Однако этим беседа отнюдь не исчерпывалась. Вспоминая прошлое, рассказчики уделяли большое внимание истории семьи, повседневности, нередко характеризовали вехи

личностного развития. Удивительно ярко во многих рассказах картины детства, жизни в отчем доме. Через многие воспоминания проходит тема Великой Отечественной войны, ставшей переломным событием целого поколения.

Раньше ученые стремились почерпнуть из воспоминаний, прежде всего факты. Сегодня значительно большее внимание стало уделяться оценкам прошлого, видению «картины мира» современников событий. Однако мир памяти весьма тонкий и подвижный. Следует помнить, что в разные годы человек может давать одному и тому же событию разные оценки. На них отражается его психологическое состояние в текущий момент жизни, его современные проблемы. При этом рассказчик нередко «улучшает», идеализирует, схематизирует прошлое.

Первые годы после пуска завода тяжелыми оставались условия жизни и быт металлургов. Многие переселенцы рассказывают, что с трудом привыкали к холодному карельскому климату. Диспетчер опытно-экспериментального участка А.И.Маслова точно запомнила день приезда в Надвоицы – 25 мая 1955 г.: «Был уже конец весны, а с неба густыми хлопьями валил снег. Я была к этому совсем не готова». Первое время зимой в квартирах было очень холодно: с вечера протопишь, а утром вода в ведре покрыта коркой льда». Не всех удавалось обеспечить топливом. Рабочий А.И.Манойлов вспоминает, что в первую зиму их семья осталась совсем без дров, каждую неделю он ездил в лес с санками, рубил валежник. Электролизник Н.К.Новик дополняет: «У меня была лодка с мотором, и на ней я ездил собирать аварийный лес по берегам».

В местных магазинах продуктов было мало. За ними бегали к проходящему поезду, который прибывал в Надвоицы около полуночи. В вагоне-ресторане покупали печенье, сухари, летом – фрукты. Старожилы вспоминают, как получали в посылках аккуратно завернутые яйца, которых здесь было не купить. По возможности ездили за продуктами в Ленинград. Собирали в лесу грибы и ягоды, которых было в избытке. Грибы сушили на зиму, ягоды ссыпали в деревянные бочки и держали в кладовках, а вот варенье в 1950-е гг. варить было не принято. Многие разработали огороды, на которых выращивали картошку, лук и другие овощи. В большинстве семей варили щи, на зиму квасили капусту, солили волнушки. В магазинах продавался крупный кусковой сахар – он был главной сладостью.

Большую роль в питании играла рыба. «Треску и за рыбу-то не считали» (А.К.Титенок), «Треска стоила дешево, примерно 30 коп. за килограмм. ... Многие жили на рыбе, питались треской» (А.С.Спицына), «Магазины торговали соленой треской в бочках. Мы такую как раз и покупали. Треска была очень вкусная. Когда свежий засол – вкуснее не придумаешь» (Е.К.Суздалева),

«Рыбу чуть ли не телегами возили: ряпушка, треска, семга (большие туши) были на прилавке» (Е.П.Михида). Многие мужчины занимались рыболовством.

Пережив военное лихолетье, люди не роптали, мирились с бедностью. Всех согревало слово Победа. Народ верил, что неустанный труд возродит страну и приведет к достатку. Действительно, жизнь постепенно налаживалась. На скалистой сопке, куда в начале 1950-х гг. строители ходили собирать грибы и ягоды, возникла центральная площадь, застроенная комфортабельными домами. Ежегодно сотни новоселов обживали благоустроенные квартиры «сталинского» стандарта. Уже в 1962 г. ЖКО завода эксплуатировал 154 дома, в том числе 93 благоустроенных. В жилфонде завода проживало 5990 чел. На одного проживающего приходилось 7,8 кв. м. жилплощади. Завод выделял квартиры приезжающим по распределению в Надвоицы учителям⁷.

Большое внимание уделялось благоустройству поселка. Молодежь трудилась на субботниках, высаживая деревья, кусты, цветы. Методом народной стройки возвели стадион. Старую котельную переоборудовали в спортивный зал. В 1963 г. в основном построили улицу-лестницу⁸. В 1964 г. в поселке появилась аптека, комбинат бытового обслуживания, первые специализированные магазины – обувной, овощной⁹. В 1966-1967 гг. по заданию завода были разработаны проекты памятника Ленину и братской могилы¹⁰.

Питание надвойчан стало более сбалансированным и разнообразным. Увеличилось потребление мяса, молока, овощей и фруктов. Завод хорошо организовал общественное питание. В 1980-е гг. на предприятии работали три столовые, буфет, магазин «Кулинария». В меню столовых было много мясных блюд, в том числе заказных (лангеты, антрекоты и т.д.) Обед в заводской столовой стоил дешево – от 80 коп. до 1руб. 20 коп. Широкодоступными были путевки на диетпитание. Важную роль в продовольственном обеспечении играло подсобное хозяйство завода. В 1985 г. в нем содержалось 180 голов крупного рогатого скота, в том числе – 110 дойных коров. Успешно работала птицефабрика, развивалось кролиководство. Хозяйство располагало теплицами площадью 2,5 тыс. кв. м., с февраля по ноябрь снабжавшими металлургов овощами.

Помимо денег на питание из семейного бюджета стало выделяться больше средств на покупку мебели, бытовой техники. Теперь люди стремились не только добротнo, но и модно одеваться. В 1968 г. в Надвоицах зажглись первые огоньки телеэкранов с диагональю 25-30 см. Уже в начале 1960-х гг. многие рабочие завода имели мотоцикл, моторную лодку. В 1970-1980-е гг. быстро росло число владельцев личных автомобилей. Во многих квартирах появились стиральные машины, магнитофоны, ковры, хрусталь.

К концу 1970-х гг. практически все желающие могли получить путевки в дома отдыха и санатории. Надвоицкие металлурги отдыхали на Черноморском побережье Кавказа и Крыма, Рижском взморье, в Подмоскowie, пригородах Ленинграда. Те, кто предпочитал отдых дома, тоже имели широкий выбор. В 1961 г. для рабочих и служащих открылся профилакторий, в котором металлурги отдыхали и лечились за скромную плату: в 1972 г. путевка стоила 16 руб. 40 коп, 20 % путевок завод выдавал бесплатно¹¹. В 1976 г. для профилактория было построено новое здание с грязеводолечебницей и физиоэлектrolечением. Ежегодно в нем поправляли здоровье до 800 работников. В 1972 г. открылась туристическая база отдыха в поселке Каменка – два домика на живописном берегу лесного озера могли принять до 50 отдыхающих.

С первых лет работы завода в Надвоицах проводились зимняя и летняя спартакиады, в которых участвовало до 6000 человек. В Надвоицах проходили спортивные состязания республиканского уровня: зональные игры по хоккею, полуфинал республики по шахматам¹². На заводе готовили спортсменов-разрядников¹³. В олимпийском 1980 г. у надвоицких спортсменов появились лыжная база и плавательный бассейн.

В 1960-х гг. коллективы художественной самодеятельности завода ежегодно давали более 50 концертов на НАЗе и других предприятиях Сеgeжского района. В 1966-1967 гг. впервые на заводе прошел смотр художественной самодеятельности участков, выявивший много талантов¹⁴. Агитбригада Дома культуры Надвоицкого алюминиевого завода была одной из лучших в Сеgeжском районе. В середине 1970-х гг. под руководством Л.В.Чуркиной начал работу хоровой коллектив Дома культуры, в котором занималось более 70 человек. Людей разных специальностей на долгие годы объединила любовь к песне: «Хор – это моя вторая семья, он источник бодрости и хорошего настроения» (В.Н.Антонова), «На спевках отдыхаешь душой. Я не допускаю и мысли расстаться с песней» (А.Клевин). В 1980 г. на республиканском смотре хор из Надвоиц был удостоен диплома 2-й степени¹⁵.

На заводе появилась любительская киностудия. В 1966 г. заводские энтузиасты во главе с С.А.Парамоновым сняли первый любительский кинофильм о заводе и жизни Надвоиц¹⁶. В 1966 г. при детской музыкальной школе открылось вечернее отделение для взрослых по классу фортепьяно, баяна, аккордеона, гитары и кларнета¹⁷. Возросла роль книги, чтения в духовной жизни людей. Завод финансировал работу двух библиотек. В поселке работало несколько книжных магазинов. Кроме того, в 1965 г. на НАЗе открылся книжный магазин на общественных началах. В 1960-е гг. стало престижным подписываться на газеты, журналы, собрания сочинений классической литературы. Большое число надвоичан со-

брали прекрасные домашние библиотеки. Профсоюз многое делал для организации досуга детей металлургов. В 1972 г. впервые 160 детей поехали отдыхать в пионерский лагерь санаторного типа в Керчь. 15 % детских путевок завод выделил бесплатно, за остальные путевки родители доплачивали 20 руб¹⁸. С 1976 г. каждое лето сотни детей уезжали на отдых в заводской лагерь на Черноморское побережье Кавказа. В 1982 г. завод имел на долевых началах 100 мест в детском круглогодичном санатории «Жемчужина России» в Анапе, 96 мест в пансионате «Грушевая роща» в Нальчике. В летний период более 200 детей выезжали в оздоровительный пионерский лагерь санаторного типа в Туапсе¹⁹.

1960-1970-е гг. многим жителям Надвоиц запомнились как время стабильности, благополучия и расцвета поселка, ставшего одним из лучших в республике. Однако давали о себе знать и серьезные проблемы. В Надвоицах, как и во многих других регионах страны, местные власти практически не имели источников финансирования. Городское поселение в значительной мере зависело от федеральных министерств и ведомств, финансирующих развитие социальной инфраструктуры по остаточному принципу. Долгое время трудно было устроить ребенка в ясли и детский сад. Когда к концу 1960-х гг. большинство населения обрело некоторый достаток, потребности стали более взыскательны, а товары по-прежнему предлагались незамысловатые, невысокого качества. Хорошие вещи нередко приобретали «по знакомству». В конце 1970-х гг. дефицит распространился на предметы повседневного спроса. Хотя в поселке работал комбинат бытового обслуживания, ресторан, сфера услуг отставала от растущих запросов. Люди старших поколений, помнившие о послевоенной нищете, ценили улучшения 1960-1970-х годов в повседневной жизни, а молодежь считала их естественными и стремилась к большему.

В период форсированной индустриализации вопросы охраны окружающей среды оказались на периферии государственных интересов. В СССР менее половины загрязненных вод проходили нормативную очистку, с неочищенными водами промышленности сбрасывалось около 70% загрязнений²⁰. Проектировщики Надвоицкого завода определили для хранения отходов производства, содержащих растворимые в воде соли фтора, расположенное рядом болото. Оно имело сток в виде ручья в озеро Узкая Салма, служившее местным жителям источником питьевой воды. В результате переизбыток в воде фтора негативно повлиял на здоровье надвоичан, особенно детей. У многих из них развился флюороз – специфическое заболевание, ведущее к почернению и выпадению зубов. Уровень загрязнения атмосферного воздуха превышал предельно допустимую концентрацию. Введенная в эксплуатацию в начале 1970-х гг. опытно-промышленная установка газоочистки 2-й серии электролиза

оказалась неэффективной. Из-за сильной загазованности и запыленности в электролизных корпусах сохранялся высокий риск получения рабочими профессиональных заболеваний²¹. Министерство недостаточно финансировало природоохранные мероприятия, сведения по экологии не публиковались в открытой печати. Во всем этом проявлялись перекосы экстенсивной экономики.

Во второй половине 1980-х гг. усилилось внимание общества к экологическим проблемам. Хотя в некоторых случаях обращение к экологической теме являлось лишь одним из средств раскачки общественного сознания, в целом конструктивное взаимодействие органов государственной власти, управленцев-промышленников и общественных организаций привело к реализации ряда технологических и организационных мер по стабилизации экологической ситуации. В Надвоицах удалось снизить содержание в воздухе загрязняющих веществ. В 1988 г. прекратились выбросы НАЗа в район водозабора, и содержание фтора в воде вернулось в пределы нормы.

---

¹ Карслин В.А., Карпенко А.С., Пудышев Г.Я., Яковицкий В.М. Кондопога. Очерки истории и культуры края. – Петрозаводск, 1996; Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. История Костомукши. – Петрозаводск, 1997; Олонек. Историко-краеведческие очерки в двух частях. – Петрозаводск, 1999; Олонцу – 350: тезисы научно-практической конференции. – Олонек, 1999; Кондопожский край в истории Карелии и России. – Петрозаводск-Кондопога, 2000; Сортвала: Страницы истории. – Петрозаводск, 2002; Пашков А.М., Филимончик С.Н. Петрозаводск. – СПб., 2001; Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703-2003. – Петрозаводск, 2002; Три века Петрозаводска: Иллюстрированная история города. – Петрозаводск, 2003; Филимончик С.Н., Гольденберг М.Л. История Петрозаводска: Учебное пособие. – Петрозаводск, 2003 и др.

² Надвоицкий алюминиевый завод. Очерки истории. Документы и материалы. Воспоминания. Хроника событий. – Петрозаводск, 2004.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 2781. Оп.1. Д.40. Л.137.

⁴ Ленинская правда. – 1971. – 16 ноября.

⁵ Ленинск. – 1969. – 11 марта.

⁶ Ленинск. – 1974. – 1 января, 2 февраля.

⁷ НА РК. Ф. 2781. Оп.1. Д.321. Л.137, 146.

⁸ Там же. Д.330. Л.28. Д.363. Л.68.

⁹ Там же. Д.408. Л.20, 114.

¹⁰ Там же. Д.451. Л.46.

¹¹ Ленинск. – 1972. – 15 июля.

¹² НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 363. Л. 27.

¹³ Там же. Д. 325. Л. 82.

¹⁴ Там же. Д. 496. Л. 48.

¹⁵ Ленинская правда. – 1980. – 5 февраля.

¹⁶ НАРК. Ф. 2781. Оп. 1. Д. 363, Л. 25-26.

¹⁷ Ленинск. – 1967. – 1 января.

¹⁸ Ленинск. – 1972. – 15 июля.

¹⁹ Ленинская правда. – 1982. – 28 декабря.

²⁰ Сенявский А.С. Российская урбанизация: Экологические последствия и их влияние на демографические процессы // Историческая экология и историческая демография. – М., 2003. – С. 59.

²¹ НАРК. Ф. 2781. Оп. 1, Д. 538. Л. 203.

Пространственно-временной код ритуальных действий Великого четверга (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета)

Для достижения магического эффекта ритуала важное значение имеет соответствие пространства и времени. Пространство – одна из основных категорий традиционной картины мира. Как отмечает А.К.Байбурин, окружающее человека пространство мыслится как значимое, т.е. оно и его части (такие как дом, деревня) вполне определенным образом членятся, и частям, получающимся в результате такого членения, приписываются значения разного рода¹.

Пространственно-временной код имеет важное значение в обрядах Великого (Чистого) четверга. Великий четверг относится к числу подвижных календарных дат народного календаря и приходится на последнюю, страстную неделю перед Пасхой. К этому дню оказались прикрепленными обряды и обычаи разного характера и разного времени происхождения, но в большинстве это обряды профилактического, очистительного и предупредительного характера.

Пространство, с которым связаны магические действия Великого (Чистого) четверга, можно разделить на жилое и нежилое. С жилым пространством связаны сакрально отмеченные части дома и подворья. К ним относятся матица, печь, окно, печная труба, крыльцо, двор, ворота, которые являются символической границей между «своим» и «чужим» пространством. Семиотическое пространство данных локусов в ритуале резко повышается; становятся значимыми те противопоставления, которые игнорируются в повседневной практике².

Особенно важное значение данное пространственное деление имело в системе переходных обрядов, в частности свадебного. На пороге или у ворот те персонажи свадьбы, которые не участвуют в свадебной процессии, встречают поезд в соответствующем локусе. Поэтому в Великий четверг именно у ворот, на крыльце совершались магические действия брачной направленности. Самыми распространенными среди них оказались действия, имитирующие приезд свадебного поезда. Такие ритуальные акты зафиксированы в Юрьянском и Лузском районах Кировской обл. Так, в Юрьянском районе отворяли ворота (раскрывали полотна), при этом такие действия нередко сопровождалась магическими форму-

лами-приглашениями, например: «Приезжайте, приезжайте, сваты, здесь невеста есть» (2807-56). С этой же целью могли «ломать» огород (забор), «разрубать» дорогу. В Лузском районе «разрубание» дороги было связано с произнесением приговора: «Дорогу разрубаю, по рабу Божьему женихов зазываю» (2054-15). Целью данных магических действий являлось своеобразное «прокладывание дороги»: необходимо было устранить все преграды на пути движения предполагаемой свадебной процессии.

В свадебном обряде на крыльце, пороге дома обычно совершали такие действия как осыпание, благословение, одаривание сватов. В ритуалах Чистого четверга именно на крыльце дома имитировали «одаривание» предполагаемых сватов, при этом могли использовать предметы, связанные со свадебной атрибутикой (обычно полотенца): «Невеста выйдет с полотенцем до солнышка и дарит: «Женихи, сваты, едьте, у меня дары готовы» (2874-5). В Прилузском районе Республики Коми было распространено такое магическое действие как «выкликание» женихов: «Свекровка кликала женихов, крылец открываешь: «Женихи, милости прошу. Сватовщики, милости прошу. Есть у меня невеста, отдам» (13113-1).

Особым сакральным значением наделялась крестьянская изба. Как заметил К.К.Логинов, пространство, ограниченное потолком, полом и четырьмя стенами избы, в представлениях крестьян выступало как наиболее освоенное в целом мире. Прочие помещения жилища по отношению к нему являлись периферийными, хотя тоже обжитыми человеком. Изба представлялась как бы центром Вселенной, в котором совершались наиболее значимые в жизни человека события³.

Окно и печь – наиболее мифологизированные и символически значимые предметы домашнего пространства. Они представляют собой специфический выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними. Поэтому на Великий четверг именно окно и печная труба становятся центрами общения. Так, в Лузском районе Кировской области, для привлечения женихов, рано утром в Чистый четверг «ухали» в трубу: «Ходят ребята и ходить будут» (2028-45). У окна происходили ритуальные диалоги, направленные на то, чтобы домашние животные всегда приходили домой с пастбища. Обычно диалог осуществляли два участника, один из которых находился дома, а другой под окном на улице: – Коровы-то, дома? / – Дома! / – Овцы-то, пришли? / – Пришли! (13151-21).

Священным и почитаемым в избе считался красный угол⁴. С ним связаны ритуалы, имеющие бережный характер. В ночь на Великий четверг клали к иконе хлеб, соль, яйца, а также пряжу и хранили их до Егорьева дня. Затем их использовали с целью защиты скота при первом выгоне в поле.

Матица воплощает производительную энергию и женское начало. Под матицей совершали магические действия, имеющие продуцирующие свойства, такие, как расчесывание волос для лучшего роста льна. Вероятно, соотнесение матицы и льна произошло на основе их связи с женским началом, так как этапы вегетации льна ассоциируются с этапами жизни женщины. Также с матицей связаны ритуалы, имеющие бережный характер. Для того чтобы скот всегда приходил в родной дом, обрезали хвост и клали его под матицу: «Как хвост лежал под матицей, так бы и корова в дому держалась» (2811-28). В данном случае матица является образным воплощением дома в целом.

В обычной жизни и в ритуальных практиках особой сакральностью наделялся обеденный стол и пространство вокруг него. Очень ярко это проявлялось в приписывании ему способности святить воду, которая потом приобретала различные магические свойства⁵. Так, в Прилузском районе Республики Коми утром в Великий четверг необходимо было смыть воду с трех углов стола со словами: «Как этот стол-престол любят и почитают, без стола-престола жить не могут, так бы и меня рабу божую (имярек) все любили и почитали, не жить, не быть не могли. Аминь» (РФ 13-2).

Представление о «своем» пространстве актуализируется только в противопоставлении более внешнему, «чужому» локусу, отделенному значимой границей⁶. В магических практиках Чистого четверга к «чужому», нежилому пространству относятся баня, огород, лес, река. По мере удаленности от жилья обжитость пространства уменьшалась, а само оно становилось все более чуждым человеку. Лес и река характеризуются как пространственные отрезки, наиболее отдаленные от жилья человека, поэтому там совершались магические действия, направленные на избавление от чего-либо. Например, в Чистый четверг, чтобы избавиться от тараканов и клопов их уносили в лес, при этом нанизывали их на иголку и втыкали иголку с насекомыми в кору хвойного дерева (2881-72). На реку ходили умываться, а также приносили воду с реки домой, чтобы целый год не болеть и приобрести привлекательность. На реку ходили рано за водой и в эту воду опускали серебро: «Как это серебро чистое и все его любят и уважают, так бы и я была чистая и все меня любили и уважали» (2841-30).

Еще одним важным локусом в ритуальных актах Великого четверга была баня. В бане совершались ритуалы, связанные с приобретением особых навыков, которые приравнивались к магическому искусству. Баня по народным представлениям считалась «нечистым» местом, именно в бане происходили процессы обучения магическому мастерству⁷. В Юрьянском районе Кировской обл. был записан следующий суеверный рассказ о приобретении навыков искусной игры на гармонии: «У нас парень

есть, сказали ему на Великий четверг... Он утром раным-рано взял гармонь и пошел в баню играть. Вот идет по двору и говорит, а может и в бане: «Унеси, лешак, барана, научи играть в бане». Научился парень играть лучше всех. Только ночь проходит, мать стала овецек выпускать, баран выскочил в колодец и утонул. Лешаки его научили играть» (2809-30).

Важной границей между «своим» (жилым) пространством и «чужим» (нежилым) можно считать огород. С огородом связаны плодородные силы, поэтому совершаемые здесь действия были направлены на будущий урожай. В Нагорском районе Кировской обл. для увеличения урожая картошки использовали чурки и «деревца»: «На огород бросают чурку какую-нибудь, чтобы картошка была большая» (3149-42) или «Деревца – это колодка, на которой лапти плели, они же были большие. Эти деревца до восхода солнца кидали на огород, чтобы такая картошка крупная росла. Так и приговаривали: «Какое деревцо большое, такая чтоб картошка росла» (3124-29).

Кроме пространственных характеристик для достижения магического эффекта ритуала важное значение имеет временной код. Особым временем для Великого четверга является раннее утро, время «до солнышка», которое характеризуется как сакральное, пограничное между ночью и началом дня. Г.И.Мальцев указал на особую качественную отмеченность утра, связанную со спецификой восприятия и переживания времени. «В суточном цикле «рассвет», появление солнца – это время начал, время рождения, возрождения, время, связанное с судьбой. Магия рассвета обусловлена именно этими представлениями. Рассвет и сумерки – это «стыки» дня, моменты наиболее критические»⁸. Большинство ритуальных практик Чистого четверга совершалось именно в этот промежуток времени – между ночным темным временем суток и восходом солнца; именно в это время ходили за «четверговой» водой, умывались, считали деньги и т.п.: «... мы идем, соберемся девчонки ночевать в одно место, чтобы сходить за помелом..., чтобы солнышко ешшо... вороны не окаркали и люди не огаркали – вот надо вставать как» (2234-56).

Таким образом, локативный и темпоральный код ритуала характеризуют представления социума о пространственно-временных отношениях, которые призваны подчеркнуть особую ситуацию в обыденном течении жизни. Кроме этого пространственно-временное деление окружающего мира в рамках календарной обрядности было призвано усилить магический эффект, достигаемый ритуальными действиями, и сконцентрировать силу воздействия на будущее.

¹ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. – Л., 1978. – С. 90.

² Там же. – С. 91.

³ Логинов К.К. Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // Заонежский сборник. – Петрозаводск, 1982. – С. 98.

⁴ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Указ. соч. – С. 101; Логинов К.К. Указ. соч. – С.104.

⁵ Логинов К.К. Указ. соч. – С.104.

⁶ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Указ. соч. – С. 93.

⁷ Ильина И.В., Шабасев Ю.П. Баня в традиционном быту коми // Вопросы этнографии народа коми: Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 32. – Сыктывкар, 1985; Криничная Н.А. Сынове бани (мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» бани). – Петрозаводск, 1995.

⁸ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной не обрядовой лирики (исследование по эстетике устно-поэтического канона). – Л., 1989. – С. 79.

Содержание

Моисеева И.Ю. Понять Человека XX века (о всероссийской научно-практической конференции «XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке»)	3
Игнатова Н.М. Особенности интерпретации источников по проблеме «человек и власть»	6
Щербинин П.П. Изучение повседневной жизни детей в период войн начала XX в.: источниковедческие аспекты историко-антропологических исследований	12
Моисеева И.Ю. Антропологическое измерение войны 1941-1945 гг. в исторических исследованиях. Историографический обзор	15
Дроздов Ф.Б. Проблема информационного вакуума в массовом сознании военнослужащих (на примере начального периода Великой Отечественной войны)	25
Кринко Е.Ф. Изучение Великой Отечественной войны в современной историографии: методологические аспекты	29
Боле Е.Н. Социально-психологическая реадаптация инвалидов Великой Отечественной войны	37
Реброва И.В. Мир «человека воюющего» в воспоминаниях о Великой Отечественной войне (на материалах Краснодарского края)	46
Осипов В.Н. Защищал родную деревню	55
Шарикова Ф.Н. Борьба за честь «изменников Родины» во время и после Второй мировой войны	56
Каракчиев В.Н. Воскресшие бойцы 2-ой Ударной Армии первого формирования	61
Мамонтова И.В. Музей партийного лидера: возвращение к прошлому или шаг в будущее?	66
Коробов И.В. Судьба солдата: скупые строки медальона	70
Краева М.А. Историко-антропологические исследования: теоретические, историографические, источниковедческие аспекты	75
Солдатова Т.А. «Nota Bene!» Творчество молодых: проблемы и перспективы (на примере выставки)	81
Юшкова Н.А. Мужская и женская культуры и их взаимодействие в повседневной жизни	87
Шевелева И.В., Лихацкая И.И. Верность своему призванию	92
Елькин А.Ю. Участники предприятий путей сообщения (на материалах Коми края начала XX в.)	94
Плаксина Н.Е. Иконописцы Талановы и Ульяновская обитель (по материалам переписки)	101

Хлынина Т.П. Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности взаимодействия.....	105
Терехова Т.В. Революционная повседневность: человек в условиях Февральской революции 1917 года.....	113
Бондаренко О.Е., Ходячих С.С. Париллов Ф.П. – участник советско-финляндской войны (по материалам дневника).....	120
Морозова Е.И. «Дневник наркома» (дневниковые записи В.А.Малышева – чиновника высшего эшелона власти). Опыт историко-антропологического анализа.....	126
Коробейников А.В., Сахарных Д.М. Гербер: мир человека в праздничной культуре.....	131
Коробейников А.В. Об идентичности удмуртов: повседневность и культура в XX веке.....	142
Островский А.Б. Числовой код в бесписьменных культурных традициях (на материале музейных собраний по народам Амура).....	148
Куклина Р.И. Творчество Николая Дьяконова: лирический герой и эпоха.....	157
Смирнова О.Н. Творческое наследие Каллистрата Жакова в контексте музейной экспозиции (по материалам этнографической экспозиции Национального музея Республики Коми).....	164
Ермакова Т.В. Человек и мир в путевых записях академика Палласа.....	173
Орлова О.В. Два скульптора (Ю.Г.Борисов и В.Н.Мамченко) – одно время (1950-е - 1960-е годы).....	177
Сова В.А. Г.И.Боровка и Л.Л.Бархаш: линии судьбы.....	184
Голованова Т.В. Листая старую тетрадь. В.А.Варсанофьева: исследователь и человек (по материалам выставки «Земля девственных лесов»).....	199
Пешкина С.М. «Сады Клавдии Дулесовой» (по материалам одноименной выставки).....	203
Туркина Т.Ю. Археологическая экспедиция Коми республиканского краеведческого музея под руководством П.Д.Степанова: цели и результаты.....	207
Казакова К.А. Личная жизнь большого человека в маленьких страницах дневника.....	212
Дианова Е.В. Девичий песенник как документ истории и культуры.....	216
Филимончик С.Н. Из истории поселка металлургов Надвоицы.....	229
Михейченко Н.А. Пространственно-временной код ритуальных действий Великого четверга (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета).....	237

Научное издание

**XX век:
Человек в Эпохе.
Эпоха в Человеке**

материалы всероссийской
научно-практической конференции
14-15 ноября 2005 года

*Компьютерная верстка: Моисеева И.Ю.
Корректор: Моисеева И.Ю.*

Подписано в печать 22.11.2006
Бумага офсет. Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ.л. 17. Тираж 50. Заказ № 13896.
Отпечатано в ОАО «Коми республиканская типография».
167982, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70. Тел.: (8212) 24-05-31